

Гусейнов Чингиз Директория IGRA

Чингиз Гусейнов
Директория IGRA,
или компьютерный роман
с греховными страстями
и всякими иными эротическими переживаниями
в заданной программе ДЕЛОВЫХ ИГР,
которую в порядке эксперимента и глядя на зеркало
составил господин ЗИГНИЧ

1.

Не вырубился б свет!.. - энергошалости а la кризис? - и тогда ко всем прочим неудобствам тьмы сотрется на экране монитора текст, не успеешь скинуть файл на винчестер.

И потому не забыть прежде включить блок питания, б/п, модное некогда беспя, въелось в сознание, как и с перестановкой букв п/б - политбю, коим пугали непослушных, но кто о том помнит?

Надавил на кнопку автономного ЮПиэС (UPS и есть беспя!), засветился зеленый кружочек: можно работать, выбрав нужный шрифт, - латиницу чистую или со всякого рода тюркскими добавлениями, а на своем - не поймешь какой: неделю назад был шрифт арабский, позавчера осваивали латиницу, вчера была мода на кириллицу, сегодня - эдакая латинкирровая гремучая смесь. Новое увлечение на старости лет, юноша в свои пятьдесят (с хвостиком): довериться компьютеру, как живому, будто нерукотворный и полон неземных тайн, чтоб вкалывал, подчиняясь воле (кто - чьей!) молодого (?!) профессора (чуть ли не первый аранец-игролог!), реализуя фигурные, вроде квадратуры круга, модели Высшей школы кадров, или Вышки, неистоцимой - во главе с Мустафой - на изобретения новых конструкций (жить по мировым стандартам, но программы - свои).

Полный темперамента и швец, и жнец, и на дуде игрец, вроде закоперщика, - вошло в словарь, хотя звучит грубо и даже оскорбляет ранг, тем более что в номенклатуре специальностей значится и его дело, подстать игрецу: он игролог и зовут его Мустафа, так и хочется петь, растягивая вольным дыханием это имя от края и до края строки, когда на душе легко:

М у у - с т а - ф а а,
и эхо в горах: ф а а - а - а ... а

А и поется - в шлягере рок-группы билингвов, где прямо-бас его поздний сын (вот-вот получит паспорт - разница между первенцем и последышем любви тринадцать лет), - запищал б/п, и его глазок перекрасился в малиновый: предупреждает, что кто-то балуется и упало напряжение. Впрочем,

О Мустафа, о чем твоя печаль?
а по-арански яр, яр, яр, вошел, как рефрен, в
файл motiv

и хранится в директории IGRA, где ни единого лишнего знака, - семеро братьев, и каждая буква блещет, словно начищенная медь, в аббревиатуре, - она возникла в винчестере, устройстве постоянной памяти, выстроившись столбцом, и замкнула имя, обозначив качества:

мнительный
умелый
страстный
талантливый
агнец
фортунный
ангел

Войти в компьютер - как провалиться в пропасть (преисподнюю?), засорен, словно космическое пространство, и откуда-то вдруг со стуком падает на экран, как на голову, отработанная деталь некогда запущенного спутника, непонятный набор букв, вроде

d u r m w z z p y s f i x g

(не надо разгадывать, тем более что программа, хоть и самообучающаяся, моделирует игры с непредсказуемыми результатами), - пока не нажмешь Esc, чтобы прекратить, или выстраивается в линию, будто на параде, цепочка знаков

@ ^ | ~ ~ } { ' ' ' @ @ # # ~ ~ + + **

как шифрованное приветствие, поиск неземного контакта или признание в любви инопланетянина, чей нежный дух обволок блуждающий в космосе осколок.

Или выдает - Мустафа назвал это причудами оперативной памяти какие-то словосочетания, вроде:

Интермуральный инфаркт

Зачат ночью и нчью умрет

Лента Мёбиуса

Вползшая в могилу змея

Мазутный чад

Торопыжничество

Опыт нескончаемых, ретросчет им потерян, шоу с переодеваниями: был царь - стал шут, маскарадами, дистанционным управлением и гипнотическими сеансами чумных кашпиаров, торжественным шествием политических двойников, эти чрезвычайшщики, думцы, полные, естественно, дум, и жирующие жуиры, коммисты, они же - род людской, и утрачена связь между свободой как тюрьмой и несвободой как беспредельной волей.

Б/п уже не пицит: зажглось зеленое, и компьютер выстрелил очередную тайнопись в рифму:

Чернодымные клубы, (какие-то, не рзбр) трубы.

Из Вышки - только ногами вперед, ибо чин - идеал, господство пирамидального мышления в ситуаци, когда пирамида - осуждаемая фигура, особенно в свете этнокризиса и этновойн, условия задает компьютер, куда вводятся промежуточные результаты. Вышка - опытное поле, и круглый год выращивают сочную дыню или медовую тыкву, и ими пополняются чины трёхглавого чудища ЗИС, это Закондат + Исполнат + Сдебнат.

Нервные клетки охапками и поштучно, дар интуиции, а в Сонме Божков, над ЗИСом - его бывший игрант, тезка-земляк МУСТАФА (все буквы - большие и надобно б жирно выделить: вернулся и выделил: МУСТАФА); так что он Мустафа, т.с., маленький в Сонме, но зато большой в ЗИСе, ибо - Вышка готовит кадры игрантов.

Впереди - визит к МУСТАФЕ, выдать варианты: что станет с божками, если начнется. А пока...

Идет и идет по подземному лабиринту Вышки - низкие потолки, одинаковые стены, двери стеклянные, пол, устланный одноцветными плитам, столько лет плутает - не привыкнет к переходам из адмкорпуса в лекцблок, где лаборатории, и - в hotelкорпус, где в каникулы - валюта с туристов, слеты, симпозиумы, недавние дебаты конгресса гомосексов, вчера - млн, сегодня млрд на покупку париков и масок, утолить жажду новых божков охота в

джунглях.

Все бы ничего - одна лишь печаль: Мустафа физически ощущает тяжесть нависшей над ним громады - десятков этажей Вышки.

вспотел... волнуется, что опаздывает... а еще идти и идти... почти бежит... задыхается... ну вот - уперся в тупик!

поэма-реквием?

возвращаться назад... и снова... ступеньки вниз...нескончаем переход... никого, кто б подсказал... звонок как сирена тревоги... новый поворот... кажется сюда... ступени вверх... - страх выстраивается строками, дыхания не хватает произнести прозой:

остановится сердце!

пот градом со лба

снова тупик?!

наконец-то!

так и упадет однажды

в подземной коридоре

и розыск:

ушел - не вернулся

иссохнет

никем не найденный

и набредут случайно:

скелет!

Мустафа уже на трибуне! Успел! За опоздание - казнь!

- ... Но должен вас предупредить, - говорит игрантам, обретая форму, - что не следует превращать игру в средство самовыражения, оголяясь в реализации творческого потенциала, - придумал только что, - а, упиваясь всевластием, сохранять вкус к перевоплощению. - И с патетикой: - Ты и палач, ты и жертва! И каждый в итоге, - долгая-долгая пауза, - жертва палача и палач жертвы!

(кто-то в тетрадке рисует гильотину. Уже было).

Увлекся, а уже полдень, петух пропел, позывные TV, экран на всю стену, и бархатный голос диктора (парик виден) объявляет:

- Мустанги.

В стиле новых веяний: электрогитара звучит с оргоанной мощью и блюзовым оттенком, - кумир рок-гитариста - Джимми, а у сына Мустафы Арана, хоть бас, - Майкл, и мятежный дух витает над городом:

Яр, яр, яр - эротический трюк с акробатическими наклонными неутомимых тел, а ля евразийство, коим, как спасением души, бредят, в исполнении двуязычной рок-группы, и выше всех Аран, духметровый вундер, - в красках экрана смесь кровей.

О Мустафа!..

Веер (или парус) развернут, и отец, о чем Аран ревниво догадывается и его манит взглянуть, какая она... - Мустафа уже давно покинул игрантов - к ней спешит.

2.

Отцовский дом якобы (втайне куплен и отстроен заново), где она его ждет, а с нею файл nika.

С каждой новой такое чувство, будто именно она и есть та, к которой тянет как никогда ни к кому, прежде не испытанное.

Перед уходом позвонил к ней. Гудки в пустоту (ушла к нему?).

"Алё, - голос чужой, отрешенный.

"Ника! - кто бы видел его лицо! Нет - глаза! А еще лучше - губы, как потянулись к трубке.

"Это ты... - узнав, расслабилась.

"Очень хочу тебя видеть.

"Правда? - это часто, много раз обманывали.

"Опять?

"Ой, больше не буду...

Проговорил в уме, не заметив, что уже дома (решетчатая ограда из кованого железа).

И снова проходит весь путь от самого-самого первого: легкий стон и сразу, а он только начинает, - впервые это чудо, когда повелевает, и неведомо откуда берутся силы. Ощущая до обморока полноту своего я и твоей отзывчивости, - это после скорого ее и - вместе.

- Я тебе что скажу... - и умолкла.

- Говори же.

- Ты не торопи.

- Ладно, не буду.

- Я каждый раз с тобой будто становлюсь... - опять молчит.

- Кем?

- Не будешь смеяться?

- Нет.

- Правда?

Мустафа, как уже не раз случалось, затаился в ожидании чего-то необычного. То ли сказала, то ли послышалось: новой женщиной.

Светофор их познакомил, его красный (?) свет. Шли каждый по своим делам: он - в Вышку, и в этот утренний час на оживленном перекрестке гляди в оба, а она вся - нетерпение, и голос с дрожью:

- Ой, опаздываю. - Уж не ко мне ли на лекцию? Лик кукольно красивый, большие карие, чуть удлиненные глаза. И через какие зоны прошла? (Милиционер разговорился с шофером самосвала, высунувшись из высокой будки). Побежали двое, и она б - схватил ее за руку:

- Куда?!

Вырвалась - срезала взглядом. Пухлые с четкими линиями губы - сжались, бутон не бутон, а сердце точь-в-точь, без нижнего острия, как его обычно рисуют, пронзая стрелой Амура (и даже стекающие капли крови).

Зажегся зеленый, и толпа устремилась на тот берег.

- Не туда ли спешите? - рукой на Вышку. Замялась. - Хотите попасть?

- Как-нибудь сама! - Сработал, еще со школьных лет, комплекс повышенной бдительности.

На симпозиуме по игрологии (собраны из всех зон) увидел ее: сидела в зале, а он - об эффектах игры, и, как это часто с ним, увлекся, взял в руку мел, которым редко кто пользуется, графически изобразил синусоиду колебаний от пафоса до стресса и даже попытался, в порядке шутки, извлечь корень квадратный из среднестатической личности (для познания фиктивной величины).

Идет сама к нему, в глазах то ли вызов, то ли затаенная робость, и он ей:

- Я вас заметил в зале, решил, что обознался. Коллеги?

- Ну что вы, я из начинающих.

- И уже преуспели?

Ты и поможешь!

Тебе - да.

Цветом кожи и чертами лица напоминает статуэтку, где-то видел, - с трещинкой у рта, а когда улыбается - шов проходит по улыбке. И в облике излом.

Симпозиум покатило на ужин в загородную шашлычную - домик из фанеры, с пластмассовыми столами и стульями, где вкусно кормят. На обратном пути сидели рядом в

автобусе, туда ехали как чужие, а возвращались, наговорившись вволю, - увлекся юностью.

Сошли на бульваре: центр треугольника, и одинаковые лучи до обеих N, не надо вслух о Норе (и Нике тоже), - с первой штамп в паспорте, черноволоса и хранит красоту, другая светловолоса, симметрия эмоций. -... Ты обо мне не думаешь, - сказала Ника, - ты чувствуешь меня. И не уверена, - продолжила, пока пытался понять, о чем она, - что мне на пользу, если будешь обо мне думать.

Ну да, приоритет чувств - это и есть любовь, - фраза пришла потом, а ему бы экспромтом.

Раньше как бывало? (Нора права: совпадения с новыми заданиями.) Он улавливал (самовнушень?): приглянулся ей, если не обратит немедленного внимания - она обидится, что пренебрег, - столько женщин стремится уйти от одиночества, а с Мустафой, в чем он убежден, легко, искренен в чувствах, и так день за днем. А потом однажды встреча не состоится, другая отложится, третьей что-то помешает, и, захлестнутые текучкой, растаются до новых встреч - не постоянных, а эпизодических, пока и вовсе не угаснет.

Нет, Ника ни на что не претендует - лишь неожиданные просьбы, и рождаются после, это надежнее, нежели до: чтоб и она была законной.

- Но как?!

- Нет, скажи, что не откажешь. И не разозлишься.

- Обещаю. О разводе и не заикайся!

И она - про моллу!.. Ох, и находчива! Чтоб их брак был закреплен по стародавнему обычаю.

В чем корысть, и кто это всерьез принимает? Раньше считал бы дикостью, теперь - шалость, колорит. Во имя собственного самоощущения. Даже приятно, что хочет удержать его.

Использовать моллу в игрологии.

Заглянул в мечеть, условие - чтоб пришла в чадре. Купили розовый сатин, и Мустафа учил ее, вспоминая, как это делала бабушка, закутываться в чадру. В ней красивая (и смешная): обнимет, какая-то вдруг таинственная и - целомудренна, а он - первый у нее мужчина, - сбросит с головы чадру и целует в губы, глаза, шею, никак не насытится.

В старой части города, перед входом, Ника завернулась в чадру. Молла и два его свидетеля ждали. Мустафа и Ника сели на пол, подушечки на ковре, смесь ритуалов:

- Женщина, - начал молла, - согласна ли ты стать женой этого мужчины?

Ника предупреждена - только кивнуть. Потом согласие выразил Мустафа (в роли собственного деда, а Ника - бабушка), и молла скрепил их брачный договор - кябин, арабская вязь на плотном листке.

Ника молча прошла всю кривую улицу в чадре, сняла перед выходом из крепости и попросила у Мустафы - дрожь в голосе - бумагу, бережно взяла:

- Буду хранить, - сказала серьезно, чуть бледная. - Моя купчая!

Накануне в дар молле на фабрике сладостей была специально заказана высоченная, как остроконечный колпак восточного шута, сахарная головка (тоже ритуал - чтоб слаще любовь была), и на вершине, словно знамя на покоренной высоте, - широкая красная лента, да еще заплачена валюта.

А первая просьба была не про моллу: он гладил ее пальцы, рассматривая простенькое колечко с гранатом, в тон старинной гранатовой броши, отстегнула, чтоб Мустафа разглядел: изящный якорь, чья тонкая золотая цепочка переплела маленькое сердце и обвилась вокруг креста:

- Это символы: крест - вера, якорь - надежда, сердце - любовь. - Мол, обрела с Мустафой.

Символы у аранцев? Якорь - дом (отцовский?), обрести пристанище, сердце - сердце и

никакого креста. Лишь полумесяц.

Затихла: задумалась или переживанье какое? И - про обручальное кольцо, чтоб купил ей. Жениться?!

- Всего лишь символ, - уловила. - Я на твою свободу не покушаюсь.

- И как в тебе уживается?

- Что?

- Вера предков и молла.

- Это предрассудки. К тому же я не отрекаюсь от своей веры.

Что еще придумает? А придумает сны, - Мустафа как-то сказал, что верит в тайну сновидений, любит их разгадывать.

Еще недавно казалось: одна, другая... и все же центр - Нора, N (с Ники и пошло - назвать Нору усеченно).

Но что это такое - любить? Ника пытается вернуть его к самому себе изначальному. А какой он прежний? В каком таком веке?

В отрочестве услышанная фраза: Никчемный ни в горести, ни в радости (кто?). Не он ли?!

Маленькая уловка - распалить затем воображение: задуман, дескать, на великие свершения. Тут же, хитря, прерывал себя самокритицизмом, гася тщеславный пыл.

Поедем и поедем к маме, - пристала Ника. Мол, что ему стоит? Хоть и хозяин игр, но покинуть Вышку в решающие дни этно-эксперимента?

- Мама просила, - странно назвала ее: Верма (Вера-мама?) - Приезжай, говорит, со своим мужем.

- Так и сказала?

- А ты уже испугался!

- С чего ты взяла?! (Но ощущение аркана было - шея зачесалась).

Однажды пришла, как договаривались, а его нет. Начало разрыва?

Был с Нель!

Оскорбленная, оставила в двери записку - длиннющее послание на телеграфных бланках (почта рядом). Недоумение, раздражение и - признание в любви:

"Я горжусь, что выбрал именно меня, и мне страшна мысль, как бы жила сейчас, если не встретила тебя? Появилось чувство, что наконец-то живу настоящей жизнью, не приблизительной, а той, к которой стремилась всегда и для которой создана была по глубинному замыслу Творца, и это состоялось".

Потом упреки:

"... после всех твоих ласк, ты вскакиваешь в самый неподходящий момент и говоришь виноватым голосом - это Нора позвонила! - невольно возникает сомнение, что так же по ее звонку ты можешь порвать наши с тобой отношения. А ведь неизбежно в какой-то момент тебе придется защищать не только себя, но и меня, нас.

Я хочу, чтобы подспудно в тебе вырабатывалась независимость, уверенность, не учу тебя плохому, упаси Боже, но, решившись на двойную жизнь, ты столкнешься с необходимостью что-то в своей жизни изменить. Если мне нельзя рассчитывать на твою защиту - вот! это уже серьезно! - то придется самой защищать нас двоих.

Да, во мне порой злые силы поднимают голову, чаще под воздействием внешнего мира: это зависть и ревность, в душе начинают звучать голоса: "Если можно другим (ей), почему нельзя мне?" Есть и просто искушения, не знаю, как у вас, а у нас считается большим грехом введение человека в соблазн. У меня альтернатива - принять твою N как данность не только твоей, но и моей жизни, или вовсе не встречаться с тобой. Я понимаю, что у тебя в сердце есть место и для N, хотя по алфавиту я иду первая (Ника-Вероника?), это радует..."

Когда помирились, шутил Мустафа:

- Ты идешь и раньше М (о себе).
- Нет, я бы хотела, чтобы ты был впереди.
- Как восточный муж?
- Захватчик!
- Я между вами, это точнее.
- И кто перетянет?

Никто.

А я попробую.

И поиграем.

О дурных качествах тоже, каждое имеет свое изображение: как выглядит ревность, не знает (восьмерка бубей!), а вот зависть ... - и расскажет о фреске Джотто в капелле дель Арена в Падуе, куда ездил с земляками, и долго потом толковали, примеряя к себе: ссохшееся тело, огромное ухо, под ногами - языки пламени, а через голову проходит, выползая из рта, змея... еще миг - и она вопьется в висок.

"А то, что я тебе жена, - торопливо писала далее Ника, - имеет вот какой смысл: категория верности - ее нет в любовнице. Если перед лицом Высших сил ты - мой единственный, а я - твоя, то мы муж и жена. Ты согласен? Если "да", не буду более мучить тебя". И цитата еще: "У любви нет возраста, она всегда в стадии рождения", - это сказал Паскаль. Я очень это чувствую сейчас".

Сбоку приписка: "Буду через час. Твоя Н."

... Ты в школе неплохие, наверно, сочинения на вольную тему писала, скажет ей Мустафа, и Ника вскинет брови - ответ ее прозвучит напыщенно:

- Рожденное кровью сердца ты называешь сочиненьем?!
- Я так сказал, чтоб спровоцировать этот наш с тобой романтический диалог.

Прочтя ее послание, Мустафа встревожился и в смятении, сунув записку в карман, тут же написал и оставил в двери свою, рискуя, что попадет кому другому (Аран! или Нора?).

Нет чтоб войти, и не спеша, - стоя на крыльце, как и она, настроичил на клочке бумаги (вырвал из записной книжки):

"Тороплюсь. Надо снова бежать (непредвиденный вызов). Ты поставила много серьезных вопросов. К ним я не готов. Твои наблюдения справедливы, но скажу честно: я страшусь изменений, к которым внутренне ты стремишься. До сих пор с другими были, как мне теперь очевидно, игры (а в уме... нет-нет, не в тексте: и даже с Нель?), а с тобой - всерьез, но твоя стремительность для меня скорость губительная. Отсутствие стабильности невыносимо для меня. И к стабильности отношений с тобой, как они сложились, я тоже привык, и потому не хочу терять тебя..."

И ушел: пусть прочтет и знает!

Когда вечером поздно вернулся - в двери ее новое послание, одно лишь Жду, и он поспешил к ней.

Ночь примирения была бурная.

Расписать лиризуя.

Набрал курсивом на экране: Со слезами.

Искомое слово слеза. Enter - продолжить, Esc - выйти.

Нажал Enter.

И тут же программа выдала: Слеза - признак плача.

Без тебя известно.

Кому известно, а кому - нет.

Одна слеза катилась, другая воротилась. Слеза слезу погоняет.

Что еще из лирики? И соленый привкус в губах.

Искомое слово соль. Enter!

Поднести хлеб-соль. Без соли не сладко.

И наобум выстроились (в линию): поваренная горная каменная озерная морская выварная вареная бабья заячья

Уже чудит - Esc! Искомое слово губы. Не забыла программа!

Губы чешутся - целоваться. Молоко на губах не обсохло. Прикусить губу. Заячья губа. Надуть губы. Губа не дура. Пригубить. Алые губы.

Алое алое алое - и в разных позах, будто компьютер подглядел.

Потом пошли переиначенные строки любовных поэм, коих на Востоке дюжинными пачками, и что-то о макулатуре и куда с нею обращаться.

Кто составлял программу?!

Уловленное недоумение тотчас вывернулось наизнанку (?) весьма занятной пульсирующей догадкой о соавторстве любимой женщины (чьей??), - впрочем, любимая не при чем: женщины более, нежели мужчины, подвержены (нескончаем надоедливый диспут) алогичности в поведении и сознании, непредсказуемы эмоциями, оттого результат контекстного поиска в программе (коль скоро возникла догадка о женщине-соавторе) оказался весьма неожиданным все по тому же методу случайных или псевдослучайных чисел.

Но сначала были упреки Мустафы: не могла его дожидаться! полюбил и никогда, пока бьется сердце, не оставит! сколько бы ни пришлось тебе ждать, знай, что приду!..

И она признавалась в алогизме своей реакции - искренностью на искренность! - что ей не в тягость ожидание, что (ее словами) счастье во внутреннем покое, уверенности, что дождусь тебя, а когда ждала, подуло откуда-то теплым ветром, начались томления, как прекрасно, что они имеют конкретный адрес, все внутри замирает от близости с тобой, - сама не знаю, почему вдруг рассердилась? Даже (и сама поразилась) стала на колени.

- Ну что ты! - он поднял ее, это впервые у него такое, и долго стояли, прижавшись друг к другу.

- Нель.

Ника, вздрогнув, отшатнулась:

- Кто сказал Нель? Ты?

- Я?! Тебе послышалось.

Экранный шантаж (но он же вышел из программы!).

-... У тебя занятный, - сказал ей, - компьютер. - Прозвучало как намек. - Завлекающий.

Иносказанье?

- Может, завораживающий?

алое алое алое на весь экран. Он целовал ее алое, когда приехали к нему.

- Господи, как хорошо, когда о тебе думают!

- О Господе?!

- Я о себе... Совсем другая жизнь!

Не по-мужски: вызывать, используя власть над нею, на исповедь.

Вздремнут и снова (полусонность, послушность...) поиск удобной позы, и каждый раз она новая, съежилась простыня, натер локти и колени до красноты, щипало, когда мылся.

- Ты легкий, - она ему. Хочет почувствовать его тяжесть? Нет, утомиться под тяжестью твоего тела.

Расставания всегда были трудные и долгие: наступал момент, когда не терпелось остаться одному, и он видел в этом своем желании готовность к предательству, мучился, что не может перешагнуть через эгоизм, а она цельна в чувствах. Не потому ли, думал, Нора отошла от него?

Взглянуть на себя со стороны: выскочка, непонятно чем занятый. Клерк, думающий, что он - здесь и вернуть - демиург. Рычаги? Но ведь никакой реальной власти! Еще ученики:

как делать карьеру, и для избранных - как захватить власть (?); девчонка-любовница, подцепила почтенного семьянина, какая она по счету, эта его новая?

Достаточно ли пальцев рук или подключить и пальцы ног?

- Ты что-то зачастил в свой дом, - Нора ему и, как всегда, неожиданно: не сразу скажет, сначала обдумает и - самую суть.

Это еще до Ники, но тоже на N, - он их всех (конспирация?) на N, и даже сам поверил, хотя лишь одна - по-настоящему, редкое имя Нель, с которой... Она, в сущности, и научила его (соседка не в счет!). Такая горячая была пора, что, казалось, заново родился и понял это.

- А ты давно не интересуешься моими делами.

- Этими, да, не интересуюсь.

- Я о делах иных. Ведь рассказывал тебе.

- О чем?

- Ну... - замялся. С другими решителен, а с нею теряется. Надо твердо: - О ZV.

- Впервые слышу.

- Ты ж меня не допускаешь до себя. - Тут бы и добавить, сказав правду: В темноте мне вдруг почудилось, что Ника - это ты, когда у нас начиналось, и все было так прекрасно, точнее - как если бы он с нею проделывал то, что с Никой: и долго, и по-разному, ощущая легкость и владея собой.

"Ты вариативен. Все другие, с кем я была, - польстила ему перед расставаньем Нель, - меркнут перед тобой. Себе на беду научила тебя, подлеца, - и смеется, в ее устах звучит не грубо. - Знаю, бросишь меня, чтобы на других испытать обретенную со мной мужскую уверенность".

- Ты только в такие моменты обсуждаешь свои дела? Наверно, кому другому, вернее, другой рассказывал.

И защищал тебя!

Каждая копала под Нору, выискивая (как и она сама - в других) изъяны, и это отталкивающе действовало на Мустафу, будто косвенно осуждается его выбор, - тотчас желания угасали.

Нель даже диагноз Норе поставила по-привычке, как все медики: Мустафа сам виноват, кто за язык тянул рассказать о странном случае, что однажды жена не впустила его, выскочила на балкон и кричала, что к ней вламывается грабитель, набежали соседи, милиционер явился, долго уговаривали, чтобы открыла дверь.

"Может, - чей-то ехидный шепот, но слышно всем, - она не одна, там у нее кто-то есть?.." - пока не пришла из школы Аля, - поначалу и ей Нора не верила, думала, что подучили.

Нель сказала про какую-то манию - забыл, а переспрашивать не стал, кажется, страха, обиделся, будто болен сам, а не жена, и, защищая Нору, сказал, что сочинил, хотел удостовериться в ее, Нель, медицинских познаниях.

С Никой ведь тоже - мама ей сказала, и она поделилась с Мустафой: жена узнает и в припадке ревности плеснет в лицо кислотой... Мустафа возмутился, и не успел рта раскрыть, как чуткая Ника тотчас уловила: У меня мама такое вдруг брякнет!..

-... Как же впервые про ZV слышишь? Я даже помню, когда рассказывал: ты варила варенье абрикосовое (может, действительно перепутал?). - А отчего у тебя вдруг нос раздулся (раньше было почему вздрюченный)? Выпустила невидимые антенны: - Ну да, - поймала его думы, - как новая дамочка - тотчас и новое задание.

Все реже и реже с Норой, пока она не стала N, а потом и вовсе прервалось: там не трогай, этого не касайся, здесь будь осторожен, что ты делаешь?! (больно или неудобно), - исполнением лишь долга Мустафу не удержать, ему нужна импровизация, отзывчивость, упреждение желаний и множество иных причудливостей.

Какой ей смысл идти на явный разрыв? Чтоб потом наслушаться всяких о себе небылиц и слухов? А мы-то думали!.. И пошли судить-рядить: Уж если у Мустафы с Норой!.. Дескать, и без того на свете ничего святого, а тут рушится идеальная (?) пара! Расставаться нелепо, окажемся под развалинами.

- Ты, как всегда, проникательна. Это, что у нас не получается, как источник вдохновенья, чтоб построить дом или написать роман, а деловая игра и есть роман!..

- Твой излюбленный, - на сей раз спокойно, - тост: все, что ни делает мужчина, делает ради своей дамы. И на преступление пойдет, и подвиг совершит.

- Разве нет?

- При условии, разумеется, постоянного обновления объекта.

- Пусть так! - и смотрит дерзко.

Я собью твою спесь!

- А если жена уже вчера изменила?

- !

- И сегодня ей приглянулся другой?

- Что ж, - нашелся с ответом, поняв, что вредничает, - завтра к ней придет понимание мужа.

- Ты хочешь сказать, что третьим увлечением будет собственный муж?.. Увы, я пока во власти вчерашнего дня.

И Мустафа опоздал, выбитый из колеи, на встречу с Никой. Или с Нель?

Перед прощаньем Ника заговорила о своих записках - напомнить, чтоб не повторилось ее унижительное ожиданье.

Никогда не спрашивала: Когда увидимся? - всегда торопливое: Как не хочется расставаться! И он - уже само обещание.

- Я позвоню... - Ждет, чтоб ушла.

- Весь наш роман... - Мустафа вздрогнул. - Да, это роман, ты не согласен?

- Нет, что ты, - проговорил поспешно, - ты права! - и не сдержал усмешки: ох уж эти его сверхчуткие женщины!..

- Смеешься? - возмутилась. - Сама мысль о долгой разлуке невыносима, я места себе по ночам не нахожу, а ты... - Не дал договорить:

- Я просто удивился совпадению наших настроений!

- Вот я и говорю, - тотчас оттаяла (или испугалась?) - что весь наш роман держится на тонком волоске недолгих встреч... Нет, не пугайся, я умею терпеливо ждать, но как же сделать, чтобы несколько дней мы могли быть вместе?

Не зная, что сказать, Мустафа растерянно смотрел на нее: скорей бы ушла, и чтоб остался один. Так всегда, и с нею тоже: гасить чувства, когда привязываются к нему.

-... И разошлись, как в море корабли, - невзначай вырвалась банальность.

Ника встревожилась:

- Ты так не шути!

Ушла, а голос ее витает:

"В эту нашу встречу ощущалось где-то, очень в глубине, скрытое раздражение, почувствовала! надеюсь, не ко мне лично, ты устал безмерно, истончилась твоя душевная оболочка до самого... слово пропало, поэтому тебе болезненны любые прикосновения. Разве не права?". Ее доверчивость трогательна: и завладевает им.

Еще какие-то в доме голоса, и будет уловлена некая тайна, и бас Арана, - не поймет, чего больше в этом голосе: задора? тревоги? празднует победу или оплакивает неведомый позор?

Тщетно пытается, преодолев внутри какие-то преграды, выговориться и оттого кричит, нагнетая шумовыми эффектами беспокойство, и тут же спад заунывная на непосвященный

слух, но щемящая для знатоков, а то и непонятная, как все, что делается вокруг, и только иллюзия разработок, мелодия.

Надо же, вдруг такой ясный сон - сублимация бунта или ожидания, давно никаких сновидений, Мустафа и Ника сидят за столом на кухне, а у плиты Нора, и он удивляется наглой своей откровенности, говоря Нике, не сказать невзначай Нель! но лишь кажется, что это Ника, - видит ее впервые, молодую литовку (?), которая у них в гостях, иностранка:

- Выходите за меня замуж, - делает ей предложение.

Спокоен, не волнуется, естественной ему кажется и реакция Норы, ну да, у нее же есть свой! лишь улыбка у ее рта, и не улыбка, а привычная ирония. А Ника, нет - литовка! сосредоточена на своем, молчит, глядя на чашку чая.

- Или вы считаете, - не без кокетства, - что я для вас стар? Говорите, не обижусь.

- Нет, что вы, - вспыхивает, - это другое, мне трудно выразиться, я не могу здесь жить, я уеду отсюда.

- А как же ваша мама?

- Разве у меня есть мама?

- Вы же рассказывали. Я даже знаю ее имя: Верма.

- Ах, Верма!.. Ну да, - смутилась, что отрицала. - Но она мне не мама, это тетя, и живет своей жизнью.

- Куда вы уедете?

- Разве не знаете? Я же литовка, - во сне понимает, что это не так, но верит, - и поеду к себе на родину, я так люблю Вильнюс!

- Я тоже! - восклицает Мустафа.

- Неужели захотите поехать со мной?

- Да! - Пора сбросить с себя прошлое и начинать все сызнава, жизнь в чужой нынче стране кажется заманчивой, хоть и понимает, что отъезд нелеп: жить эмигрантом, - помнит, слово это было увидено как эМ-игрант, не зная языка? Но зато кто о чем! доступ божков на литовское небо закрыт!..

Очень захотят - въедут на облачке.

Тут в разговор вступает Нора:

- Я надеюсь, - обращается к литовке, - что мое молчание вы понимаете как согласие на ваш брак. - Ни тени обиды. Мустафе это больно слышать, но желание разорвать все прежние нити так велико, что поддакивает Норе. - Я вам мешать не буду.

Какая у него жена молодец! благодарен, что не устраивает сцен, готов выполнить все условия молодой литовки, с которой еще ничего не было: лишь бы согласилась стать его женой - испытать с нею!

Литовка была так зрима - Мустафа сожалел, что проснулся, - а в незнании ее языка, когда он ее будет любить, столько, ему казалось, ранее неизведанного... увы, не дождался ее согласия, еще бы чуть-чуть продлиться сну, и он бы... При Норе? И чтоб Ника, которая вселилась в литовку, узнала, что он предпочел ей другую, хотя та - она сама?..

Помнит, что салат, которым Нора угощала гостью, был оригинальный, вечно экспериментирует: ананас с морковью, чтобы одного цвета - этот оранжевый, а бывает - прокручивалось во сне - белый (сыр, яблоко без шкурки, белок) и даже зеленый (перец, капуста, огурец).

Кого же ты любишь? Не на время, не в сей уходящий, изменчивый, неустойчивый, текущий, летящий, исчезающий, еще какой? миг, а навсегда?

Люблю Нору. А если изменила? и ревность, и... даже рад как-будто! Нику люблю, и... - вот и перечислить всех женщин, которых любит.

Что ж такое твоя любовь? Это и привязанность к Норе, но если все-таки верна! и привычка к постоянному обновлению чувств, Ника за вычетом N? Или N плюс остальные,

которые до и после нее?..

Доволен, что готов даже - это ново! - простить Норе (Нике тоже?) ее измену, и относит дилетантские размышления к вариациям заученных фраз, где разные цветные комбинации ударных букв, глухих и звонких звуков, выдаваемых программой за откровения: возникли, и, как захватившая его всего литовка, растворились в голубизне экрана, где царствует коварный Delete: зачеркнуть, очистившись от глубокомысленных этих курсивов.

3.

Ветвящаяся сеть директорий с файлами - всякого рода модели, досье, переписка, а в личной, интимной, - дневниковые записи (не только!), ну и, разумеется,

файл пога.

Как без нее, без N?

... Пошли через мост, сухой колючий снег бил по щекам, к низкому деревянному дому, где загс, он и Нора, а с ними свидетели - председатель студкома с женой, литовцы (разгадка сна с литовкой?): они и затеяли свадьбу в студенческом общежитии - собрали деньги, чтобы праздник Октября отметить, ушли и полученные беженские (тогда называлось пособие переселенцам), шуму много, вина - мало, зато ящики лимонада и минеральной, кто-то даже не понял, что играли свадьбу.

Натерпелась Нора страха и бездомности, гонений, клич был (Самый, который вождь-отец, выиграв войну, затевал новые кровопускания) очистить, покинув отчий дом, наши земли, и замерзли все, преодолевая горный перевал, уцелели единицы.

Каролина моя, Каролина, - пел отец (Аран в деда), - морщась от боли и не в силах разогнуть спину, - радикулит со времен битвы за Каролину Бугаз, шли по узкому перешейку в ледяной воде зря воевал! Вскоре умер, следом мать и сестра-близняшка (эту звали Нурия, ту - Гурия), и Нору, пугливое дитя, вырастила тетка (мамина сестра).

Каждый мужчина - враг, урвать-отхватить, а ты прячься: девичье дерево, как говорили предки, - словно ореховое, прохожий норовит камень бросить, чтоб сбить плод. И Нора, как возник на горизонте (в общежитии) свой Мустафа, долго не раздумывая, потянулась к нему.

В первое время Мустафа терзался: он ли у нее - первый и та ли кровь или подогнала к сроку?.. Никакой как будто преграды, когда в первый раз: села к нему на колени, крепко обхватив за шею, и он, слегка ее приподняв (руки ощутили прохладу упругого тела), привлек всю к себе и... никогда ни до, ни после не испытанный острый миг - уже там.

Нора строила крепость, и даже ценой обмана, - мягче бы, но как, если о живой сестре как о мертвой? Что-то скрывать, утаивать... Или привыкла?

Строил и Мустафа, не заметив, как и когда начали преобладать отступления, и стало манить подполье, куда уходишь для себя, ничего ни против кого не замышляя (с туннелем, откуда можно сразу на Горбатую площадь).

Когда открылась ложь Норы, чуть до разрыва не дошло: часто отлучалась, и странные - скороговоркой - объяснения (нет ли у нее кого?..), что заболталась с подругой, Ты ее не знаешь, и они сто лет не виделись, ночью, оказывается, ее поезд.

Предупредила однажды, что есть у нее дело (по женской части), придет поздно. Это поздно еще повторилось: Мустафе позвонили, что всех в саду забрали, лишь одна их девочка осталась... а Нора явилась, когда Аля уже спала: выстояла-де длинную очередь за чем-то и обидно, что не досталось.

- ??

Оскорбилась: - Можешь проверить!

Не похоже, чтобы у Норы кто-то появился, ну а все же? Решил выследить - шла озираясь (Мустафу спасла ее близорукость), исчезла в парадной большого дома, долго ждал, когда выйдет, прячась под деревом и всматриваясь в окна, и - вот она! А следом - какой-то ребенок!.. Нет, вся в морщинах женщина, но ростом с семилетнюю их дочь Алю.

- Нора! - вырвалось: Мустафа удивился, как они похожи лицом, незнакомка дружелюбно разглядывала Мустафу, а Нора бледная, потом, на что-то решившись, твердо сказала:

- Это моя сестра.

- Родная сестра?

- Да.

- Гурия?! Но она же... - И осекся, поняв, что Нора все эти годы его обманывала.

- Не судите ее строго, - заступилась. Голос Норы! - Она боялась вас потерять.

Что у нее сестра урод!

В ту ночь, когда их изгнали, Гурия с высокой температурой в долгом пешем пути не раз теряла сознание, потом... перестала расти! Врач из беженцев объяснил: шок. Атрофия клеток роста.

Сказала, что живет не здесь - назвала близкий городок: видимся, когда приезжает.

- Почему не пригласишь жить у нас?

- Я предлагала. - Врет! - Но она отказалась, не хочет нас стеснять.

Нора говорила правду, но не всю: боялась за Алю.

- Считай, - ответила тогда сестра, - что я добрый дух твоего домашнего очага. Кстати, я же старше тебя, - улыбнулась, - на целых двадцать минут, и в маминой утробе питала тебя - все соки шли к тебе через меня (вот и объяснение атрофии: Нора росла в утробе, активно беря у Гурии, а Гурия была пассивна, ибо все получала первой от мамы).

А еще прежде:

- Ты могла быть мной, - сказала ей Нора.

- А кто - мной? Ты?

- Я бы этого не вынесла, - призналась. И тут же: - Я тебя не обидела?

Будто не услышала:

- Не выносишь нынешнего своего состояния?

- Живу в постоянном страхе за вас...

Однажды повела дочь к ней, зачем-то внушала, что идут к родной тете.

- А еще знаешь кто она? - чтобы, увидев карлицу, дочь не испугалась. - Подруга наших гномов. - Решила, что если Аля ее примет - пригласит домой.

Как только Аля увидела Гурию, в глазах появился страх, ни на шаг не отходила от мамы, потрясена и боится.

- Ты гном? - спросила у тети, и та, не поняв (забыла, что говорила Норе), пожала плечами.

Когда пришли домой, Аля стала изображать тетю, передразнивая ее манеры, горбилась, ходила, как та, вперевалку, изгоняет из себя страх!

- А если бы я тебя дразнила? - Не знает жалости!

- И дразни! - Потом напомнила маме, что та ей сказала неправду.

Мустафа больше не видел Гурию. И ни о чем не спрашивал, - ждал, что Нора сама скажет.

И шло, как прежде, будто ее не было.

Изумление, да-да, именно изумление было в голосе Норы, когда, напуская на себя печаль, однажды обжегшись, перестал ей верить? сообщила, что сестра умерла.

- Как? Когда?! - Мустафа был потрясен.

- Уже похоронили.

- Почему я узнаю теперь?

Промолчала. Снова врет? Чтобы вторично убить живую!

- Это правда, - тихо добавила.

Норе позвонили:

- Вы ее родственница?

- Да, а что случилось?

- Приезжайте в больницу.

Дальше - словно не с ней: морг, прощанье в театре... Не сказала, что сестра. Какая же сестра, если рядом с нею никогда не видели?

Собралось столько народу и такие светила, Нора была ошарашена, раздавлена - всю жизнь жалела сестру... Неужели завидует?

Никогда не верила и всерьез не принимала ее рассказы о себе, чего не придумаешь обделенной? Бредни!

-... Знаешь, у меня обнаружился талант. - И смеется.

- Какой?

- Экстрасенса. - Норе было неловко, что та играет в модную игру, потом стала ее жалеть. - Хочешь, на тебе продемонстрирую? Вот мои руки... - Нора перебила ее:

- Не надо.

Та сразу сникла: - При неверии эффекта не будет. Надо довериться, тогда поможет.

- Слава Богу, я здорова.

- Я уже многим помогла.

- Да? Она не должна чувствовать, что я ее жалею.

Гурия усмехнулась: твои мысли - у тебя на лице.

- Думаешь, сочиняю? - Пусть утешится. - И не спросишь, кому?

- Кому же?

- Скажу - снова не поверишь.

- Нет, говори.

- Смоктуновскому! "Вы клад!" - сказал он мне.

О моя бедная сестричка! - Еще кому?

- Джигарханяну.

Телевизор много смотрит. - И он?..

- А, ну да, поняла - вражда и так далее... Он далек от таких глупостей. Пошутил однажды: играл, дескать, итальянца, еврея, турка, даже армянина, - вот и весь его ответ! А сейчас я работаю с Магомаевым.

- Муслимом? - невольно вырвалось.

- А есть еще какой знаменитый?..

(Были на похоронах). Услыхала вдруг:

- Не явился даже!

О ком они?

Однажды пришла Нора к сестре, а та - в слезах.

- Что с тобой? - Долго увивляла, потом сказала, что с любимым человеком поссорилась.

- Кто он?

- Неважно... - и, глянув на Нору, вздохнула: - Не веришь, что и меня полюбить могут! И даже стреляться!

- Как в романах?

- Да, в романах, которые читаю, придумывая всякие небылицы... Ты ведь так думаешь!

- Ну что ты!

- А мне действительно тоскливо!

- Расскажи о нем.

- Что толку, если решишь, что сочиняю.

- А хоть и сочиняешь! - И что-то банальное сказала, было ощущение неловкости, про выбор способа жить.

И на поминках разговор о том неведомом.

- Ну да, испугался придти!

- Чего ему бояться? И той, от которой ушел, тоже нет в живых, губитель какой-то!

- А у публики успех.

- Был!

И не спросишь: о ком? всем известно, а ей, родной сестре, нет.

- Да, была такая... - с паузой - некрасивая (не скажешь на поминках уродливая), - тут же перебили:

- К ней некрасивая не подходит, лучше - миниатюрная.

- И столькие вокруг вились... Надо же - отбить его!

- Дар у нее был.

- Внушения? Или приворожила?

- Умом - может.

- На уме мужика долго не удержишь, нужно что-то еще... - и рукой движение, означающее, очевидно, это что-то.

- Некая витальность!

- Любовь - тайна.

- Тут случай особый: такого красавца скрутила.

- А не явился!

Так и не узнала Нора, кто?

С тех пор... казалось бы, облегчение после смерти сестры, - нет: катилось, катилось - скатилось на мелочи, - трещина в их с Мустафой любви, и чуть что - война, а повод - любой пустяк.

- Где моя ручка?! - кричит Мустафа. - Она лежала здесь и ее нет!

- А ты поищи - найдешь.

- Я все перерыл - взяла ты! Если завтра... - такой гнев, что инфаркт вот-вот срывает.

- Не дури, завтра найдешь. - И положит ручку на место (приглянулась Норе, - не царапает, тонкая паста).

Выдуманное чувство сковывает беспольностью, не давая ясно обозначить реальность отношений, некая помеха, соломинка в глазу, - смыть слезой.

Прежде Нора часто пела, лицо светилось, и стоило Мустафе нахмуриться обнимала его, повиснет на нем и целует, пока хандра не покинет, и в семье воцарялся мир, нарушаемый разве что тем, что Аля не так выполнила домашнее задание, ужасный почерк, иероглифы какие-то.

"Может, - поправляет ее Мустафа, - каракули?"

Рассерженная, рвет страницу и заставляет дочь - всю себя вложить в нее, избыть свое несостоявшееся - написать заново и, если не удастся добиться идеального письма, сама аккуратно переписывает вырванную страницу, - и упрямая (может, упорная?) Аля, постигая иероглифы своей натуры, укатила с Гунном в Чин, китайские пределы.

Боязнь за Мустафу? И в каждой, которая приглянулась, угроза ее

крепости? Ну да: в твоём вкусе круглолицая блондинка или плосконосая пустышка-глупышка.

- А выбрал тебя!

- Вот именно!

- Искал в краях морозных землячку, - поясняет, подыгрывая, - хоть и смешанных ты кровей (напомнит о полу-полу - что и это не спасло от изгнания), привык к нашей речи, которую ты забыла, к нашей еде, а ты готовишь отменно, - и тут ей становится жарко, ибо редки добрые слова. Потом нежданное: нигде есть не может, непременно отравится, Ты убедила меня! - как не дома съест, срабатывает какой-то фермент, наступает нечто вроде

отравления.

Всего-то в ее арсенале четыре типа еды, не считая салатов всяких или плова с орехами: пюре, пироги, котлеты куриные, а порой искусно смешает свинину и говядину, выдав за любимые Мустафой бараньи котлетки. И легкие супы - овощные и гречневый.

Подслушала Нора, как бабушка Мустафы однажды ее хвалила: "Хорошая жена попалась, - соседке говорит. - Из одной курицы две делает!"

"Как так?" - удивилась.

"Курица, что купила, и в точности ее повторяющая".

Та сообразила: "Фаршированная?!"

Сумела Нора убедить, признайся! что женщин прельщает в нем его чин (?), пусть не возомнит, что красавец-мужчина, загонят как лошадь и быстро сведут в могилу.

А если он на кого с интересом взглянет или кому, как ей кажется, может прийтись по душе, - не медля ни миг выставит напоказ, и не грубо, а с изяществом, виртуозно, с едкой иронией, изъяны соперницы, а та понятия не имеет, что зачислена в разлучницы.

И Мустафа поразится, как точны и убийственны наблюдения Норы: и голос у той манерный, и тело кривое, неуклюжа, не те глаза, черные полосы на шее - грязнуля, уши неестественно оттопырены, клипсы... что-то с клипсами, не вспомнит, - старый, как мир, маневр: охладить пыл влюбчивого мужа.

Он даже сделался... да, да, сделался импо! (разве нет? как в подростковую пору с соседкой: еще ничего не началось, уже невменяем, и не успел прикоснуться...).

Не до смеху: разучился управлять собой, и Нора, хоть чаще успева

ла вместе с ним, - раздражена, что не получила свое законное, но виду не подает, долго моется, чтоб успокоиться под горячим душем.

В кого ты? В отца? Нет, отец слыл, как говорила бабушка, однолюбом, к личному удовлетворению Мустафы. В деда? Три жены у него было, а у прадеда, как и повелевает вера, - четыре, о нем Мустафа только слышал, а портрет деда видел, так что идет у них по убывающей: четыре, три - отец не в счет, времена были строгие, - странно было б разговаривать с отцом (в какой такой таинственной реальности?):

- Отец, я уже намного тебя старше, ты - как мои ученики=игранты.

- Мы строили, вы играете?!

Поговорили!..

Если возникло у нас с нею внутреннее влечение друг другу, симпатия, основанная на некоем духовном начале, улыбнись прежде! (отец?), то надо ли гасить это чувство, сообразуясь... а с чем сообразуясь?

Я и не знал, что это у нас общее (но ведь отец ничего ему не сказал!)

Вдруг это - окончательное? захватит его всего, как у отца с матерью, и оттого - полнейшее удовлетворение? И чудо=случай выводит на новую, которая ему приглянулась или, что чаще, сама выказала внимание: лестна мысль о ее активности. А вдруг кто у них родится? Ровесник будущего внука?

Но и когда есть уже Ника - случайная встреча с Нель: стоит растерянная посреди улицы, и все такси мимо, - развернулся и к ней.

"Ты?!" - и хохочет. А потом: "Я очень спешу!"

Довез до клиники. "Ты подожди, - шепчет, и уже ее желанье передалось ему, - я на минуту!.."

А потом к ней... И, вспомнив прошлое, Нель формулирует (так и не понял):

- Ты тоже, как все овны, с копытцем, - смеется, - мозги у тебя работают, но душа широкая, и в порыве ты можешь выговорить сокровенное, да?.. Не мучайся, ничего лишнего не сказал. - Поняла, что эта их встреча - всего лишь эпизод, ибо перегорело, и у него, ее ученика, есть та, для кого он - учитель.

- Это у нас любят бескорыстно. И учат тоже бесплатно. - Красива при свете луны. Уловила, что Мустафа ее разглядывает: - Я его стыжусь.

- Кого?

- Не кого, а что: свет луны. - И, помолчав, добавила: - Да, река течет, и жизнь куда-то выведет.

Любовь по Норе - таинство без шалостей, выдумали про чувственные узлы, они есть, эти эротические точки, но лишь когда обнаруживаются, а не ищешь, пробуя и то, и это: что надо - бери, строгий регламент, долго и сильно, и ничего за пределами, поцелуй всякие (колючки, которые вонзаются, а он вечно недобрит, - красные точки на белом теле), ты просто не можешь выдержать и, увлекаясь позами, ломаешь ритм.

И опять же - боренье слов как драма души. Или трагизм духа. Может, знак хаоса?

- Тебя не переговоришь. - И каждый остается со своим.

С сыном (может, дочерью?) в строгости. И когда жизнь не поддавалась схеме и выламывалась... неясно, что дальше, стерлись буквы (и не успел сохранить в файле).

Деньги дочери - пошли опечатки: не дочь, а сын - какие ей деньги, когда сама может подкинуть зелененькие?

И внук (? разве не внучка?), нет пока ни его, ни ее, лишь ожидание, которое затянулось.

Нехитрые правила (кто им следует?): сделал добро - забудь (никакого добра!). Помог кому (валютой?) - тоже забудь, просто афоризмы, из заповедей долгожителя: самый большой грех - это страх, но кого Мустафе бояться? Собак боится - это точно, и что самый лучший день - сегодня, а что еще - не помнит.

Поймал себя на мысли, что сравнивает: вспомнить N, когда ей было сколько теперь N, и представить N в возрасте N.

Так что же: первое, чем непохожи, - N улавливает его желания и никогда не бывает ей неудобно?

Не успел додумать, как пропала всякая охота: может, и N сравнивает его с кем-то из тех, которые были у нее и теперь продолжается по инерции, ибо действуют привычные импульсы, хотя потом - утешение для Мустафы? переживает, что ах, ах, такая слабая, и молится, замаливая грехи. Но уже было и случится еще, если ее бывший снова пожелает. Нет границ для фантазии.

А может - тут вовсе расхотелось сравнивать, - и N тоже, не ломая, как и он, привычной жизни, сравнивает Мустафу и того, кто и моложе, и умелее для нее?

И, глянув на N чужими глазами, вдруг понял, что это возможно: опрятна и элегантна.

Но странно: рядом с Никой может представить другого, а рядом с N видит только себя; главное их отличие - это временность N и постоянство N?

осень осины

перламутровый портсигар

кинжалы сосулук

Поиски бесконечны (или поиски бесконечности?): чтобы Ника, сама естественность!.. Напрасно он терзает душу, обнажая бездну зла, рожденного... ах да, ша=ша, шайка шайтанов, все играют - боги и рабы, никаких зрителей, лишь сцена - весь край по ту и эту стороны горного хребта Каф.

- Ты прожил жизнь в подполье, - N (Нора?) вторглась в его файлы?

Удивленно на нее глянул:

- Что ты имеешь в виду? - Казалось, смирилась. И жалко ее вдруг стало: печальное зрелище - стареющая женщина, руки... когда это случилось? ее руки, которые были гладкие, без морщин, - вены на них серые выступили, светлоголубые прежде. Но не сдается, какие-то хитрости, чтобы оставаться привлекательной (для себя ли?).

Мустафе невдомек, а Нора, конечно, уверена, что у него никого нет: ведь не может! Нет-

нет, да напомнит, что это - искусство более тонкое, нежели игрология.

- Игролог - это когда жизнь игра, так что ли? - Ясно, что спросила не зря: затевает новый спор (жизнь - игра, игра - любовь, и так далее).

- Ты сказал наука?

- Разве нет?

Прежде уже пикировались: не наука, а шаманство. Гадание (на кофейной гуще). Гипноз и самовнушение. - Вздыхает.

- ... Увы, - добавил, - у нас всегда так: отшумит в мире, потом, как новость, прилетает к нам. Впрочем, и здесь мы отстали от соседей.

Пусть за океаном, эти British или Latina, - но гюры из Теплых холмов, пьющие с нами воду из одной реки

(что берет начало с ледников высочайшей горной гряды, и судоходна река, и дарами несметна - в ее чистый приток Аруку заплывает метать икру почти вымерший на континенте осетр),

создали труд по игрологии, ее истории, теории и современных новациях, излюбленное триединство Мустафы, впрочем, эрмы из Солнечных камней, часто побиваемых градом

(отвлекающий маневр в ситуации разрухи),

оказались проворнее, им предлог нужен был, созвали гостей на форум по игрологии из стран, входящих в Мировое содружество наций, или МиСоН, чтобы выкачать валюту (приобрести оружие?).

- Ты, конечно, рад, что перевел разговор в иное русло.

- А что?

- Скажи еще о том, что слово игролог отыщется в любой энциклопедии мира.

- Тем более странно, что нет в нашей. Есть игра, кошка играет мышью, игрища, а прежде играный - о колоде карт, которая употреблялась, наверняка крапленых, игрец есть, на дуде, играючи тоже, как бы шутя, даже игренивый о масти лошади, рыжая, со светлой гривой и хвостом, игрок-игрун заправский и завзятый, а игролога... я успел перелистать дополнительный том, ужасный малиновый цвет под чертополох, будто верблюдам на угощение, есть идол, но где они, давно вымерли!

- А божества-божки, которым поклоняетесь?

- ... даже, - ушел от этого разговора, - дифтонги, слова вроде СС или ЧЧ!

- ?

- Свобода Совести и Человек Чести!

- Нет, - вернулась Нора к своему, - игролог это не когда жизнь как игра. Может, игра и есть сама жизнь? Нет, я выразилась неточно: не двойная жизнь, а две жизни. Если точнее, жить и не своею жизнью!

- Не понял... - ведь договорились как-будто.

Ты в плену старых разговоров, ревность и прочее, а я уже смирилась, и все чаще думает о том, что неужели этот человек, в котором видела опору после трудных скитаний и в постоянном, лет до семнадцати, страхе, что переселенцы, - ее муж?

Что было в карточном гаданьи?

измена

потеря друга

враг

дама-невеста

веселая дорога

- Трагедии нет, а жалко.

- Рано меня хоронишь.

осень без сосен

шкатулка Ierusalem
сосулька как гильотина

И тут она сказала фразу, которая поразила: - Нас всех давно похоронили, еще когда мы не родились.

- ?!
- Не удивляйся: всего лишь восточный афоризм.
- Игра слов! - с чего-то разозлился.
- В твоём духе.
- В моем! - С иронией: - Еще не родились, но нас уже, видите ли, успели похоронить!

Не мудрость, а вычурность.

- Я каждую ночь прощаюсь с тобой, провожая в последний путь.
- О сестре еще скажи!

Растерялась: - Что?

- Как ее живую вторично похоронила!
- Смелый ты человек, Мустафа.

- ? - У тебя нет страха, что останешься один, и никто не захочет за тобой присматривать.

- А компьютер?
- При чем тут компьютер?!
- Как Alter ego.
- Надеюсь, не собираешься меня покидать?
- Всю жизнь раздувала угли, а они - сырые.

Странное дело: думать о пережитом, когда голоден, и потом, когда сыт (после еды), - и жизнь не показалась Мустафе столь уж мрачной. Тем более всем им выпало великое везенье родиться, мог вовсе не родиться.

Нора права.

И - никакого гнева: она - жена, и этим все сказано, не оставит ее, как и Нику тоже, куда она с ним: самое страшное - это смерть. Разве? усомнился. Похуже смерти - остаться не у дел и без любви: жив - смерти нет, умрешь - не знаешь, что умер.

И чтобы в жизни было подполье...

туннель а la метро успел выдать компьютер и замигал зелено-красными лампочками, уловив нечто недоступное разумению, будто подключен к доисторическому существу (Мустафе?), понявшему свою обреченность. Или ревнует? и весьма образно!.. Но если мигают лампочки - беда!..

Ничего себе подполье, где имеешь все радости и не надо ночью продирается через-через и влезать в окно, рискуя, будто Меджнун + Ромео к своей Лейли + Джульетте, любимое женское имя в отрочестве.

Ника, как услышит любовница, вспыхивает, это ей - нож острый, особенно после моллы и кольца:

Я твоя тайная жена (из частых ее заклинаний).

- Единственная тайна.
- Ты о чем? - не поняла.
- В ситуации гласности.
- Но и контроля тоже (брачный договор!)

Во всю мощь на небосклоне красуются высвеченные в ночные часы дальнобойными прожекторами братья-близнецы Гласность и Контроль.

Ника, когда она в первый раз у него осталась и, увлеченные игрологией, не заметили, как наступила ночь - их первая ночь с привыканием друг к другу, потом будут открывать, неистощимые в фантазии, многообразии, поправила его насчет братьев-близнецов, ибо

Гласность - она, лучше сестра, чье имя вошло в мировые языки, и, увы, брат - слабее, ибо родился чуть позже сестры, когда их мама (д-р Новый?) обессилела. Такое редкое имя Контроль!..

- Я могу их даже женить, и мы сыграем им свадьбу: не брат и сестра, а муж и жена, так надежнее, она чиста, как глас, а он тверд, как контр.

- Это тривиально.

- Может, любовники? Такая изумительная пара, идут в обнимку, остановятся, и он долго ее целует, свою леди, и лучи прожекторов, скрестившись, поднимают их ввысь.

Секс-плакат над Горбатой площадью взвился в небо.

4.

Аномалии осени: долго не уснет - магнитные бури? Рой фраз, улечиваются, если не запишет, да еще хранить (в докомпьютерную эру), завязав белой синтетической бечевкой, полагая, что спасет при пожаре, прятал даже в холодильнике, будто в сейфе, - нет, думать сколько душе угодно, сжигая топливо, но фиксировать, когда есть компьютер, и можно открыть

файл mizer,

нелепо.

Включился, ох уж эти шпаргалки! в цепочку ZV, о чем говорил Норе (но станет его слушать!), чтоб просмотреть, и застрял, продираясь сквозь хитросплетения - частокол минимизированных (не плохо б минимизированных!) реестров index, а попросту - список.

Увлеченно тогда работали, получив доступ в спецхрам и возвращаясь ко временам ZV-один, или нулевой цикл,

и с того света выговориться спешат, хотя торопиться уже некуда (как знать!), держат мертвой хваткой,

в открытую нельзя было, а вуалировать - в меру, дабы полностью не утратить смысл: не ребусы же разгадывать игрантам?

Вообще-то начало нашенско-новейшей игрологии, а точнее, ее генерального направления - тут царит синонимический плюрализм, кому что нравится:

каркасного, первичного, судьбоносного, или, как в учебнике: несущая конструкция игрологии как науки, получившая название ZV

(уже известно: Захват Власти),

приходится на середину Икс-Икс века, как шифровал тогда сверхопытный суперрукль.

Теретическую базу, разгадав динамику, подвел Л-ый, который, как помнится старожилам, ударом шахтерского кулака (под влиянием зятя, с которым суперрукль учился в школе), повалил наземь неколебимую статую на Горбатой площади, да еще заменил плиты на пантеоне, где было выбито Самый, - тот, кто вдохновитель всех наших побед, и, как выстроенные на попа костяшки домино, стали - чуть коснулся пальцем одной - валиться памятники.

Но первым делом Л-ый распустил ведомство рукоплесканий, которое разрослось:

кто сколько и в каком буквенном наполнении клянется, шло и скрытое соревнование на качество тоже, особый шифр-сектор стилистов, и как обставлено Имя на фоне словарного запаса;

характер, или ранг зала:

съезд? вече? курултай? встречи-проводы? симпо или конгре?

наличность ладоней, их взрывная сила по шкале Рихтера (которого никто не переиграл) и иные показатели рукоплесканий - продолжительность, накал, волнообразие, исчисляемые с учетом времени года:

летняя открытость (улечивается энное число)?

зимняя закрытость (коэффициент сгущения)?..

В то славное десятилетие еще не было изжито целомудрие, и крышку сундука, откуда выгребли всякие досье, вскоре закрыли, повесив замок с секретом, чтоб никому повадно не было выставлять на всеобщее осмеяние вчерашнего короля, коим он сам стал сегодня и который... (известно).

Расступился занавес - начались игры божков, скукоженных (? бульк - и выброшена фраза из недр компьютера) желтыми муравьишками.

Столько ролей, по ходу действия убираемых авторским произволом, и никакого их саморазвития:

сценаристы-стратеги,
тот, кто мнил, что ас
(начертанный план проворонив)
агент-кинто,
ловушку кто смастерил
и заманил в нее ловко,
на голову - кирпич (?)
(спектакль?)
кто арестовал
рыскал по квартире,
ересь выискивая
(тома расстрельных списков),
и кто казнил тех, кто видел тех, кто...
ну и так далее.

Может, это силуэт стиха, точнее, четырнадцатистишья (онегинская строфа?) с особой формой центровки? И требуется, как прежде, цензорская проверка букв начальных (акrostих)

с т (н) а л и н (с) к р е т и н
а заодно и букв конечных (телестих)
и с (в) о л о ч (ь) л е я в о е

Невнятица как шифр на неведомом балтизме или памирском диалекте? А вдруг тайное слово посреди строки, мезостих называется? Было ведь, когда выискивали всякие знаки, чтобы разоблачить: на тетрадной обложке чернильница с пером, а меж ними запрятана якобы свастика, - отвлекающий маневр, но уже выхвачено в акро-телестихе такое, что... впрочем, этой истиной кого сегодня удивишь: разве что, перебирая файлы директории Igga, выудить новые спрятанные словосочетанья.

Мустафа прежде долго думал, когда с помощью суперрукля пришел в Вышку, что за аббревиатура ZV (не желая признаваться в незнании), даже конкурс объявил среди новичков - кто предложит оригинальную трактовку, а приз - трехзвездочный армянский, и посыпалось: Зияющие Высоты? Злоключения Варяга? Может (вспомнив прошлое), Заговор Врача?

Что-то, помнит, со Змеями и Ведьмами, вплели в игру Зодиака в сочетании с Висельником, в памяти остался лишь Знак Водолея - река жизни выносит на стремнину событий, демонстрирует качества опытного кормчего, увлекающегося спорами, и совет - сдерживать порывы к немедленной победе, не забывая рассчитывать варианты, обдумывая до мелочей игры.

И тут с ходу кто-то брякнул, подсказав первое и напрямую назвав второе: Звезды Власти! (имея в виду усеянную ими грудь Деда, он же Либре, он же - обыкновенный в прошлом бре, или брадобрей).

Дед и осуществил в свое время ZV (четвертый?), скинув Л-го, который, в свою очередь, - несклоняемого Самый, а тот, вспомнив про залп Видного, который основатель и прочее (с кепкой в руке и кепкой на голове - художник опростоволосился) при штурме ажурных ворот

Дворца, прибеж, ибо ученик и соратник, к выстрелу (снова обыгрались Z и V - залп и выстрел!).

Так сколько же, нет-нет, не ZV, а звезд? Пять плюс... не муляжи, а дубликаты, из чистого золота: Деду время от времени переставало нравиться их расположение на кителе - заказывали новую колодку, да еще две звезды маршалские с бриллиантами, и от соседей-братьев, коих семеро, ближнезападные, дальневосточные и на иных материках: расщедрились кто на три, кто на две, другие, у которых камень за пазухой, но пикнуть не смеют, - по одной, и никак не сосчитать.

Игрант рисковал, хотя чувствовали, что близок закат Деда, но прогнозами не баловались. Это как с чуГУНным (зять - о себе) котлом с тяжелой медной крышкой: не успел во время снять - разорвет, и каждый кусок - с обломок Царь-пушки.

И тут кто-то спросил о жанре:

- Комедия или трагедия?

- Опыт игрового повествования, претендующего на роман.

Нет, без фразеологических вывертов не обойтись - этическая технология с алгоритмами, и надо помнить, тут же забывая, что все же разыгрывается ситуация, и Мустафа лишь раздает ролевые инструкции, репетируя прошлое или заглядывая в будущее, которое уже было.

Роли:

Януар, звучащий как Ягуар.

- Нет, - отверг МУСТАФА: вычурный стиль Януара труден, особенно про троянских коней, с коими Януар сравнивал врагов, и методы планомерного, математически-систематического, тут трижды мат, подтачивания изнутри, наступление sui generis, прикрываемое лицемерно-показным служением, и полный интеллигентский дженс-сервис, широкая сеть саботажа госторгов, главснабов, коннозаводств, откуда и вышли троянские кони, или - гибридное чудовище мортехозупр, смесь дьявола, зубра и вепря.

- Ну его, Януара! Давай повыше!

- Повыше Еж. Низкого роста, мода была на коротышей, а ты на зависть покрупнее.

Тогда крупные - удобная мишень, а Еж туда-сюда юркнет и выживет, если повезет. Ежу не повезло - тщился быть повыше, носил высокие, частично спрятанные в задник, сапоги, длинную шинель до каблуков. Ну да, не одному Ежу такие сапоги - кое-кому и покрупнее в длинной защитного цвета шинели (один=шесть=три см).

Гурман, сельди любил немецкого рассола, габельбиссен.

- Лучше сыграю роль того, кто за Януаром и Ежом стоял. Мне ближе Самый с доходчивыми образами: компас без корабля заржавеет, корабль без компаса сядет на мель.

- Разной вы с ним весовой категории, и по росту, хотя, когда на трибуне стоял, казался публике высоким.

- Табуретка под ноги?

- Не только: искусство фотографов, виртуозность мастеров кисти (говорил на лекции, МУСТАФА не помнит). - На борту линкора любой покажется песчинкой, но можно срезать кусок палубы и перила окажутся на уровне нижнего кармана кителя, а за спиной карлика - море.

-... и голова, - продолжил МУСТАФА, вспомнив, - выше линии горизонта, где кончается море и начинается небо, иллюзия великана.

- Но чтоб никого рядом, - подсказывает.

- Лишь Он да безбрежное море и высокое небо.

Но Мустафа тут же - с другим вариантом:

- Можно и поместить рядом человека, который славится исполинским ростом, но сутулится: чуть-чуть смекалки, и они на фото почти вровень, тот к тому же почтительно

пригнул голову, повернув ее к Нему, тем самым двойное снижение роста, и запечатлеть только головы, - ноги могут разрушить иллюзию.

Да, выбор игранта на роль - дело не простое, и еще придать для полноты тождества желтизну белкам глаз - это у МУСТАФЫ иногда получалось.

А мимика? Эти паузы. И еще пристрастие к трубке.

Вроде синтеза праксиологического и аксиологического аспектов стремиться с помощью ролевого аутотренинга быть тем, кем можешь и хочешь стать, - не для МУСТАФЫ.

И помнить знаки: предупреждающие, предписывающие, указательные, запрещенные, лагерные правила тоже: нельзя петь (какие тут восторги?), нельзя не есть (голодовка - тягчайшее преступление), нельзя делать гимнастику (желаешь пережить начальство?), нельзя спиной к глазку сидеть (прячет взгляд, выдающий уныние).

К тому же известно (плакат над бревенчатым зданием лагеря):

Трудны только первые десять лет!

В словаре и аббревиатуры, рожденные эпохой энтузио: КаЭРДэ, или контрревдеятельность, КаЭРТеДэ (контрревроцдеятельность), ПеШа (подозрениевшипонаже), СОЭ - социальопасэлемент, АСеВеЗе антисоввоенаговор, а меж ними МОПР: МирОвойПролетартеРро).

Ко сну клонить стало МУСТАФУ под тяжестью монотонной речи Мустафы, убаюкивает лекция, снится ему, как отвинчивает голову профессора, резьба хорошо смазанная, раз-раз и отвинтил, и она вдруг такая тяжелая, медью червонной отливает, чуть из рук не выскользнула, потом на службе оказался и с ужасом подумал, что забыл ввинтить голову, она осталась на подоконнике, невзначай кто повредит резьбу и не вкрутишь обратно, или засорит, побросав в нее окурки.

А то, раз голова медная, сдадут, как металллом, ищи потом (немало в отрочестве медных ручек отвинтил, чтоб деньги водились).

Хохот Мустафы, и МУСТАФА, во сне еще, вздрогнул: ну да, помнит, что ввинтил голову, - успокоился, задышав ровно.

- Анекдот, это хорошо (нет, уже явь), особенно в пору его расцвета в оттепельно-запойные годы. - И Мустафа повторил для разрядки (не ускользнуло, что МУСТАФА уснул!):
- Да, этноразличия порой анекдотичны и в сфере секса.

(Из тех, которые поступили на конкурс:

Француз сказал: - Надо спросить у нее. - Она под охраной евнуха ждет своей участи: кто ее любить будет.

Немец: - Пусть достанется тому, кто сильнее.

Англичанин: - Нет, пусть кто богаче! - И кошельком хвастает.

Русский: - Братцы, на всех хватит!

Аранец (или гюр, эрм - неважно) молчит.

- Что молчишь, кафец?

- А она уже неделя, как моя!).

- ... Но я о другом: ошибочно полагают, что есть роли, приносящие успех, а есть - как клеймо, сыграть Януара или Ежа. А вы, - Мустафа обратился к абитуриенту, неизменно в первом ряду сидит, невезунЧик, особо выделить Ч, - попытайтесь сочинить, будто пьесу пишете, диалоги допроса Януара, как он их строит.

Молчит невезунЧик.

- Или хотя бы представить, о чем могли поговорить по душам Самый и Еж, - провалился на конкурсе и, дабы не порывать связей с Вышкой, напросился сыграть роль Ежа (добровольцев не сыщешь), - причем, диалог не политический, а пейзажный: об отлете птиц, о грачах, которые стайками прохаживаются по убранным полям, вертлявости синиц, свисте диких уток сумеете?

- А вы поэт.
- Это вы мне? - удивился Мустафа: чтоб ему льстили?!
- Нет. Так бы отреагировал Самый на лирику Ежа.
- Хвалю вашу импровизацию.
- Могу продолжить.
- С ходу?
- Если позволите...- Вышел на сцену.

Еж: - Пахнет яблоками.

Самый: - А вы поэт!

Еж растерянно, не поймет - похвала или подвох какой: - Зазимье потому что. Покров день.

Самый: - И что же?

Еж: - Я вспомнил детство. Как конопатили пенькой пазы, мазали фаски рам, а для зимних завалин... - Самый слушает заворуженно, Еж его в ностальгию...

Мустафа тут же перебил:

- Тогда этого слова не знали!
- Но чувства были!
- Все же надо сохранять фразеологизм времени.

- Не стану спорить... С тех пор и полюбил Ежа: не раз в ссылках Самый утеплял в предзимье жилища, и слова, вроде конопляник, суволока, слега, будили в нем сладостные воспоминания.

Шли и шли по осенней листве.

Еж: - Много нынче ее попадало... - Аллея золотилась. А потом сидели вдвоем в отапливаемой беседке. - Умолк.

- Что же дальше?

Пожал плечами: выдохся, очевидно. Ай да невезунчик!.. Отличный напарник, - подумал МУСТАФА.

- Может, и за Януара сочините?

- Когда меня примут.

Увы, усмотрят в пристрастии к Ежу некий подвох: пусть занимается своим делом (строка в кадровой деятельности Вышки как мостик к гильдии драматургов).

Шутит в антракте (был с бородой и пышной шевелюрой, теперь сед, как лунь, и лыс, как луна), меняя на груди дощечки с ролевыми именами: то он доктор Вульф, то поккерист Пиккуль, - важна поведенческая философия, именуемая этикой, и жизнь по законам красоты, то бишь эстетика.

Особенно удавалась невезунчику соловьиная трель, где лишь одни согласные, захлеб: РССТРЛ.

И театрал, и кафедру как тюремную камеру обставит, собрав в нее жертвы и палачей (вскоре сами станут жертвами), и даже, это детали, несли в камеру бутерброды, к которым бывшие вожди на воле привыкли, с семгой и брауншвейгской, их навалом в буфете Вышки, во всяком случае - до недавнего времени, напитки, колоду карт в игровых, разумеется, целях, а однажды для иллюзии измерили жертве t , вынимая из мокрой ваты в граненном стакане градусник с послушной ртутью, - неизменно на стабильной черте 36,6.

В камере (аудитория в цоколе) неразлучные Зноев и Камев согласились утопить всех, если Самый торжественно обещает сохранить им жизнь.

- Браво, друзья!

Что ж, даст обещание: никакого рсстрл'а, деловая игра, и только!

Собрались в интимной камере, где картина: Грозный убивает сына.

- Ну, - это Еж, - что скажете? Вот комиссия, которой помогали. Зноев

позеленел, обмякли щеки и - на колени:

- Заклинаю! Неужто позволите изобразить нас перед миром как змеиное гнездо предательства? - рыдает. - И где гарантия, что нас не поведут на... - как произнести, чтоб прозвучало убедительно? - на... - и снова умолк.

- Договаривайте, здесь нет чужих.

И скороговоркой: - эРэРеССТРеЛ.

- Может, вручить вам официальное соглашение, заверенное Лигой Наций? - сиронизировал Самый (здесь после славненькой буковки-букашки С, столь созвучной стальному строю солдат, грамотей непременно б поставил достопочтенный твердый Ъ знак, а другой, усомнившись, исправил бы И на Ъ, и оба были б правы, заключил Самый, отвлекаясь на миг от игры).

Ищите да обряцете.

МУСТАФА произнес блестяще, накануне допоздна заучивал роль, а над головой - ночник, погасил, потянув за ниточку обезьянку, - висела, дрыгая тоненькими ножками (или ручками).

- Да, было время (экскурс в историю), когда эти люди (их как бы уже нет) отличались ясностью мышления, диалектически оценивали реальность. - Закурил мысленно трубку. - Теперь рассуждают, как обыватели. - Пауза. - Как мешане. - Пауза. - Как... (не придумав, расстроился). Потом - сцена: партер, бельэтажи, ложи по бокам и царская напротив сцены, балконы пусты по причинам безопасности.

Судья, суфлер - идеально развит слух (Слухач), иглы на всякий случай смазаны ядом гюрзы, новейшие отравляющие модификации, - пики высокие, тело с трудом их носит, раскачиваются, как макушки сосен при сильном ветре.

Уговор - оклеветать(ся) как можно красноречивее.

- Нас мучают?! - Камев избрал энергический стиль. - Это мы мучаем своих следователей! И я удручен, что мир сомневается, мы - это терро!

(Самый=МУСТАФА по правилам игры ушел за кулисы, и оттуда в целях иллюзии идет струйка дыма, особый табак Золотое руно, слышен аромат - по системе Станского).

Красил неvezунЧик игру, повышая эффекты иллюзий: понимания (эфип) и народности (энар), еще аббревиатуры, вроде мужских или женских имен: эвли, или эффективная величина личности, измеряемая амплитудой колебаний от пафоса до стресса, эдри (эффект дразнящей инициативы), нечто вроде электризующей мощности - возбуждение индивидов с учетом лучистой энергии, исходящей от субъекта, климатических условий и зоны комфорта.

НеvezунЧик потом в Штаты эм-игрантом, защищает д-ра Нового, шлет реляции: мол, спасибо, что разрушил (по недомыслию) перегородки, хотя он, - кислый-кислый взгляд, мизинец показывает, - во какой маленький, но объективно, - и руки вразмах Капитолия.

Удовольствие за Деда играть: тебя понесут по сцене (они - твоя колесница, ты - хозяин с хлыстом), в трон усадят, напишут за тебя и за тебя - прочтут, и окруженье забавное: самозванцы, поэты, шут (одна лишь походка - спектакль!), щедрость стилистики и серый кардинал... Но серый это и нужное вещество, - и пальцем в голову тычет.

Так бы и тянулось: метафорические забавы с поисками глагольных алгоритмов, толочь и толочь (воду в ступе), росли многоэтажные фразы, с их крыш люди казались точечками, мини-мини-мини, лишь четкие бетонные плиты взлетных полос для индивидуальных вертолетов среди зеленых полей. Дед казался вечным, не предвещалась чехарда смертей, и пошло-поехало, наслушались классики, очищая дух от атеистического безверия.

Когда разобрали, то... это стало сенсацией в медицине, не разгадано по сей день: задолго вышли из строя жилиумные вещества, дающие ощущение теплоты и холода, так называемые знулярные регуляторы процесса охлаждения при нервном возбуждении, няялиссские изы, координирующие взаимодействие радио и эмоцио, природа которого может

быть частично объяснена теорией волнообмена неба и земли.

И не успели проститься с Дедом, как разгулялись особо опасные: просьба сообщить и поперек розовая строка: розыск.

Мода пошла: каются, кладя головы на плаху - пора, дескать, отрешиться от синдрома победных реляций. Или - матросский принцип: рвет тельняшку и бьет кулаком по груди: я!.. я!.. я!.. - картонный меч не успевает просохнуть от красных чернил, а у кого - фиолетовая кровь. Словесные блоки о диспропорции, врезали по эмиратству, инквасуду, чинам секре, оприч-надзору, пестрели малые т с точкой, коих уходили пачками, а ведь казалось, что конусы конструкций на прочном фундаменте, выдержат любые ураганы, коим присваиваются поэтические имена, а далее - непереваемая трехсложная смесь эко, эффо и экспо, и в основании три К - крупнотоннажный каталитический крекинг.

Да, были на Ый - в далеком прошлом в цифровом (Первый и так далее, но, в отличие от фараонов и французских королей, - не более трех), а в быстротекущем вчера - фигурном воплощении: Видный как начало начал, Самый - и никого рядом, Лысый, особо выделенный, Новый (а меж ними ничем не примечательный Дед), короче, Ый'ские против Ый'ских, и вдруг исключение из исторических правил: на ин.

И вознесся монумент в эпоху, когда их сваливали: незаменимый, волеизлиянный Инин, точнее, Инцин, но часто ц выпадает, что-то цокающее в букве, без неё теплее, так что обозначить, развернув слева направо, будто наклонное бурение - знак ниспадающей судьбы (без Ц, за которую можно было бы зацепиться):

И
Н
И
Н

За каждой фигурой - трибуна, повылазили, осмелев, как после зимней спячки, числясь в прошлом, когда словесный поток заливал площади и стадионы, по ведомству скепсиса, - но Фигура - это еще и фамилия, ответственная за финансы, банки, index'ацию, а заодно и вучччер.

Вещателей тьма-тьмушая, колдунов и эко-прорицателей, заметил их, приблизив, еще д-р Новый, - они и свалили его за то, что потворствовал оккупации племенами территорий, или зон, прилегающих к Горбатой площади, и она оказалась как бы в блокаде по принципу, о чем уже было, матрешки: внутри большой блокады - малая, и так далее, так что высунуться нельзя, не подвергаясь риску.

Но за скоротечностью времени не заметили, как Инин, отличавшийся еще вчера крепостью тела и здравым умом, за год сдал, но так вжился в роль, что не хочет никому уступать. А тут еще всякие недостатки, намалеванные на заборах и роняющие авторитет:

Банду (замазано - чью?) под суд
Лакей (нрзбр, чей?)
Скажем Нет иуде (снова замазано - кто?)

Но чем неистовой полыхал мобилизующий толпу гнев, и песенная ярость благородная - лучше не скажешь - вскипала, как волна, ударясь о крепость Инина (он же, напомним, Инцин), тем выше возводились, кусая небо (?), зубчатые крепостные стены, и выглядывали из-за бойниц одноглазые чудища, обученные стрелять без предупреждения.

Началось с того, что язык во рту слова не мог удержаться - высыпались бестолково и наобум, и оттого невнятица, забывчив стал Инин, случалось не узнавал жену и удивлялся, приняв ее за мужчину и негодуя (обижаясь), как оказался рядом незнакомый человек и где охрана, допустившая до него думских диверсантов (из очередной разогнанной)?

И здесь, проявив инициативу, Гунн из страны Чин напомнил о себе анатомической шифрограммой, запрятав в принтерных знаках внутренние органы Инина и, состязаясь с

природой, заменили в лидере все, что поддавалось трансплансу: чуть ли не обе почки и печень, вмонтировали сердце атлета (шифрованный знак сердца ^ ~), попавшего в вертокатастро, вены из коммпласти (* # ^), проникли в нервные узлы, курирующие речь, в центры памяти (Q & ii); в порядке опыта Инин выступал порой с вмонтированным в ухо приемником-наушником, настроенным на волну передатчика за стеной.

Вел переговоры Гунн, мотаясь туда, словно это не Пекки-Токки, а Кывский - Переделки, стал походить даже на японца, и с каждой поездкой - чуть ниже ростом.

Так вот: передатчик за стеной, и в ухо слог за слогом вчитывается текст, с усилителем, - шевеленье губ по принципу безголосого пения; а если встречи в низах? переговоры по эко? представительство в Дюжине Стран, где из-за взносов возникали порой локальные войны с контрибуциями и распродажей росс-реликвий?

Рады стараться японцы с их оригинальной технологией, им только идею подай, с нею - кризис, слова-штампы заполонили страну, и некогда изобретать неологизмы.

Опыт интервью (ведомо лишь генеральному фирмачу=президенту и Гунну) штучка со спичечную коробку: на вопрос, заданный на любом из трех мировых языков (про запас - на испа, осваивают на росо), вмиг обработанным мини-компьютером, вживленным, как сердечный стимулятор, в шлем-парик, выдается оптимальный ответ - динамик, или речевик во рту вроде искусственного зуба изрекает с коррекцией, будто Инин с выпадающим, точно зуб, ц говорит в микрофон, но важно, что обеспечено его личное присутствие.

При этом тонкая пластинка (блок данных мини-компьютера) постоянно обновляется известиями интерфакса, идеохитросплетениями, логикой сознания и подсознания, дипломатическими каверзами, парадоксами, язвительными прибаутками ... ну и анекдоты любовные, политические, еврейские с акцентом и без, чукотские, английский юмор, - их теперь прочтешь в семитомнике, собрал эстет-борец, о ком двустиише: Он мнил себя эстетом, работая кастетом (всю жизнь тайно записывал, еще когда правил Самый, а для сокрытия запретного коллекционного творчества - тосты во славу п/б, особенно ценные, когда их изрекает б/п).

Вот-вот додумаются, чтоб на языке без переводчика: сам выслушивает, обрабатывает и выдает, демонстрируя полиглотические способности.

Есть и сигналы контроля на патриотизм и этночистоту, чья достаточность обеспечивается пятьдесят + один.

Надо же: отказал какой-то узел, и, словно по мановению Господа (?), вышли из строя устройства вмонтированные, вживленные, приделанные, фирма погорела, и на улицу выбросили гениев.

После Ин(ц)ина пошли дежурные вожди, выбрасываемые из думских недр по трое, и часто невпопад, вроде памятных всем зис'овых (законда и прочее) троиц: Лебель, Рак и Щука или Егерь, Бонна и... (забылась за давностью фамилия, что-то режущее или бурвящее).

P.S. Личный листок Гунна - как хронология ZV:

при саммистах был саммистом (газетная публикация октябренка: Будь готов - всегда готов!);

при лысистах - лысистом (даже бритоголовым ходил!);

при Деде, как известно, любовь с Алей - без нарушения туземных ритуалов:

сначала кольцо согласия - с бриллианتيном, мол, уже занята;

двуэтапное предобручальное - в женский день с рубиновым камнем, а в день весеннего равноденствия - с зеленой символикой пробуждающейся природы (изумруд);

далее обручальное и - свадебное (комплект).

Ну, и последующая череда-чехарда.

И каждый раз, будто звезды и впрямь не благоволят нашим и не нашим, выборная процедура сопровождается плотной композицией Планет, группирующихся в созвездии

Козерога в соединении с Луной, и она в это время проходит Скорпион, что наращивает психопатические homo реакции с усилением аномальностей в природе (цунами, разливы рек, грязевые извержения и т.д.).

И потому приходится, платя валютой, графически изображать шкалу интенсивности первичных вихревых воздействий на избирателей (?) в треугольных, восьмилучевых и шестиконечных балах.

Плюс ко всему непредсказуемые прихоти все той же круглолицей (куркулистой на вкус Мустафы) Луны, она же в профиль - бледный Месяц: то она (он?) в оппозиции к Марсу или Меркурию, то в позе квадрата к Плутону и воротит лик от Нептуна, а то составляет с Ураном квадратуру круга, объемля при этом Сатурн и Солнце.

(У курочки Рябы, ответственной за выборы, штат высокооплачиваемых шифровальщиков и дешифровщиков, дабы не попасть впросак, упустив секретную, вроде вышеизложенной, информацию).

Знать бы, что после Деда пойдет такое... впрочем, не стоило труда воцариться, мог каждый, даже МУСТАФА, пока заседала геронтократия, хлоппп, и всех большущей лапой в карман (по компьютерному принципу удаления фрагмента), убаюкав обещанием, что сохранит в морозильных установках лет на сто, а то и на все романовские триста или оттоманские шестьсот (?), но случилось по-иному: воссел, ибо естественная убыль расчистила поле, Новый, впереди д-р, и так далее, - короче (а вышло длинно), этапы ZV, включая и пост-ининский:

Залп

Энтузио

Rasstrelli

- Но между ними, - подсказывает компьютер, голос механический, Скорбное время!

Что еще в компьютере?

Slavissimo

Эпоха запоя

Ха-ха-ха-фобия

Президентофиллия

Недели Бур-Бурэлли

Рыссо-Хас-Булато-Ушкуйя

Жуиро-коммми-жирбессссия

СеммиПлетка(очевидно, семилетка?)феййервеййер

- Но это было раньше! - компьютер снова ловит ошибку, настроенный на код-прогноз: грядет ли - и с какой аллилуйной (?) аллегорией - эпоха, созвучная пирамидальной мелодии и вызывающая, словно тополиный пух, аллопатическую (!) аллергию.

И каждая (не уточнено что: эпоха, мелодия или аллергия?) завершается судом:

истории (увлечения с перезахоронениями),

люмпена (постоянно обновляемые с помощью отменных стилистов проклятия, словно ребячьи ущипы слона),

сиюмигным (штраф розгами, шпицрутеном, ныне - валютный),

нескончаемо-заседательским, - по сей день.

И тут запищал, не выдержав, б/п - отрубился свет (обломилась ветка сосны, порвав провод?) и черный экран: темень, как дыры в антимирах.

То ли было в старое доброе время: крепкий состав типографского сплава гарт, ручной разборный словолитный прибор, типографская краска и печатный стан, то бишь пресс, - и запечатлевается на века, а еще прежде - что бумага? она истлеет! - черепаший панцирь или лопаточная часть барана: сколько волов надобно, чтобы всего лишь одну Книгу преподнести верховному жрецу в дар!..

5.

Ясность туманилась, и не единожды истлели карты, а игра-marriage с переменным успехом, особенно по части мизера, продолжается, успевай нажимать Enter.

И одно и то же лицо перед дулом дамского пистолета - младенца, пока не понял, что это он сам, и если выстрелит в себя, то как он может потом родиться?.. только без шалостей!

Смыть с себя, очистившись, лучи компьютера, ибо что есть забота о коже, как не поддержание метаморфоз тела, так, кажется?

И потому Мустафа, покуда жив... может, потому и жив, что не утратил способности любить, чтя всех (да не всех!), как, к слову сказать, семь красавиц (это у классика) - румийка, тюрчанка, славянка и так далее, вариантов не счесть, а самая целомудренная строка:

И поладил с ней, как с нижней верхняя струна.

И к тем условным семи - своя аранка, нет-нет, не Нора, а чистая, в которую (очиститься б и ей!) вселился нациобес, - бросило в такой жар, что Мустафа чуть не сгорел в ее (не адском ли?) пламени.

Да, да, очиститься - на сей раз, отдохнув от женщин, попасть в маргинальный (?) мужской

файл хамам,

что в переводе с Turkish на Russian означает

баня,

и здесь свои традиции очищения тела и духа, ритуалы, обряды, непередаваемые ни на какое наречие, и потому на Esperanto, изобретенного, дабы народы могли договориться, пришлось, ничего не придумывая, предложить общеочевидное

sauna,

где на какое-то время забываются как будто внутренние разборки.

Помешались все, выискивая сионскую муть, это водится издавна, и эрмов сюда приплели, - они сами жаждут (?) причислиться к древним из тех, которые по сей день сохранились.

Еще минуту назад чистая его аранка была желанна, и Мустафа... - вдруг ни с того, ни с сего она выпалила:

- Как тебе нравятся... как их? Ну, которые с мутью! - слетело с губ, которые только что целовал.

- А что? - насторожился.

- Возрадовались-то как!

- Чему?

- Ты что, газет не читаешь?

- Мало ли какую чепуху в газетах печатают!

- Я о Нобелевской!

- И что же? - снова не понял.

- Его (о ком она?) у нас, видите ли, обижали! И имя изменит, фамилию жены, если своя явная, возьмет, и пластическую операцию сделает, чтобы нос не выдавал, и начисто голову сбреет, чтобы ходить в парике, если волосы явные, курчавые и рыжие.

Покончив с ними, избранными, взялась за эрмов: обнаглели, пролезли, и первые помощники, и первые замы... и пока Мустафа пытался остановить крушение эротических своих видений, его чистая аранка нагнетала иные страсти, думая, что угождает Мустафе, ибо какой аранец не возрадуется, если при нем ругают эрма (как и эрм - аранца), а про тех, первых, - дань общему веянию.

- Чего ты молчишь?

- Зря ты это затеяла.

- Нет, не зря: самые древние - они и самые зловредные! И ничто их не берет: ни войны,

ни погромы, ни наводнения... - Недавно разлились реки, думали потоп, тыщу лет такого не было. - Поделом эрмам все=таки досталось!

- Можно подумать, - не хватало еще спорить с женщиной, лежа рядом), что тебя лично кто-то из них обидел.

- Ревнуешь? Я бы!.. - вспыхнула, нехорошо запахло у нее изо рта.

- Ладно, успокойся... - И желание угасло.

Недавно поцапался Мустафа с одним типом в чайхане неподалеку от своего подполья (за одним столиком оказались) - почти в те же дни, как с той аранкой расстался. И оба - известный игролог и новоявленный, как потом узнал, лидер, множество их нынче, фамилию слышал, а портрета видеть не довелось (при д-ре Новом перестали вывешивать) - друг друга в лицо не знали.

Кажется, тот усомнился: действительно ли Мустафа - аранец.

- Разве не похож?

- Если честно, нет.

- А на кого?

- Ну... - тот заерзал=замаялся, и Мустафа, привычный к таким вопросам, заметил, что когда приехал сюда учиться, то (глядя на его усы, сбрил их потом, Нора настояла - кололся очень) спрашивали:

- Вы гюр?

- Нет.

- Эрм?

- Снова не угадали.

- Так кто же?

- На Кафе, - я им, - еще аранцы живут... Нас тогда знали плохо.

- Зато теперь знает весь мир, как шашлычные здесь открыли.

- Про цветы еще скажите!

- А за цветы спасибо! - Ирония? Почувствовал, что собеседник сердится. - Впрочем, и за шашлычные тоже.

- Вы, очевидно, приняли меня за... - нейтральное бы слово! - масона?

- Да. - Надо отдать должное: покраснел (не все еще в нем потеряно).

Потом говорили про всякие анти и шовио, выйдя на нулевой цикл, с чего любая стройка начинается, будь дом или государство, - к тому, чье имя на устах, буквы вкривь и вкось (муми, ни одной собственной ткани): отыскалась частичка этой мути!

Сыплет именами, вычитывая, словно с листа (так приобрел популярность, в лидеры выбился), - сначала отцовскую линию, тут одна тьмутаракань лесная или степная, а потом материнскую - вот она, муть, меж скандами и шотлами, в третьем колене, ноль целых столько-то, и в ней, мол, дьявольский зуд рушить и казнить.

И о дальнем стратегическом умысле перемешать всех, и чтоб в каждом была эта муть: способные к адаптации, расширяют ареал, и потому особенно опасны для коренных этносов.

- Ну и что же? Вытравлять?

- Увы, упустили момент, надо бы сразу!

- Смерть помешала?

- Чья? - насторожился.

И тут Мустафа выпалил насчет показательной казни, которую готовил Самый:

- И где! На Горбатой площади!

Нить утерялась, а скулы-то у собеседника... - в каждом сидит, притаился в генах, скуластый тартар.

- От ваших, - заметил Мустафа, - умозаключений... э... как вас?

- Неважно! - огрызнулся тот.

- ... пахнет, будто шерсть на баране жгут.
- На костры намекаете? Печи?
- Можем и пофилософствовать. К примеру, о филиях и фобиях.
- Мы их пригрели, а они, неблагодарные, носы воротят (и никто, мол, эту антиномию не решается постичь).

- Многие филии частично объясняет теория КаэН, не находите?

Не знает! В Вышке потому что не учился - хромает в теории, эмоциями берет, хотя, на эмоциях - и КаэН.

- Именно это, - и расшифровал: Комплекс Неполноценности, - подвигает (по Адлеру) ко всякого рода акциям во имя... - Умолк.

- И все-таки, - угасает в собеседнике пыл, - надо прежде всего очиститься.

- Идея не нова, ее не раз отработывали.

- Презумпция доверия? - ввернул, перебив Мустафу.

- Ну да, не проще ли опереться на готовую мудрость, которая апробирована, и не только на словесном, кстати, уровне.

- Извините... - прервал Мустафу (неожиданно появился третий, кого ждал). - Сударь!..

- О! Кого вижу! - обрадовался тот, увидев Мустафу. - Дорогой мой учитель!.. - из игрантов, и расшифровал, представляя их друг другу: только что в глазах у собеседника был гнев, веки даже покраснели, не выпался будто, а тут разулыбался:

- Такая честь... - этикет, не более.

Игрант - особый: многие из бывших учеников нынче на ключевых коммербанковских ролях, и кое=где Мустафа представлен экспертом=специалистом в Президентском совете (за красивые глаза?), консультантом в Совете директоров (может, за цвет волос - то ли иссиня=черных, то ли серебристо=седых?)... - призван замысловатым стилизмом повысить рейтинг благотворительности в процессе, так сказать, фондирования, и легко на солнечной машинке, кнопками раз=раз, умножить, приплюсовать, вычесть... минимум вычетов! получить, какая за год сумма, вполне достаточная (кроме зарплаты, она символична) для безбедной (?) жизни.

(А еще недавний спонсорский приз, не учтенный налоговыми службами, за первое, римской цифрой, место в блицтурнире памяти Чемпиона мира по композиции!.. переплелось прошлое с настоящим, ребус: кого Самый натравил на Паука!)

Так что по части финансов у Мустафы комар носа не подточит: должностями не торговал, взятки не брал, бестселлеров не сочинял, чтоб купюры оседали, не выдающийся хирург, который состязается с Всевышним, несут за труд воскрешенья, не мечтает даже (очень хочется) попасть в сверхмощный концерн, весь мир о нем толкует, - Alter ego.

Вспоминали как-то с игрантом на квартальном отчете фирмы давнюю деловую игру Уход Л-го: Мустафа искал тогда новые повороты - впечатать в сценарий анекдот.

- Помните какой? - спросил Мустафа.

- У меня их было целых три! Помню, как расстроился: рассказываю, а никакого эффекта!

Л-ый получил Нобелевскую: засеял пшеницу на целине, а собрал урожай за океаном. Жду, а реакции нет. "Давай второй!" - кричат.

Был самым болтливым, а ушел, не сказав ни слова. Разучился рассказывать?!

Третий тоже был воспринят без смеха: Л-ый как в невесомости теперь: тяжесть осталась, а веса никакого.

У игранта, ныне оплачивающего стилистические труды бывшего шефа, задумки: устроить в отцовском доме Мустафы комнату тихих игр, зал психологической реабилитации, закутки-закуточки для интимных... нет доверительных встреч (фирмачей?).

- Может, - приглашают его игрант и тот (представился Костей), с которым спорил

(загладить неловкость), - как-нибудь в баньку сходим попариться, а?

- Почему бы не пойти?

- Когда? А хоть сейчас!

- У меня...

- А ничего не требуется!.. - перебил его Костя и тут же кликнул таксиста. - Сегодня я безлошадный.

Доехали до старого, с железной покосившейся крышей, бревенчатого дома на окраине, когда еще никаких зон не было (но бастионы уже сооружались), Мустафе не дали расплатиться:

- Я вас пригласил!

На пустыре перед домом уже стояли, будто состязаясь или выставленные на продажу Volvo и Pontiac, но Костя (У меня, - скромничает, - выдавший виды Москвич), обратил внимание Мустафы на новейший Mercedes-Benz, окрашенный... и не сразу определишь - в какой цвет, нечто серебристо-голубое:

- Машина Рысс'а.

- Как?!

- Сауна согласия! - шепнул Мустафе.

Рядом затормозил длинный Ford - там уже не моден, здесь еще может поразить воображение основательностью осанки, и вышел со вкусом одетый грузный мужчина, во взгляде нечто птичье, но особого рода: уверенность ястреба и достоинство орла, да это же Жуир!.. без отягчающего ский, который обрезан, как говорят злые языки, завидуя его популярности, щедр потому что, - не сообрази вовремя, мог быть не так понят чуткими на своего, будто чужак.

И никак не гармонировал с внушительным, но приветливо открытым для лицезрения видом старый, с двумя замками, кожаный портфель, - однажды Жуир, подняв его над головой, сказал на митинге под одобрительные хлопки: Портфель министра без портфеля!

- Может, - спросил у Кости, - будет и экс? (как иногда называют д-ра Нового).

Костя сморщился...

Мустафа вспомнил, как покойный суперрукль заявил во всеуслышание о только что засиявшем тогда д-ре Новом (станет бояться выскочку, когда, хвастал, - несклоняемый Самый со мной не управился!):

- Слаба ломовая лошадь, не потащит застрявшую телегу (к тому же дорога - по наклонной в пропасть)!

- Нет, его не будет, зато тема для бани! К тому же он автор банного анекдота о грязном и чистом - кто пойдет в баню?

- Разумеется, грязный.

- Ан-нет! Чистый, ибо привык быть чистым. Задаю тот же вопрос: чистый и грязный.

Кто пойдет в баню?

- Только что сказано, чистый.

- Ан-нет! Грязный, ибо чистый и так чист!

- Это же бред!

- А я о чем?! Вежливо уступая друг другу дорогу, вошли в покосившийся деревянный дом, непостижимо, как двери ухитрились держаться на петлях!.. Оказались в полутемном коридоре, пройдя который поднялись по лестнице в просторную светлую залу с облицованными дорогим деревом стенами, и от блеска лакированного паркета зарябило в глазах.

Ничего себе развалюха!.. Ловко приспособили рифмующиеся на язь слова, то бишь Из грязи в князи, - вече не вече, но курултай - точно, хотя и вполне предбанник.

Приглядевшись... одни лидеры, и никого никому не представляют, коль скоро явились

со всякого рода окончаниями и без, но не какие-то там из прежних, которые на слуху и однофамильцы, оттого и слитное

ивановпетровсидоров,

а поновей, питомцы Нового, чьи коготки заострились при Ин(ц)ине, после которого пошли дежурства и, хотя очередность соблюдалась, как о том уже было, ЗИС'ом (Закондат + Исполнат + Сдебнат), никто до конца не дотягивал, и досрочность, изматывая и лихорадя публику, плодила экс'ов, не давая им времени на обретение опыта, но заразив жаждой начать сначала, все уже знают, кто виноват и что делать, но никто не знает, кто первый, когда пойдет по новому кругу.

А пока - сменяемые:

Булат, мнящий, что он из стали (зис'овой), со съеденным, или отпало в процессе эволюционного развития ов, - именно он... впрочем, о том скажет сам, когда будут речи в духе идей согласия: дескать, именно я и никто другой выпитал с молоком матери неутоленную до сей поры жажду справедливости, чем и умилил в свое время публику.

- Речи? - удивился Костя. - Какие в бане речи?! К тому же молча скажешь больше, нежели с трибуны... - Но речи будут. - А вот и Ушкуй! Здесь как нельзя кстати его долгие паузы.

(И зал начинает волноваться: потом, привыкнув, что Ушкуй без пауз не может форматировать речь, фольклор назовет сие ораторство сеансом массового зачатия).

Ба! Да это же Гусь!.. Из теннисной (была такая - по ноткам!) Думы, неизменно проигрывал Инину, - тот еще Гусак!.. (не путать с тем, кто в алфавитном списке рядом и чья фамилия спрятана в ломаной омонимической строке: Метод убоя гусей нов, придумал товарищ... - вот тут и фамилия).

Все связаны на воле применяемым для контактов с незапамятных времен бикфордовым шнуром - узкий тканый рукав, наполненный пороховой мякотью, с примесью бертолетовой соли с сернистой сурьмой, а снаружи покрыт гуттаперчивой оболочкой, и по нему бежит, спеша к заряду, огонек, полыхающий гневом фракционной борьбы, - вдарить динамитом.

Гунна б сюда, не опального и чей образ двоится, в некотором смысле и сам по себе, и - зять.

Еще и МУСТАФУ? Станет он прилюдно оголяться: и сам не пойдет, и Рыцаря отговорит!..

Протянули пиджаки гардеробщику, Костя дал еще какую-то бумагу, то ли деньги, то ли записку, Мустафа не углядел.

Посреди комнаты - массивный стол на толстых ножках: ни в какую дверь он, разумеется, не пролез бы, видимо, сколочен тут же, вокруг - широкие полированные скамейки, а в углу, на столике поменьше, - высоченный отливающий блеском меди самовар, рядом два финских Helkama.

Костя из сумки вытащил бутылку водки (бородатый Rasputin на этикетках сверху глядел на себя вниз), банки пива и кое-какую закуску, и упрятал все это в холодильник (то же проделал и Жуир).

Яркий свет, отражаясь в зеркалах, раздвигал комнату вширь, четко вырисовывая серьезные лица, их было не более десяти-двенадцати.

- Ритуальность сейчас будут, - шепотом игрант Мустафе.

К каждой встрече свой, смотря по барометру настроений, эпиграф, вынимаемый из шкатулки судеб - таков заведенный еще кем-то из политбю, чьи кости давно истлели, обычай - условно говоря, клювом попугая, пережившего не одно поколение, даже помнит смутное время, мог лицедреть гоудоновских, как Мустафа - ининских, вельмож.

И все глянули в сторону новенького, - Мустафе тянуть эпиграф, и банный чародей предстал с изящным коробом в руках.

Вытащил Мустафа эпитафия чудной, будто собрались не на пир, а на заклятие:

Уж не в тягость ли твоим плечам бедовая твоя голова?

Готовься!

Еще дверь (из холодильника?) - и попали в зал с огромным бассейном, полным до краев прозрачной воды: стены и дно выложены голубым кафелем, отчего вода отливала, естественно, голубизной, точь-в-точь как небесные воды высокогорных кафских озер, обезлюдевших блокадой, и стелющийся пар поддерживался теплой водой.

- Хорошо б искупаться, - произнес мечтательно Мустафа, а Костя ему:

- Кто же грязного в бассейн пустит? Сначала в парную.

Голые булатно-ушкуйно-жуирные рысс'ы, а с ними и Гусь, зашагали, и не разберешь, Who есть Ху. Лишь тонкие ноги да неповоротливая белизна тел, - а следом Мустафа, неузнанный бывшим шефом.

За низкой дверью была баня с отдельными номерами, душевыми, еще какими-то закутками, и многоцветье шаек, вода в которых, слегка колеблясь и дрожа, кажется особенно мягкой.

Нагота развязала языки, загалдело в бане, и монотонный с эхом гул, проглатываемый шумом воды, густым потоком стекающей из кранов. Мраморные скамейки... Бывший ученик пристал к двум лоббирующим думцам, Костя оказался рядом с Ушкуем, Рысс'а привлекла, это случилось не раз с Мустафой, его волосатая грудь (и на плечах тоже), уповая на богатырское телосложение Мустафы, протянул ему мочалку, чтоб потер спину.

Полутонная туша белуги с нежной и податливой кожей, и Мустафа что есть силы, не халтура, тер, пока белорозовое не стало красно-красным, точно под апшеронским солнцем. В ответ и Рысс предложил услуги - почти приказал, и с такой неистовостью тер - в отместку? - что Мустафа чуть не взмолился.

К думцу потом:

- Думаете чисты?! - лишь разок провел ладонью по его спине свернулась макарониной грязь.

И выстроилась к Мустафе думская очередь...

Вглядываясь в тела, Мустафа, будто слепой, наощупь недавнюю историю листает, и к каждой Думе свой эпитет:

певческая, и все блоки с хорошо поставленными голосами, за исключением спик'а с вырезанными уже в зрелом возрасте гландами (и анекдот вспомнился: А он так хотел иметь детей!), оттого сиплая речь, будто устал говорить, и никого не перепеть;

любительская, и принцип ромашки: у каждого блока свое хобби - пиво с эмблемой пенной кружки, шахматы с девизом После каждого хода - мат, таков стиль его (лидера блока) игры, а одна фракция в поисках собственного названия настолько увлеклась любовью к стилистике, что сумела протащить аббревиатуру Прогресс и Законность. Демократический Единый Центр (читай газеты).

А этот... узнал в нем Куклу! ну да, из бывшей кукольной думы: то ли чину трет спину Мустафа, то ли его кукле, - прототипы стали походить на созданные про них куклы: манера держаться, речь, походка, даже мимика... не заметил, когда. Чары подражания?

Еще скандальная: с христиан срывали кресты, с исламистов - чалмы и папахи, мужчины таскали дам за волосы, а женщины, защищаясь, знали, куда бить мужиков - промеж!.. у нас, мол, как и у иных цивилизованных.

Нет, этому... со взрывом собственного офиса, который покинул за минуту, тереть спину не станет: сам на себя покушался, обвинив... - И вы еще смеете!.. Нет, иначе: - Как же вы можете довериться кафцу?!

Но настоящая баня - за дверью, парная: ступенчатый полог из толстых брусьев, словно опухших от пара, стены из дубовых бревен, ровный, доска к доске, потолок, а в углу -

большие раскаленные камни, будто исторгнутые из чрева вулканом. Кто-то вылил на них банку пива - камни зашипели, и Мустафу ошпарило дрожжевым духом.

Голос Кости (откуда?): - Эй, лезь сюда!..

Не стал рисковать. Волосы - раскаленные проволоки, и катит пот, съедая зрачки, - выскочил, сунулся под душ и подставил лицо под обжигающе ледяные струи.

Вскоре вышли и Костя с игрантом, от горячих тел воздух накалился.

Нет, еще постоит под душем.

Костя тянул в парную.

Выше первой ступени? Ни за что!

Видны лишь головы, плывущие в пару без тел.

Не могу! Мустафа выскочил, за ним Костя - с ходу бултых в озеро, поплыл к другому берегу.

Выйдут, завернутся в широкие белые простыни, рассядутся вокруг массивного стола и держат, будто римские ораторы, речи, как без них-то? со всякого рода эх'ами и ох'ами.

Выложены из холодильников закуски, расставлены бутылки, но прежде тосты:

в честь бани согласия, - опрокинули по рюмке, запили из фужеров пиво, закусили, задымив куревом;

второй - за здоровье всех, кто пришел;

третий - кто пришел впервые, тоже вроде традиции.

Костя предложил выпить за здоровье банного чародея (бывший босс):

- За вас, Арвид Леонардович! Войдя сюда утомленными от политических баталий, мы уходим полными сил продолжить борьбу.

- Но воюйте, - заметил А.Л., - не как Новый, который внедрил в своих питомцев этику конфронтации!

(- Его коронная речь, - заметил Мустафе игрант, - столкнуть бывших!).

-... Но именно Ин(ц)ин, - гладко говорит, - хоть и была история с дулом пистолета, который он наставил на грудь Нового, вынудив акт об отречении, не то что заточил [в Петропавловскую крепость?] или осмелел [как это случилось в доИНЦИНские эпохи?], а с почестями вынес в царском кресле, и пусть в утешенье вистует, если везет с прикупом или уверен во взятках, и при двух ловленных записывает десятку в пульку, и учредил титул Непотопляемый, чтоб тот бороздил с малой крейсерской скоростью океанические воды. И что же?

Ждут, когда завершится реплика А.Я., а тот

(- Сауна эта, - шепчет игрант Мустафе, - затея Нового, где и сочинил банный анекдот!), будто нарочно, тянет [соскучился?]:

- В ответ Новый в каждый свой заморский вояж охаивает покойного... Слезы?! - Но Бог ему судья!

А.Я. по-разному обыгрывал и Инина и ни разу не обмолвился, будто знать не знает букву ц:

- Не путать, - шутит, - с князем, хотя в чем-то неуловимом похожи: осанкой ли, статью ли волейбольной [волей большой?]. Иллюзия сходства еще из-за того, что у князя при переносе памятника на прежнее место выпала заглавная буква, к тому же непривычно оказалась повернута шея, и не в ту сторону, которая нужна символистам: надо б на златоглавый собор, а тут, кто-то срифмовал, - на зубчатый забор, к тому же кладбищенский.

Снова в парную, и снова за стол.

- Эх, - с чего-то вдруг Рысс, и сожаление в бесхитростных очах, что достарались каратели (имеется в виду зеркальный релтиг), сжигая в газовых печах, год-другой бы еще, чтоб... и не было б, которые почти в каждом, норовят раствориться, стать как мы.

Еще одно эх, и оно запрятано, связано потому что с дровяным отоплением: сами на

свою погибель дрова заготовят - свалят, распилят бревна, а потом под котел, не задев при этом вечной мерзлоты, не то она оттает, искривив фундамент, и свалится дом-крематорий, - не надо б ворошить и не всплыли б халифы и жуиры (но собственно Жуир - наш, и он согласен как будто с Рысс'ом, пока они здесь, а выйдут - и свяжутся тем особым шнуром, конец которого горит, шипя, словно бенгальский огонь).

- Позвольте мне ответить (никто как-будто ни о чем его не спрашивал), - Рысс обвел всех глазами: - Что я могу знать? На что надеяться?.. Да-с, онтологический акт, не могу иначе, - Мустафу как током ударило: почти из его тезисов!.. - И личностное усилие!

Тут Мустафа не выдержал:

- Это вы о ком?

- Уж кому-кому, а не вам спрашивать!

Узнал его!

- У кого, - поддакнул Рысс'у игрант, - мы учились (но чтоб слышал лишь Мустафа).

- Да, личностное усилие как экстаз! Состоялся здесь и теперь, чтобы состояться там и потом. Сциен... - барьер, через который не прыгнуть. Сциен... - снова умолк, глаза карусельными кругами. - Не могу!

- А вы, - подсказал Мустафа, - разбег возьмите!

Тут же выпалил: - Сциентистская... А что это такое, - хохочет, признаться, забыл!

Мустафа, чтоб туманностью выручить Рысс'а, вызволив из неловкости, речь толкнул, нагромождая заумности, это он любил, про выращивание инновационных ситуаций, и что вовсе не собирается интимизировать идеи, здесь прозвучавшие, а тем более давать им экспертную оценку, диагностировать:

- Одно дело вчера, когда известно, что будет завтра (то же, что и сегодня), другое - сегодня: открылись такие бездны!.. - От собственных слов отшатнулся, но натура игролога взяла верх - стал на краю пропасти: - Дай выход воображению, и развернется трещина, образуя бездонный провал, через который, пока еще ноги держат, можно перепрыгнуть, и не в два прыжка, а там - твердь, готовая к излому.

- После такого, - это Костя, - в сауну!..

И снова...

Жуир, отбросив митинговую крикливость, избрал интимную манеру в расчете на равенство оголенных тел, размышлял о стилистике заказных убийств, точнее - знаковой системе мафиози: три пули в живот и контрольная - в голову (незаметная ухмылка Булат, Рысс'а ничем не удивишь, клюнул лишь Ушкой, да и то беспокойство во взгляде - кажущееся).

Сцепился Мустафа то ли с Костей, то ли с кем еще, не помнит (это был Гусь), что-то про Alter ego, и слова плясали перед глазами:

- Я мыслю, кто-то думает о моих мыслях.

- Не я ли? (Костя?)

- Нет, это все во мне. Еще кто-то о том, что... - А это определенно я, Булат, - да, спорил с ним! - коль скоро мы втроем.

- Да нет же, это все во мне!

- Ты что же, поглотил всех нас? - спросил Гусь.

- Дайте досказать! Да, еще кто-то о том, кто как думает о мыслях кого-то!..

По-третьему разу, после сауны + душевой + бассейна, - окончательно, и ни разу не повторяясь, таков уговор, на посошок:

- Закордонную!

- Задунайскую! - Это Жуир!

- Стремянную! (Рысс некогда в кавалерии служил)

- Отходную!

- Разгонную! (приказ был Булата разогнать оппозицию)

- Заставную!

- Рогожскую! - ай да игрант: историк!

- Ямскую! - Это тоже Рысс. И добавил, пояснив: Лошадей перезапрягли!..

Когда оделись - снова другие, незнакомые, и решимость - зарядились на новую борьбу.

Машины спешили покинуть это место, - никаких согласий!..

Только сейчас Мустафа заприметил каменное здание, примыкавшее к старому деревянному дому-развалюхе, из его трубы слабой струйкой выходил и, подхваченный ветерком, срезался серый дым.

- Вот и всё! - задумчиво произнес Костя. Потом игрант - недаром из учеников Мустафы, мысль поймал (или читает?):

- Как крематорий.

- Да, - согласился Мустафа. - Неважно, что жгут: дымит одинаково.

- Побаловались, и хватит! - Обнялись, расцеловались.

- Терпеть не могу, - сморщился Мустафа (целуясь), - когда мужчины, как бабы, целуются.

Голова тяжелая, но Мустафа чувствовал себя легко, и весь - желание. Но кого? Может, восстановить с Норой, обогащенный опытом с Никой? Нет, новое б, но где она, новая?

Не помнит, как добрался до отцовского дома и завалился спать, не раздеваясь, лишь на миг вспыхнул перед глазами эпитафия:

Уж не в тягость ли... а что - не помнит, что-то бедовое.

Во сне заготавливал дрова, Рысс командовал, - с Костей напару пилили, тому хоть бы что, молод, а Мустафе трудно, и очень ему хочется посмотреть, что там, в том доме, где топят.

Потом, засев - сон под утро - за компьютер, воевал с ним: заберет в карман миф, дабы воспроизвести в другом окне, а выдается мафия в сочетании со знаком заказного убийства - бледные точки, как следы пуль, грифель карандаша ломается, но четко видна крупная на лбу родинка, и пуля контрольная в голову, тут только вспомнил, что бедовая - голова у бедняги (?).

6.

Пребывал еще во полусне, а тут - Ника: вошла как к себе домой, у нее запасной ключ, чтобы могла придти в любой момент и застать врасплох.

Ну да, договорились пойти к маме: Ника не очень-то о ней рассказывала, особенно как выболтала мамино, - ревнивая жена; это о его Норе такое!

- Не суди ее строго, я сама многого в маме не понимаю. Но она - сама история! - Приманка?

Ехать, честно говоря, не хотелось, и

файл VIZIT

пустовал чистым синим экраном, на котором волнуется пугливый курсор: если выпадал им свободный день, старались быть одни и чтоб никто не отвлекал - утолить голод, оба ненасытны.

Разговоры до не хотелось начинать, а после - к чему? Это как в дурных спектаклях. - ... Но если постоянно жить играми как делом жизни, то не станет ли сама жизнь игрой?

- Ты упомянула о трех жизнях (разве?), а она у каждого одна, - и тут же понял, что говорит не то, да и говорить не хотелось: пыл может угаснуть, а она дразнит, точнее - выведать хочет что-то важное, ибо он жаждет начать и готов отвязаться, после его не разговорить. - Это что же: неряшливость стиля или спрятанная мысль, и оттого корявая?

- А ты отгадай!

- Ну да, что есть проще: с N жизнь-воспоминание, с тобой самая для меня реальная, а завтра... - Умолк.

Здесь-то у Ники и родилось - ощущение нестабильности и как ее избыть: молла и кольцо.

- Ты не закончил: что же завтра?

- Завтра - это для тебя. Мне загадывать поздно.

Что же все-таки выдает его непостоянство? какой жест, взгляд, какое слово? и как это женщины улавливают.

- ... Мне показалось (когда это у него, к ее удивлению, быстро кончилось), что во мне ты увидел N или кого другую, а не меня. И тотчас расхотелось.

- Что и передалось мне... Все, что до тебя, было так давно, что забыл, в какой директории эти мои, как ты их называешь, интимные файлы.

- Самое интересное у тебя - это игры в ZV, которые были.

- Откуда ты знаешь?

Ника отчего-то растерялась: - Я сценарий прочла.

- Но он... - Впрочем, могла случайно набрести, очищая файлы. Лишь однажды Мустафа пригласил ее на пробные (после того, как посетил МУСТАФУ) этно-игры в смешанных зонах, когда игрант-аранец, или А, выступал в роли эрма, а игрант-эрм, или Э, выступал как аранец, но оба пользовались формулой: да, вы прекрасны, но...- и осуждение противной стороны, когда от прекрасного ничего не оставалось.

А. - Вы пишете о нас: дикие орды, головорезы, фанатики...

Э. (приходя на помощь): Паталогический экстаз.

А. - Про геноцид, надуманный вами, еще скажите, умалчивая об истинных причинах резни!

В смешанных зонах аранцы и эрмы зеркально повторяют друг друга: атака - оборона, оборона - атака, и при этом - единый арсенал поставки обоим сторонам новейшего оружия.

Э. - Еще во времена Ноя...

- Нельзя ли, - перебил Мустафа, - поближе к нашим дням?

Э. - ... вавилонского пленения и разрушения Храма...

- Я же просил!

Э. - Но я зря готовился, что ли?

- Ценю неутомимые ночные бдения и восковость Ваших некогда алых щек.

Потом, когда будут молла и кольцо, напомнит ей: - Вот и соединились мы в играх.

- Для тебя игра, - обиделась, - для меня любовь (?).

- ... Мама видела кольцо.

- И что же?

- Спросила: замуж вышла? - А что ты?

Мамин вопрос застал тогда Нику врасплох: "Это... - смутилась. - Замуж не замуж, а..."

"Ладно, привози его, погляжу".

Но сначала был никин сон, сочиненный ею, который ускорил поездку (не забыть взять зубную щетку и электробритву: с утора субботы до вечера воскресенья):

- Мы едем не электричкой, а в старом поезде, вагон не застекленный, похож на экипаж с открытым верхом, тепло, над нами светлое небо. Это успех, - отмечает про себя Мустафа, и читает в глаза Ники: И без тебя знаю (подогнала под сонник?).

- ... Вокруг чистое открытое пространство... (Конец бед, тревог и тяжб) Яркие краски, и так красиво вокруг!

Видеть цветные сны - к особой одаренности.

Вот именно - потому и сочинила!

- Это к счастью, исполнению сокровенных желаний, - прокомментировал на сей раз Мустафа.

- ... Легко дышится, с нами твои ученики, и я вспоминаю во сне, как ты рассказывал,

помнишь? про свой сон - сдавал экзамен и переживал, что провалишься.

Сон у Мустафы был другой - выступает с лекцией, а у него штаны падают!

- ... Да, твои ученики, а один из них, светлый такой, чуть заикается, стихи читает.

- Это, очевидно, невезунчик, вспоминал его недавно.

- Такие замечательные стихи!.. (Стихи читать - к перемене в делах, ну да новая у невезунчика стезя). Уже не вагон, поле, музыканты объявились, плясуны, и все - твои игроки. "Что же вы, - к ним обращаюсь, - сгубили свои таланты?"

- Это и мои думы.

- Между прочим, иногда после описания сон приобретает реальность сбывшегося...

Приехали!

Зимние дома, загородный детский сад, где мама Ники - бессменный зав. Надо же, такое несоответствие: мини-дочь у женщины крупной и высокой, широкие плечи и крепкая мужская рука. Загадки природы. Поздний ребенок и с иным знаком?

- Мустафа?! - удивленно переспросила Верма. - Этот? - и рукой на портрет МУСТАФЫ. Еще висят здесь, давно отовсюду снятые. - Кому мешали симпатичные дяди-боги, глядящие из стекол рам с инвентарными - издевка? номерами?

Бывшие дачи бывших, залитые светом комнаты с детскими кроватками. Вела их, как в музее, с неизменной иронической улыбкой, мол, что вы знаете о жизни?!

- Я тогда очень молодая была. - Что-то блеснуло во взгляде, вспышка злорадная, мурашки по коже.

... Втроем стоят на холме: Ника, Верма и он. Что ни дача - фамилия. Януар, у него я работала, а за глаза - Ягуар, поученее - felis onza,

- Мощный был мужчина, жены рассказывали.

- У него было много жен?

- Жены других, к которым я была прикреплена (известная работа!) рассказывали о его... взгляд был, как у Мустафы, особенный, сокровенное, как Януар, вывещать хочет.

Ника вспыхнула: - Ну, с кем ты его сравниваешь?!

- Вот именно!.. Ох, эти жены!.. Я с ними два года, в самое горячее время работала.

Огорошить бы: - А Лизу, которую прозвали бедной, из людей Слухача, знает историю ZV, помните? А ту, которая разоблачила профессоров, будто в вишенки ее впивались?

- Рассказова ее фамилия.

- Да нет же, - Мустафа выказывает эрудицию, - Рассказова другая, она у Буду, помните, бубнил "Не буду! Не буду!", а ждали, что скажет: "Буду! Буду!", так и прозвали - Буду, помощницей она была у него, из людей ягоды-малины.

- Вы по книжкам, а я живьем видела, умела я разговорить женщин, и на мужей чтоб оказывали воздействие... Видите особняк, в голубое окрашенный? Это - Слухача. С пристройкой - там Кедар зеркальный жил, а рядом, чтоб тайные дела вершить против нас, - Пятилапов!.. А угадайте, кто жил в моем детском саду? Сам Еж!.. - Привела в свой кабинет. - Вот его письменный прибор, тяжелый, из малахита. - Мустафа притронулся к холодному камню:

- А почему бюсты разной величины? .

Слева и справа высились на малахите бронзовые фигурки: одна побольше, вождя, с блестящей желтизной лысой головы, другая - поменьше, Ферзьжинского - худое изможденное лицо, но решительный взгляд, с острой бородкой.

- Большой, вождя, размещался посередине, а по бокам были фигурки поменьше, Ферзьжинского, как вы его назвали, и Самого.

- Где он теперь?

- Я его спрятала... - Откинула штору и глянул на них молодой Самый, худое с усами лицо. . - До лучших времен!.. А люстра из кабинете... подыграла его переименованию

фамилий: Бухарца. Здесь по вещам можно изучать историю, кто кого сменил. Как новый начальник - тотчас меняет убранство, чтоб участи жертвы избежать, и списанное поступает на общий склад ГРОБа, так и распределяет Гражданская общественность безопасность. - И теперь тоже?!

- А что изменилось?.. - И глядя на дочь: Ника, по-моему, чем-то недовольна.

- Ты бы ему, - раздраженно, - еще маски вождей показала!

- Какие такие маски?!

- Как вы тут однажды дурачились!

- Ох, и выдумщица моя дочка!

- А шкаф чей? - решил Мустафа снять напряженность.

- Это непростой шкаф! Но только вы не слышали и не знаете, а то в музей заберут: это из кабинета... нет-нет, не скажу! Цены ему нет, этому шкафу. Сколько в нем полок, секретов, потайных ящичков! - И ты, конечно, - Ника маме, - прячешь в потайных полках маски вождей?

- Ну и фаназерка!

Сколько же Верме лет? С тех времен минуло более полвека, а Нике тридцать, родила после сорока?!

- Теперь подойдите оба ко мне. - И Верма неожиданно для Мустафы ловко и без особого труда, будто они с Никой - легкие тюфяки, подхватила в подмышки и давай крутить, крутила-крутила, и барахтались их ноги, а потом приблизила их лица - губы к губам: - Целуйтесь!.. А тяжелые вы!.. - Верма глубоко вздохнула, поправив юбку. - Шучу я, никакая я не сильная, это так, молодость вспомнила... Ну, вы можете подняться на второй этаж, а я пойду накрывать на стол. Выбирайте любые две комнаты, - Мустафе услышалось: "Вам и одной хватит!"

А как уединились с Никой... Лучше переждать, но попробуй устоять, если так возбуждена.

- Не успеем, - шепнула, а уже готова.

Никак не получалось на кровати (детей забрали: суббота!), а когда получилось (причудливый изгиб) и могло быть испытано нечто новое, что-то в кровати хрустнуло, и Мустафа со своей впечатлительностью, вспыхнув, угас.

- Эй, спускайтесь!..

Вся ночь впереди, потом утро, его предрассветные часы, когда он будит ее полусонную и сладкую, некуда спешить. И будет долго, коль начало вышло скорое.

Вообще б не мешало порассказать о кое-какие приемах, хотя неистощимых в любви вряд ли удивишь негами-уладами диковинных позиций, когда не поймешь, кто кого: вразлет, вразброс, через-через, над-под, спринтерская, марофон, морским узлом, с опорой и без, двугорбым верблюдом... Надо же, чтобы так у Мустафы вышло с двумя любимыми женщинами: у одной мать была гонима, у другой - гонительница.

- О каких масках ты говорила? (спросить, чтоб не поймала его думы).

- Масках? - Задумалась в электричке, вспомнив: маленькая, проснулась однажды посреди ночи, музыка играла, в рубашонке на босую ногу пошла к большому залу, приоткрыла дверь, сначала испугалась, потом, услышав мамин голос, успокоилась. Кто-то заметил Нику и тотчас снял с лица маску, это была подруга Вермы, а маска - дядя с лысой головой и круглыми глазами, на картине видела - висела в мамином кабинете.

Задать компьютеру: что хранится о мужчинах и женщинах. Круженье-верченье каких-то цифр, и выдал компьютер:

У мужчины, дабы сохранить свободу, всегда существует некий барьер, который он возводит между собой и женщиной, - и жирным уточнение: как я, компьютер, и тут же какие-то однообразные знаки: { { {, но о чем они? Чтобы не завладела им полностью, а женщина,

движимая стремлением создать семью (логика благородных суждений, уж не влюбился ли по-настоящему компьютер?), должна постоянно ломать эту преграду и, чем неистовее ломает, тем больше мужчина стремится укрепить этот свой барьер, возводя новый. Если женщина вовсе не трогает преграду, то мужчина охладевает к избраннице, находя другую.

Козырнул (кто? компьютер?!) вежливо: Извините-с!

7.

Рукавом (пуговица перламутровая оторвалась!) задел какую-то клавишу, и текст, над которым корпел полдня (что-то затаенное о психологическом перевертыше, чтобы выйти затем на интимное), вдруг исчез, и на экране появились знаки - математические формулы с фигурными и квадратными скобками, - нечаянно скомандовал!..

Здесь? Возник какой-то вопрос в траурной рамке и надо ответить yes или no, вроде быть или не быть, - будто в компьютер вселился шайтанбесчерт, и все вместе и каждый врозь выделились своими хитrostями в особый

файл diabol,

и Мустафа, надеясь набрести хоть на какой след и угнетенный явной несправедливостью, в раздражении стучал по клавиатуре.

Может, это? Нет, вот на что случайно он нажал! Тут же - знакомая мелодия: Турецкий марш!.. Решил, что на улице, чей-то приемник. Приник к окну, нет тихо, это в компьютере!.. и такие чистые высокие звуки в сольном исполнении пианиста.

Курсор в ожидании сигнала (но какого?) мигал в маленьком квадратном окошечке, и Мустафа невпопад, смирившись, очевидно, с потерей, на что-то нажал, мелодия вырубилась и опять пошли непонятные знаки.

Ну вот, наконец-то - читаемый, но быстро убегающий вверх конвеер исчезающих слов с дразнящим барабанным боем:

элита

высший свет

рейтинг

без жуткой брани

взяток не берем

и не пытайтесь

ах материться!

невежда!

неуч!

олух!

Esc! На экране появились четверо мужчин: Alex, и подносит револьвер к виску, Karl, и рвет на голове густые волосы, весь оброс, даже щеки и нос в волосах, Fred - профиль сатаны и трубка во рту как острый подбородок, Bob, и поднятая в приветствии шляпа (цилиндр?).

Esc!

представьтесь!

еще раз!

а ваш пароль?

Какой у Мустафы пароль? Пока думал - новые записи:

Чума-чао

Топо-тук

(перечень племен?)

Гюры

Оссы

Абхи

Это уже из его этно=файлов - закрепиться б!.. Но как? Экран продолжал:

Лезы
Аранцы
Чечы

Нашупал верный символ, и тут же высветился текст, сначала не понял, о чем, потом - Мой! - узнал свой файл=экскурс в историю, он показался таким наивным, - сужденья о вечных (!) трениях: тогда, мол, стихия, а после залпа и во все последующие ZV - управляемый процесс.

Наглядные эпизоды (кого ими сегодня заинтригуешь?), - дескать, захватят эрмы чужие пастбища, ибо на камнях ничего не родится, - и драка пастухов, переходящая в кулачные бои сельских богатырей.

Или чечы (лезы и прочие) с набегамися грянут, полонив у гюров княжну (выкуп серебром), и те разбирают только что проложенную здесь железную дорогу, чтобы дикие кочевые племена не имели доступа в их цивилизованные, как им мнится, миры.

Скажут гюры, что здешние земли от моря и до моря составляли некогда великую державу, и царица их Мария Мудрая, или Мамурия, являла собой идеальный образ правительницы.

Эрмы поспешат разъяснить, что да, друзья=гюры правы, но еле заметным петитом, как аллаверды, дополняют здравицу, что победами своими царица была обязана нашему полководцу Аспалару, и он верой и правдой служил своей возлюбленной, в чем гюры усмотрят оскорбление национальной чести, скрытое под фиговым листом (!) дружбы народов, ибо кому не известно, что Мамурия была избранницей сердца поэта и воина Гюра Великого, о чем поведал, воспев... и так далее. Мол, всего-то два поэта и третьего не дано: Гомер и Гюр Великий.

(Игранток нет сыграть Ее, - была одна красивая, и ту съели).

Улягутся страсти, а там новые споры: на сей раз эрмы назовут исконно своею и реку Круа (в вольном переводе: И где течет тра-та Круа, сливаясь с водами Аруки, и раб к Всевышнему тра-та воздел тра-та смиренно руки), и горную гряду Каф, пусть и Малую, на склонах которой отыскалась скала, и на ней - их имя, когда еще и пирамид, коих боится время, не было, высеченное древней клинописью, и, высыпав на берега Круа, устраивают факельные шествия с песнями и плясками, общаясь с духами предков, и говорят с рекой на их родном эрмском языке, несут и несут большие и малые статуи знаменитого Всадника, сделанные из папье-маше, скандируя его имя, как выстрел: Ух! Одноух!

Разгневанные аранцы (гюры начеку: ждут, чем это завершится, ибо на Круа - их столица) затевают пиршества в честь Однорукого Османа, толпы гостей-туристов подводятся к пещере, где якобы покоится прах человека, под чьим верховенством некогда процветали Солнечные камни эрмов, Теплые холмы гюров и отмеченная еще Геродотом Арания... хотя именно при Одноруком были не раз спровоцированы массовые погромы эрмов и гюров, дотла сожжены богатые кварталы, - дескать, повинна неведомая банда головорезов.

Компьютер нагнетает страсти?

Маленькая вставка к игре: всадник, а за спиной алюминиевые линии воздушных магистралей, идея комплекса, это придумал архитектор (спонсоры Братья Гуль-Гуль и Ко), - связать воедино диаспору.

Всадник резво соскакивает с коня, сцепляясь с Одноруким Османом, у которого вся сила отрубленной в битве правой руки передалась левой, мол, у Всадника тоже кое-чего недостает на теле (уха?), но вспылчивая бедовость делибаша, из предков которого империи формировали личные гвардии, уравнивает отсутствие руки, и два силача долго копошатся на ковре, запыхались и никак не одолеют друг друга в игре, затеянной Мустафой, ибо ни тот, ни другой не научены были тогда искусству самбо, к тому же утеряны и секреты кафской борьбы.

И, не раз случалось, перебранка завершалась уверениями в вечной дружбе - как иначе: ведь аранцы и эрмы, впрочем, и гюры тоже, это доказали ученые мужи, восходят к одному праотцу Ару (эр, гюр, ар).

Вскоре новый повод для полемики, было б желание, - гербовая, к примеру, перебранка: напечатав аранский герб, эрмы забыли про вышку главный козырь аранцев, ну и те в отместку на эрмском гербе - снежноглавую гору, показатель древности, и, словно по команде, там и здесь строго накажут цинкографа, по чьей вине не пропечатались символы (но главным редакторам втихаря выдадут премии, ибо рисковали, но зато испортили кровь извечному).

Другие вредности тоже, из разряда войтих (корень - выть) дразнилок: не секрет, мол, что кулинарное искусство Арании пользуется неизменной популярностью у других народов, как-то: долма, бозбаш, бозартма, чихиртма, шашлык, плов, ковурма, пити, табака... может, хватит? - и эти блюда включены в национальные меню соседей, - и называются при этом все другие кафцы, перед тем - демонстрация: покажут то, чего уже давно нет (осетрина, ломтиками семга, свернутая кулечком, и внутри - зернистая икра).

Однако, - крутит аранец обороты, - без всяких аргументов некоторые исследователи - вот здесь! - причисляют, к примеру, долму к составу эрмских блюд, а чихиртму - к блюдам гюрской кухни.

Шум, джигиты вскакивают с мест, чтобы заступиться за честь Теплых холмов, а неджигиты выжидают, аранец же продолжает определять национальную принадлежность блюд с помощью лингвистики: дескать, не сыскать в иных, кроме аранского, языках этимологии долма, и к сидящему рядом эрму:

- Ну что, разве я неправ? - Эрм (по сценарию) не намерен спорить по пустякам и обдумывает стратегические планы. - А в гюрском тщетно блуждать в поисках корней шашлык: шаш-шиш - это шомпол, лик - словообразовательный аффикс, выражающий понятие предназначения. Таким образом, - шпарит без бумажки, - под словом понимается мясо для нанизывания на металлические шампуры с последующим его жарением над горящими без пламени, - ай джан, ай джан, - углями.

Оскорбленные, что их смел учить бараньепапахий тартар, от которого пахнет чем-то неуловимо тошнотворным, гюры шумно покидают застолье, лишь двое-трое, но демарш замечен, ибо каждый гюр - личность.

И кафцев вдруг озаряла догадка, что кому-то это выгодно, разжигать страсти, натравливая нас друг на друга, и переходили на шепот, чтоб никто чужой (? а чужой - свой же) не услышал, о чем шушукуются, плетя заговор.

Мустафа решил выйти из программы, но компьютер не проведешь, у него память, - снова пошли загадочные квадрат в квадрате, настойчивые намеки и выпады:

Дамы и короли!

Может, судари?

Ах, господа-товарищи!

Нет, нет, никаких взяток!

Esc!

Покидаете наш клуб?

Выражаем вам глубокое соболезнование!

Рекомендуем поступить на курсы!

После паузы:

Эй! чего рожу корчишь?

Не морочь нам голову!

Испробовал Мустафа клавиши врозь и в разных соединениях, а в голове вдруг никина фраза, наверняка цитата:

У меня такое впечатление, что моя жизнь - открытый рояль, и я каждый раз нажимаю не

на ту клавишу,

и бегали пальцы по клавиатуре, пока на весь экран не выстроилось в черном исполнении словосочетание, подчеркнутое четкой линией,

к о м п ь ю т е р н ы й т е р м и н а л

но прочиталось воспаленным воображением

т р и б у н а л

Мигая, пробежали по щиту зелено-красные сигнальные лампочки.

В следующий миг - та же команда:

А в а ш п а р о л ь ?

Мустафа нажал (палец будто прилип!) Esc, чтоб выйти, и молочно белый свет залил экран, заклинило все клавиши, спасительная тройка одновременное нажатие ctrl + alt + delete, - и та не сработала!

В раздражении выключил, забыв о последовательности, запищал, будто кошке хвост прищемили, глазок б/п, ставший сразу красным, и если бы не приход Ники... - отчего-то встревожилась, когда Мустафа рассказал о своем невезении, - странно глянула на него, будто он замыслил нечто запретное, а не просто рукав расстегнулся.

Ника невзначай произнесла, казалось, для себя, нежели обращаясь к Мустафе:

- Модем.

- О чем ты?

- А ты не понял? - с недоверием.

- Слово мне незнакомое.

- Разве?

- Отлично знаешь!

- Как будто прежде слышал.

- Вот именно!

- Но что оно означает... Вспомнил!

- А притворялся!

- Что-то связанное с центральной компьютерной системой?

- Может, тебе помогла она?

- Система?

- Твоя N.

- В чем?

- Войти в центральный компьютер. - Сработала привычная аббревиатура: ЦК.

- А как?

- С помощью этой самой модем.

Усмехнулся созвучию (союзу?) слов N и Ники: у той чуть разыграет ревность - твоя мадам, у этой - твоя модем.

- Мадам Модем?

- Я не шучу.

- А зачем это мне - влезать в бывшее здание ЦК, где и действует, как я слышал, эта самая система?!

А говорил не знаешь!

Ника долго сидела над компьютером, всякие манипуляции, и пальцы были послушны клавиатуре, - без напряжения и просто, как если бы растегивала молнию на сумочке.

Обыграть веселку и рукоделие для одинокой девушки!

- Ты нажимаешь именно те клавиши, которые нужны?

- Запомнил? - улыбка-надлом и - не отрывая взгляда от экрана.

- Кажется, вошла в свою стихию.

- Ты о компьютере?

- Да. Я и не предполагал, что ты мастерица этого дела! Думал, как и я, только осваиваешь.

- В твоём возрасте... извини, не хочу обидеть, для тебя возраст понятие относительное. Особенно когда речь о любви,

- Спасибо.

- ... это подвиг - работать на компьютере, а меня ещё в школе учили. Школа как особое заведение?

- Но чтоб так умело орудовать!..

- Хочешь сказать, что я хакер?

- Кто? - переспросил. - Опять не знаешь или снова разыгрываешь? - стрела-взгляд. - Хакер, - и с растяжкой, - это про - гра - ммм - мист, точнее, взломщик, а ещё точнее компьютерный наркоман!

- ?

- Жажущий вскрыть программу и получить доступ к информации. Да, немало тебе пришлось повозиться с компьютером - и сам намучился, и его основательно раздражил!

- Воспитанным его не назовешь.

- Ты оказался в ловушке, куда попадают пираты с их не санкционированным доступом в программу, где действуют особые правила.

- А что он допытывался насчет пароля?

- Это и есть защитная система, заслон для нежелательных.

- И ты знаешь пароль?

- Паролей тьма. Для каждой системы - свой.

- Я о центральной.

Повела плечами, замкнулась. Будто компьютер заклинило. И молча работала, а потом, выведя на экран какие-то неведомые буквы-шифры ~~~//*** , - устало опустила руки:

- Ну вот, помехи устранены.

- Что за символы? - спросил Мустафа.

- Твой пароль: витаешь в воздухе и полосами разделен со своими звездочками. - Довольна, что сообразила.

- Придумала только что?

- Но должно быть ещё нечто музыкальное, тональный сигнал.

- А как вызвать мелодию?

- Тонального сигнала, увы, я не знаю.

- Знаешь!

- Если и знаю - что с того?

- Помогла б!

- Можешь для меня узнать?

- Если очень попросишь, - стала прежней.

- А нет в моем пароле музыкального знака?

Улыбнулась наивности Мустафы:

- Нужно знать кодовые буквы тонального сигнала, вызывающие мелодию, а твой знак ~ всего лишь символ соединения, любви, которую ты творишь.

- Творим мы оба: я с тобою, а ты со мной, два единства. - Естественно звучит.

- Пока мы врозь, единство лишь в твоём воображении. Ты его сочинил, поверив в реальность. - Вздохнула устало: - Теперь можешь загружать файлы.

Глянув на неё, отрешенно-чужую, Мустафа с чего-то вдруг решил, что Ника имеет доступ к заветному терминалу (?) и может, если захочет, включиться в его компьютер и скопировать файлы, в том числе, озарило, исчезнувшие.

Но к чему красть, если можно переписать? И какая в них тайна, его файлах? Всего

лишь черновые, в сущности, данные по этнокризису для кафских божков, к коим, кроме МУСТАФЫ, причислены с недавних пор и гюр Рыцарь Амброс, или просто Рыцарь, и Сильвий, из эрмов, и еще - но вторым эшелонном - фигуры местные.

Кстати, о Рыцаре Амбросе: важные разговоры он ведет под шум взвизгивающих видеозаписей, и дома под кроватью искал записывающие устройства. Жена поначалу бунтовала - привыкла, чтобы мужняя страсть выговаривалась.

Друзей отшил, когда те - с просьбой из Теплых холмов, где на склонах желтеют лимоны и отливают (?) изумрудом чайные кусты, впридачу к фейхоа, и смотровые башни разрушенных санаторных крепостей, до которых доносится глухой ропот пенных бирюзовых вод:

- Я теперь себе не принадлежу.
- Народу? - друг ему
- Не иронизируй!
- А с женой удастся?
- Циник!
- Может, ты уже не гюр?
- Здесь нет! - сейчас наручники (?) достанет.

Сильвий - unikum, причислен для колорита, ибо еще юн (и незрел): шагнул в божки прямо из кузнечно-ювелирного цеха, не успев сменить жаростойкую робу. Услаждает тех, кто с вибрационным сознанием, точнее голосом: тремолирует отменно (прием tremolando), понижая и повышая извлекаемые из нутра звуки.

Решив, что Ника сейчас уйдет, Мустафа, прощаясь, привычно обнял ее, ни о чем не помышляя, и даже когда он уловил ее готовность, желание у него не возникало. Надо выключить компьютер.

- Ты по-моему устала.

- Твое прикосновенье... - Она расслабилась, прильнув к нему и готовая в нем раствориться.

Взгляд Мустафы был прикован к горящему синим огнем экрану, который, почернев вдруг, стал похож на южное ночное небо, и оно фосфоресцировало, зажигались и гасли звезды, выплывая из бездонных глубин мироздания.

Ника почувствовала его беспокойство, не волнуйся, - шепнула, компьютер отдыхает, потом руки ее не спеша стали расстегивать пуговицы на его рубашке, и это тянулось долго, и он никак не реагировал, они у тебя красивые, перламутровые - пальцы-ледышки коснулись плеч, дрожь пробежала по спине, - дать через компьютер, который возбуждает? Ну да, и душа у него, и характер, каверзы всякие. Я очень хочу, я так соскучилась - никакого желания, но если ей надо... и даже когда она сумела, был пассивен и всецело подчинился ей, а она, не ведая усталости, став как бы им и ненасытная в своей изобретательности, командовала, подмяв его под себя, как это он проделывал с нею (над=над?), обхватив ее всю.

Еще! еще!.. нет-нет, я сама! вот так!..

Ее волосы гуляли по его лицу, пьянящий запах, - так и не смогла разбудить его, хотя не почувствовала этого, получая сполна свое, но он держал ее, не отпуская, и чутко улавливал, что ей нужно. В какой-то момент ее зова он все-таки не выдержал, включился в ее ритм, обретя себя прежнего, но такое чувство, что это был все же не он, а кто-то другой в азартном ее гоне.

Компьютер?..

Вдруг осенило: мелодия Турецкого марша! он ее вызвал случайно (вспомнить, как), - войти с нею в систему паролей и - в центральный, чтобы... что это ему даст? Ника определенно знает!.. И тут, как только подумал о Нике, звездное небо исчезло, экран окрасился в нежно-зеленый цвет - значит, правда? возникли какие-то узоры, и Мустафа, с

детства знающий символику коврового орнамента, нырнул в такие дебри, что... нет, здесь иной язык, иные шрифты, к тому же компьютер...

- Оставь его в покое, - предупредила, уходя, Ника, - это всего лишь (четко выговорила латинское) Personal Computer, железка!

Мустафа вдруг ощутил усталость, опустошили его будто, элементарные команды выхода выполнял с долгими паузами, - испытывать судьбу не стал и, запарковав головку винчестера (!), вышел из директории.

Но странности дня на этом не кончились, когда Мустафа, покинув отцовский дом, переступил порог своей квартиры.

Н встретила его с радостным изумлением:

- Гунн?!

Мустафа недоуменно оглянулся: - Где ты видишь Гунна?

- С каких пор, - хмыкнула лукаво, - ты с тещей на ты?

- Я разве Гунн??

- А что, живя на чужбине, изменил свое имя?

Шутит? Хотел было возмутиться и снова возразить, но увидел, что та всерьез, и встревожился.

- Проходи, чего встал у двери? - Ни намека на розыгрыш. Свихнулась?! Почему ты один? А где Аля?

Надо подстроиться!

- Аля не смогла приехать.

- Что ты на меня так уставился? И побледнел как! Что-то с Алей? почти истерика. - Скрываешь, что она больна??

- Нет, нет, - поспешил успокоить, - никаких, слава Богу, болезней, просто занята очень. - И, чтобы вернуть ее в привычное состояние, решил спросить про Мустафу: скоро ли он придет?

- Мустафа?

Ну да, конечно же, она шутит!.. Но переодеваться по привычке в домашнее не стал (коль скоро он гость).

- А я-то подумал, - подыгрывая ей, - что с вами что-то случилось. Мустафу не знаете!.. - Прошел в комнату, сел в свое кресло.

- Имя знакомое.

- Ваш законный муж!

Долго хохотала: - Ну и шутник ты!.. Замуж меня выдал, вдову!.. странно на него глянула. Она похоронила меня! - Как ты мог подумать о моем вторичном замужестве?!

- Как Аран? - Прибег к последнему шансу.

- На репетиции... Готовятся к гастроям, если обстоятельства позволят. - Ну вот, кажется, ничего страшного. Никаких тревожных признаков, не надо паниковать.

- В какую страну?

Ушла от ответа: - Рассказывай, как вы там с Алей.

Что ж, поиграют, хоть и неясно, что затеяла:

- Срочно вызвали, остановился в гостевом доме.

- Почему не у нас?

- Стесняться не хочу.

- Мы тут вдвоем с Араном, квартира пустует.

- Плюс, - вернуть к реальности, - отцовский дом.

- Отцовский? О чем ты?

- Это я так, к слову.

Не среагировала: - Я тебя свежим чаем угощу! Может, кофе?

- Да.

Ушла на кухню, и Мустафа, услышав шум кофемолки... незаметно улизнуть! Поднялся и на цыпочках - к выходу. Не захлопнув дверь, быстро спустился по ступенькам и - на улицу!.. Будто обретя свободу, вздохнул, но тревога не покидала: вернется и, не увидев его... Позвонить!

Услышал ее голос:

- Нора?

- Гунн! - она ему с ходу, - куда ты... - повесил трубку: язык не повернулся представиться Мустафой.

Еще раз позвонил и - опустил трубку. Мол, никак не мог дозвониться, хорошо еще автомат сработал - все они либо сломаны, трубка с мясом оторвана, либо не действуют.

Вернулся в отцовский дом. Ждал: вдруг позвонит? Телефон молчал.

Снова - домой. И, открыв ключом дверь, опять столкнулся с Норой.

- Думала не придешь, в отцовском доме останешься. - Разыграла? И тут же: - Гунн приехал. Так спешил, что чаю не выпил. - Начинается! - Странно, что не предупредил, что едет. Об Але ни слова. Чего ты молчишь?

Я и есть тот Гунн, за кого ты меня приняла.

- Слушаю тебя.

И не знаю, какую игру со мною затеяла.

- Даже не сказал, в каком гостевом доме остановился... Интересно, кого на сей раз лечить будет.

- Столько больных, что одним Гунном не обойтись.

- О тебе спрашивал.

- Да?!

- Что тебя так удивило? - И с паузой. - Будто ты мой муж.

- Разве нет?

- Тебе виднее.

- Надеюсь, хоть не отрицала, что мы знакомы?

Промолчала.

А Гунн, это было удивительно, и впрямь приехал - именно вчера, и Мустафа заколебался - может, ему почудилось, и тогда к себе домой приходил не он, а Гунн?

Встретились в бывшем здании ЦК (на каком-то этаже Центральный Компьютер), смутился... все же - зять:

- И ты еще не навестил нас!

- Ночью прилетел и с аэродрома - прямо сюда.

- С Алей?

- Пока нет, зависит от событий.

- Что-то зреет?

- Вам здесь виднее.

- Но ты консультант по конфликтам.

- Всего лишь твои игры.

- Мои или наши?

- Оба вовлечены.

- Зайцу - беги, гончей - лови?

Гунн не расслышал, предъявляя в проходной пропуск, - пригласили, козырнув еще при этом.

Разойдутся по разным этажам: Мустафа пойдет к МУСТАФЕ, который как будто составил некий союз с Рыцарем и Сильвием, а Гунн - к своему шефу Жуиру.

Впрочем, Мустафу впустили не сразу:

- А ваше отчество? - полковничьи погоны непонятной армии.
- Отчество? - вспыхнул вдруг, что не узнали его! - Может, вам и фамилию вслух произнести? - и выбрасывает из недр: - Могу на ский!
- Аранцы на ский?! - усмехнулся. - Как у нас?
- Увлечение было, чтобы догнать Европу: генерал Нахичеванский! тарист Эриванский!
- Virtuoz?
- Да. Еще Шушинский!
- Хан?
- Имя, а не княжеский титул!
- И все?
- Нет. Инженер Шахтактинский!
- Тот, который... - перебил:
- Да, вечный двигатель который изобрел! Могу и на ич!
- Тоже, чтоб догнать?
- И мода еще! Учитель Мамедович с ударением на о!
- Чья библиотека по истории кафских войн в фондах Вышки?
- Он!
- И кто, - знают, черти! но кто их просветил? Ты сам! - трактовал Нахичевань на Араксе как Нах чыхан, то бишь Место, куда ступил Ной, сошедши с ковчега?..
- ?

И в ответ на удивление Мустафы сказал:

- Это же известно всем, кто хоть в малой степени связан с Кафом.
- Еще лингвист Хурамович!
- Но главного забыл!
- Вот именно!

И тут же назвал ЗИГНИЧ'а:

- Уж не его ли, - многозначительная улыбка, - зашифрованными записями ZV вы засорили компьютер? Будто бы, - такие откровенности! Из бывших цензоров?? - он оставил их вам как своему душеприказчику с оговоренным в завещании правом редактур, интерпретации, всяких уточнений. Везение, как в покере прикупить к тузам пару джокеров!

- Блеф!
- Не станете же отрицать, что играете?
- Не в те игры, о которых думаете! И никаких завещаний!
- Плагиат? Это ж надо, - обращаясь к кому-то за перегородкой, - к нашей истории придумать этапы, чтобы она сложилась как пирамида!
- Или конус, - дразнит. - Если нет достойной личности, с большой буквы Я, который бы возглавил, и потому пирамида стала конусом.
- Пирамида, - поймали Мустафу на школьном незнании, - не может ни при каком усечении обрести конический (услышалось комический) вид.
- Его ждут, - усталый голос из-за ширмы. И широкий приглашающий жест в поклоне полковничьем.

8.

Обделена вниманием изменчивой фортуны евразийская долина семи холмов (исстари водится: если столица - непременно на семи холмах), - здесь, на Горбатой площади, трескучие морозы и заснеженная дорога, а там, за высокими домами, через мост - оттепель, слякоть, давление туч и никакого творческого настроенья.

Обмелела и главная водная артерия: некогда шумно протекала меж нагромождениями нагнанных потоком камней, будто именно в этих краях разрушена Башня в наказание за людскую дерзость достигнуть облаков. И, войдя ныне своим не утерянным названьем в

директорию Igga, обозначила

файл babilon.

И разветвилась: кривыми притоками, частью загнанными из-за буйств в подземные трубы, непредсказуемая весенними разливами, а то и тихими заводями, где бобрам и выдрам приволье.

Так и называются речушки: Бобровья, Выдра, или - по дикому зверью, рыбе или птичке на переставших понимать друг друга финноязычных, самодийском, яфетических, балтизмах или тюркизмах (для этической полноты - и на языках славянских).

Мустафа у МУСТАФЫ, чтоб отчитаться, преодолев неожиданное препятствие с отчеством.

Уже было, помнит, тщетно пытался однажды добиться приема, дежурный ехидничал:

"Какой же вы учитель, - дескать, ври, да знай меру, - если к ученику своему дорогу найти не можете?!"

Бумажка в руке Мустафы - как пароль (узнать компьютерный!): автоматика на этаже тотчас считывает текст, отщелкивая дверной секрет.

МУСТАФА ждал в овальном зале и, взяв под руку своего в доисторические эпохи учителя, пригласил пройтись по кабинету:

- Прошу! - мол, приходится много сидеть и, как новый посетитель, гуляет с ним по кабинету, отмеривая овальные круги, и что опыт его одобрили маги (Мустафа виду не подает, что названа какая-то неведомая ему мафия) и внедряют. - Чем не приморский бульвар? И даже пальмы вдоль стен, олеандры.

И, убыстряя шаги... думать на ходу было трудно, Мустафа изредка поддакивал, когда тот просматривал его выданные компьютером бумаги: диаспорские интересы, блокадные варианты, степень отрицательности образа в комбинациях: центр - кафцы... цы - цы - цы - цы, цокали копыта всадников, отдаваясь эхом в совьих развалинах.

- Да, да, знаю, мне рассказывали!.. - как в процессе игры, когда, пытаясь создать иллюзию реальности (вот-вот начнется!), игранты вышли из-под контроля, и язычки пламени пробежали по рядам, Мустафа перекричал с мегафоном толпу: "Я вам приказываю! Пока игры разрабатываю я!.."

Компьютеры, долго не понимая, чего от них хотят, вычеркнули всякого рода очевидности, тенденциозную информацию и, словно по команде, выдали сразу по три плюса каждый, сигнал тревоги, а по истечении минуты, о чем, будто сговорившись, заранее предупредили, прося подождать, пока переварят блок, тут же застрочили, - Мустафа прильнул к записям, изумляясь их синхронности:

Вы, знающие ситуацию... - какой-то бред в форме призывов остановить безумие, и длинный картинный ряд с захватом городов, улиц, континентов (?), квартал окопался против квартала, а потом пошли цифры, цифры, множество цифр, снова текст, высвечивающий этноданные почему-то по семьям, где смешаны крови - с делением на группы:

первые - это чистые,

вторые - полукровки, тяготеющие однако к коренникам,

третьи - тоже полукровки, но отчужденные от своих,

и эпизод, выхваченный телескопом, особый импульсограф (? может, осциллограф?), - митинг на Карнавальной площади (тамошняя Горбатая?), и свой пристал к своему с распросом:

- О чем он толкует? Чую, что о нашей древней истории... - Тот, как от прокаженного, отшатнулся:

- Ты что, языка нашего не знаешь?! - Еще мгновенье, растерзают чужака: миновал два ряда охраны!.. какой ец с провокацией?! - Ах на Камчатке родился! И оттуда к нам притопал? Ай да молодец!..

- Не переводит: не знает языка - враг!
- Отец мой... - перебили:
- Так ты полукровка!.. (исчез эпизод)
- четвертые - чужие, но сочувствующие,
- а в пятой - всякое чужеродное.

И тут же - зажженные красным светом глазки: один, другой, энный... вскоре на щите, занимающем всю стену, живого места не осталось, запестрели огнями тревоги, и пошло по каналам связи:

Всем! Всем! Всем!

Будто ожили револьверные времена - и в зареве полыхающего кумача пошли громить и рушить, - долго вчитывались в непонятное латинское слово и, уразумев, разбежались кто куда, а Мустафа - к МУСТАФЕ:

- Что за слово? Дай-ка текст, - вырвал. И очки на нос: - Rez... прочел первый слог. - Что за rez... - но уже глаза выхватили: - пја. Rez-пја... Ах Резня-аа! И что было дальше?

- Компьютеры долго не выключались, и в разных написаниях выдавали лишь это слово.

- Что значит в разных написаниях?

- Курсивом, петитом, жирными и полужирными, с подчеркиванием, весь реестр печатных возможностей!

- А потом?

- Потом... Потом, я же говорил, - цифры!

- Смысл?

- Отсчет гибнущих. Сначала погибли двое аранцев в черных садах, доме с белой крышей, потом двадцать шесть эрмов и... счет затерялся, нехватило нулей.

- Чтобы компьютеры не справились с нулями?!

(Меж цифрами был еще диалог:

- Столько погибших и ни одних нормальных похорон.

- Как ни одних? А гроб, установленный на нрзбр площади? И нескончаемый людской поток, который шел мимо и прощался?..)

И живая картина - баловство непонятных существ, точки какие-то: карабкаются по экрану, будто муравьи с ношей, и что-то кидают в гроб, нет-нет, не цветы - красные листочки (?), долго бились, чтоб стереть с монитора незваных пришельцев, - сами ушли.

- То-то и оно, что к цифрам подключили и буквенный ноль!

- 0?

Какой еще другой?!

- А потом... - Мустафа собрался с духом, чтобы выпалить: - Вышли из повиновения компьютеры!

- Перегорели?!

- Перестали воспринимать команды.

- Как понять?!

- Зациклились!

- Ну да, не разберешь (раздумье вслух), где какое наречье окопалось и против кого на территории, - улыбается, - недалекого застоличья.

После паузы, будто вспомнив любимые роли, афоризм ввернул латинский, смесь банального и мудреного (фотографическая память): *nulla crimen, nulla poena sine lege*, дескать, нет преступления - нет наказания без закона, а если то или иное действие прямо не подпадает под действующий кодекс, то пределы ответственности за него определяются применительно к статьям кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления.

Подвел запыхавшегося Мустафу, а самому хоть бы что, натренирован, к широкому на

всю стену то ли теле, то ли компо-экрану: - Вот она, дюжина зон, а вместе с Горбатой, - шутит, - и вся чёртова!

Тотчас высветились, окрашенные в разные тона, перерезанные проволочными заграждениями (энергокризис мешает пропустить ток), разъемными мостами, а то и просто непроходимыми дорогами, где справа отвесная скала, а слева пропасть, - это еще преодолимо, вот топь - никогда.

Точечки, мелкие квадратики, линии крест-накрест, - знаки зон: опасные, чреватые стихийными - ко всем иным - бедствиями, свободные для искателей приключений, благоприятные, неожиданные по реакциям, пассивные с торможением в принятии решений и возможными провокациями, с повышенным тонусом источником везений.

И каждое наречие выдает себя в своей (?) зоне за автохтонных, модное слово, - обитают-де здесь со времен, когда земная твердь еще не совсем остыла, и одноклеточные делиться начали: делясь-делясь-делясь, и при этом, не сходя с места, вросли ногой, руки были как ноги, а потом выпрямились, и хвосты отпали.

- Только и разговоров, - заметил Мустафа, - кто в какой зоне что купил и где стригся.

Если цирюльник аранец, эрм к нему не сядет, а гюр - прежде перекрестившись. А будучи в гостях, рассказывать, нагнетая страхи, через какие заграничные переходил (имея на то пропуск).

- ... Правда, прежде тоже случались этно-эпидемии.

- Нет, - прервал МУСТАФА, - в историю уходить не будем, твой конек (я даже, - про себя, - однажды уснул и отвинчивал твою голову во сне!): у него на этой неделе, оказывается (усмехнулся) полоса вдохновения, удач и везений, стимулируется сверхактивность, - рукой на голову, - мозга, повышается концентрация мысли.

- Возможности магических сеансов или мощное - ирония? - индивидуальное колдовство?

- Данные парапсихологов и магов. - Подыгрывает?

- А что на Горбатой? - маленький кружочек, залитый ровным светом.

- Здесь, - пока вслух, - под действием астральных сил, вызывающих приступы откровенности, свои идеи-замыслы.

Гунн у Жуира, Рысс обдумывает тайное, партнеры (?) будут предельно честны.

-... Да, или - или! - намеки какие-то (неужто и здесь записывают?).

- Как прежде?

- Вот именно: были гамбиты королевский (с залпом), ферзевый (с выстрелом), нужен кафский - новая многоступенчатая комбинация, и начать ходом коня.

- Доктор Новый?

- Конь как фигура в каждую зону, и он открывает фианкетированного слона.

- Уж не ты ли, тезка, и есть тот слон?

- Нет, мы...

- Кто мы?

-... должны всех переиграть!

Тройка - МУСТАФА, Сильвий из эрмов и Рыцарь Амброс?

Или Рысс, Жуир и всякие ушкуйцы, которые, только что выпроводив фо-фо-фо (миротворческую миссию из бывших премьеров и президентов, блеф-триумф Форума Фонда Форнелли), витийствуют, набирая очки?

Кто еще, какая тройка?

На экране вспыхнул свет и выделилось в квадрате обширное пространство.

- Это пределы Рыцаря Амброса! - и тут же глянул на часы в правом углу экрана. - Должен с минуты на минуту придти! Жду его!

Ясно прочерчивались окопы, торчали дула, и МУСТАФА... он только что был здесь и

они вели беседы, - исчез!

Мустафа заглянул за экран - нет его.

Может, в какую потайную дверь, - тянутся вдоль стен книжные шкафы, в одном из них - выход?

И вдруг гигантский монитор выхватывает живые картины улиц, увидел... ну да, это же Ника!

Идет, озираясь, словно кого-то ищет или чувствует слезку, шарф разметался на шее, спешит, будто кто гонится за нею, и невидимый глазок, выбрав из толпы лишь ее, следит за каждым движением, повернула голову и уставилась недоуменно на него, будто Мустафа и есть выслеживающий ее объектив, завернула за угол, а глазок - за нею, - исчезла!..

Зона гюров

К маме поехала!

Но где клавиша слежения? Компьютерный принцип? Или теле?

Нет, экспериментировать не будет.

Пикеты, останавливающие автобус.

Зона аранцев

- Эрмы, выходи! - электронный голос (синтезатор речи!). И грубо ссаживают.

Где это? - не опознал. Можно увеличить, приблизив лица.

Черным черно от небритых.

Вспомнил, на какой рычаг нажал МУСТАФА, чтоб экран (дисплей монитора?) включился, - меню: вся дюжина зон! Но как продолжить поиск?

... Это же Гурия!

Смех, шум.

- С эрмской примесью! - бросил кто-то из толпы.

- Ложь!

- А почему тогда карлица?!

Нажали кнопку - зажегся (как при рентгене) свет истины (?), их, в лаборатории Вышки, изобретение.

- ... Тот, в ком частичка (в каждой зоне - своя ненавистная), будет... - Гул негодования, вспыхнул из рядов лозунг:

- Вон!

- Долой!

И впихнули всех подозреваемых в автобус, но тут взгляд Мустафы привлекла фигура: высокий парень, со спины - Аран! Тот на миг повернул голову - так и есть, он!.. Вглядеться еще, но помехи... померещилось?

Зона эрмов

Как в детстве Норы - пригнаны грузовики в кварталы, где осели аранцы, кто с палками, а у кого, тоже на пэ, - приклады, и еще пэ-пэ, пулемет-пистолет, и Ша - фамилия изобретателя, чьи предки делали отменные шпаги (Шпагин?), - кому по шее, а кому - в спину:

"Всем живо в грузовики! На сборы - полчаса!"

И уже не остановить. Как на полотнах: изгнание (так?) волхвов, избиение (кого же?) спросить у Норы, она знает, и расписать!)

Потоки, из коих первый - воздушных масс, накапливающих взрывчатую смесь, как о том со слов очевидцев записали в Вышке, готовясь к играм (кто кого повторяет или что кому подсказывает!):

трубы, из которых густо валит придавливаемая книзу свирепым нордом ядовитая масса, оседающая в легких;

а снизу вверх поток другой - ропот, поглощаемый рокотом набухших от половодья волн, - из лачуг, вырастающих на пустыре, лишь крыша да фанерные стены, или трущоб,

выбрасывающих в атмосферу стон, вопль и всякие иные импульсы отчаяния и угроз, направленных против... вот и ищут, против кого направить гнев, - так до сей поры и не выявлена поведенческая модель.

И еще поток (третий?) - в чем были, в том и притопали, не успев снять с очага казан с дымящейся картошкой и выпустить собаку, которая на привязи и не кормлена (пристрелят). Женщина бросает клич, зов к отмщению, - наголо ее остригли (тягчайший позор!). Появилась - исчезла как призрак, не отыщется более: скопировала реальность?

Чье задание?

Шумовой эффект: шел спектакль - а уже трансляция из зала суда.

Щелкнул тумблером. Входите! Нажать на клавишу помощь? Помощь не предусмотрена. Входите! Но как?!

Наберите пароль пользователя.

Набрал m u s t a f a .

Теперь личный номер!

Получилось с паролем!.. Могли б похитрее: чтоб еще имя бабушки в сочетании со временем суток и днем недели.

Но какой личный номер?? Вдруг снова повезет?

Наугад - вспомнил, как МУСТАФА говорил про дюжину зон, - нажал 12.

Ваш пароль не опознан системой.

Фронтальная защита! Чертова, - осенило, - дюжина! И успел нажать, прежде чем появится:

Сеанс окончен.

Ворвались... вихрь видений, высокое качество натурной съемки, заранее приготовились, установив камеры в нужных точках с обзором труб, трущоб, ну и танков тоже, пригнанных в зоны по обе стороны реки Вавилон (и в ближнее подстоличье).

Но прежде - в зоны опасные и неожиданные, а заодно - в условно свободные и временно пассивные, после того как... нет, еще раньше, а когда это military тайна:

из разных кварталов высыпали вооруженные ножами и прутьями и стали нападать на других... и так далее по сценарию.

Ножи, топоры, металлические прутья (арматура?), одинаково заостренные, бутылки с зажигательной смесью, всякое огнестрельное оружие из arsenалов, и клич, будто электронный голос, для разогрева толпы:

- Вы нас из наших зон, мы вас - из ваших!

Разгрызли проволочные ограждения и уткнулись в двери, обитые металлом, - выбить ломом!.. Зеркало в прихожей, осколки под ноги, двое налево, двое направо.

- Мама!

Уже схватили ее, красавицу квартала (заглядывались, когда шла, царственно неся пышноволосяную голову), - рвут одежду, легкая ткань.

- Ударь, чтоб заткнулась! - повалил, придавив рукой грудь, хрустнуло что-то под локтем, и раздвинул ноги. - Смотри, как это делается!.. - И прямо на виду у всех, сильно и недолго. - А теперь ты!

Рвется (отец?) спасти - удар секачом по спине, выбили раму: - Эй, кто там? - Внизу, ждут.

Шмяк - тело на землю, оттащили к яме, облили бензином и подожгли.

Волокут из другого подъезда.

- Еще жив? - Некогда разбираться: набросить палас, та же канистра - и никаких следов.

На тесаке кровь, успеть обтереть о палас, и лезвие снова белеет сталью.

Парень с мегафоном:

- На станцию... (любой вокзал из дюжины в каждой зоне) прибыл состав с трупами

наших! Никакой пощады!

Костер на площади между домами.

Трое гонят перед собой старика.

- Побойся Бога, - молит, - я же у тебя кумом был, когда твоему сыну обрезание делали!

- А теперь мы тебе за твоих обрезание сделаем! - Парень с головешкой сунул ее, еще горящую, под рубашку, тотчас вспыхнула, огонь подступает к лицу, мужчина падает: - Кончай! - вытащил горящий матрас и накрыл им тело.

Медленные съемки.

Женщина!

Новый кадр!..

Потащили к трансформаторной тумбе.

Пауза.

И уже голая лежит на земле.

Удар лопатой по спине.

Слово не поспевает за изображением.

Поднялась, замахала руками.

- Ну нет, не спасешься! - Плеснул из чайника бензин на тумбочку, кинул, отбежав, спичку, - вспыхнуло со взрывом.

Еще костер, в глубине двора, ноги торчат, пытается вылезти - не дают, придерживая арматурным прутком.

- Готов! - докладывает.

- Раз-два, взялись!.. - перевернули машину, в ней - девушка, но шофер чужак.

- Сжигайте!

- Я ваша! Не смеете!

- Наша, а в машине врага! Чего медлите?!

Столб дыма над улицей.

А та, первая, очнулась дома - никого!

К соседям!

Укуталась в одеяло, вышла, прислонилась к двери, а потом распахнула одеяло:

- Смотрите! - выжжено папиросой. - Вы думаете, это я? Это не я, бормочет, - а другая.

Но их всех я знаю, долго спорили, кто первый начнет. В больницу? Нет, не пойду, там их человек.

По всему экрану никого никого никого никого никого никого (кто б защитил).

Стоп - прервалась цепочка, в кадре голос:

- Не позволю! - бледное лицо.

- Это кто здесь народный гнев сдерживает? - и быстрые шаги по лестнице: человек с топором, мясник из соседнего гастронома. - А ну, отойди! И руку от двери убери, пока цела!

Случилось неожиданно: кровь ударила из обрубка руки, парень упал.

Покажите еще раз!

Два застывших кадра рядом: выжигается на груди папиросой крест и взмах топора: рука... - нельзя ли без натурализма?!

Новые зональные массивы, множество колес, - катятся из зоны в зону, колеса или нули?

в горах начался камнепад

Frigidarim

Трое спускаются по лесному склону в тутовую рощу, - где здесь горы и откуда взяться тутовнику? идут и идут, - нельзя ли ускорить? сели отдохнуть, ничейная зона? перевел в систему живой декламации:

- Подошли пятеро вооруженных.

- Кто? - вопрос из зала.

- Так ли уж важно?

- В мультипликации аранцы против эрмов.

И множество параллелей: абы - гюры, оссы - инги, чечы... - кто?

-... вооруженных двустволкой, резиновой дубинкой, двумя тонкими и одной толстой ракетой.

- Что-что?

- Не перебивайте, - голос Мустафы.

- Штык-нож, - ответил тот. - Я их всех в лицо знал, один даже со мной учился, мы с ним на школьной фотографии, имени не помню. Ткнули в грудь дуло двустволки: - Раздевайся! И живо всем разуться. Я к бывшему соученику, чтобы заступился, а он: "Не знаю и знать не хочу!" И заставили ходить босиком по колючим кустам ежевики, разбили бутылки, были свалены у родника, и босиком по битому стеклу, уложили

дать в ускоренном режиме!

лицом вниз и стали оскорблять мужское достоинство, я ответил матерным выражением (дословный перевод?). Соученик вдруг велел своим развязать мне руки, мол, хочет один на один.

И схватились Однорукий и Ух! Одноух (генерал?)?

- Никаких исторических аналогий!

Прокрутить в сверх-ускорении!

- ... Я приготовился, но меня ударили прикладом по уху, били резиновыми дубинками, поиздеваются и убьют, не выдержал один - побежал, тут же уложили выстрелом, второй тоже, но выстрелом свалили и его, пока перезаряжали двустволку, эх, будь что будет! я спрыгнул со скалы в глубокое ущелье и - к мосту через речушку, следом

далее как мультипликация!

засвистела пуля, угодив в плечо, успел, пока не раздался второй, спрятаться за тутовником, услышал, как пуля сорвала кору, у огорода пополз к бетонной плите, встал и - за холм, долго бежал, пал без сил у дороги, пролежав полдня, подоспели земляки, потом нашли в лесу убитых моих товарищей, в больнице рану оформили как ушиб, а не огнестрельное ранение.

- Разрешите, я доскажу!

- Вне сценария?

- Реплика! - игрант с бородой, старик: - Убитых на носилках принесли, тут машины с военными подоспели. Есть Бог, он видит - эрма у нас недавно убили, до него аранца, прежде эрма, чтобы отомстить, и не поймешь, чей первый выстрел кого первого сразил!

- Вот именно! Мы с вами недавно сражались (опытные турнирные бойцы) в разных вариантах сицилианской защиты, ферзевых-королевских гамбитов, - не слишком ли много жертв?.. французской партии (сначала пешку на одну клетку вперед, а потом соседнюю - сразу на две!), и даже испробовали английское начало, не так ли?

Включить в игровой ряд!

Но тут вдруг в зал ворвались:

- Вы здесь... - и такая от гвалта буря, что окна настезь, осколки, словно с потолка, посыпались на головы, толпа хлынула на улицу и потекла вниз.

- Громи всех, кто... - слова утонули в гаме.

Что это?! Мустафа не понял - только что были игровые кадры, и вдруг на экране - отражающий? следящий? комбинирующий? в записи? прямой эфир?.. - перемещение на натуре!

Выключить и бежать!

Мустафа нажал Esc. Но... экран продолжал светиться новыми кадрами, и вдруг... нет, тут ошибиться он не может, - снова увидел Нику!

На сей раз ее волокли... это рядом с его домом! - будка, похожая на трансформаторную, и канистра, бензин?! и уже за будкой... свалили и бьют ногами, а потом тащат бездыханную, босые ноги, кровавые на земле следы, - и бросили тело.

Бежать!..

В коридоре - никого!

Оставил секретную (?) папку!

Не войти: изнутри отворяется! Спросить не у кого, вымерло все будто.

На лифте - вниз.

Тот же полковник: в пропуске проставить час с минутами (и подпись!). Как подписывался МУСТАФА? Рискнет!

От недавней велеречивости - ни следа.

Домой!.. Гунн? Было однажды:

- Хочешь понять? А ты через себя!

- Разве я о чем спросил?

- Вопрос в твоём взгляде. Да, жить стоит. Какой толк? Никакого!

- Абсурд?

И головой вниз с овального облачка, парит, кружится, расставив широко руки и ноги, словно звезда какая, и пятая ее конечность, то бишь луч, голова (которая и кружится).

Бежать, чтобы спасти.

- Аран?! - услышали голос и бросили трубку. Снова набрал: трубку подняли, как только что, и тут же опустили. А потом бесконечное занято (выдернули шнур?).

Нашелся тихий переулок, припарковал к глухой стене.

- Нора? Хорошо, что ты дома!

- А где я должна быть?.. Что случилось, отчего у тебя такой вид?

- Я звонил, и у вас вешали трубку.

- Никто не звонил.

- Где Аран?

- Что с ним? - встревожилась.

- Я спрашиваю, где он?

- Только что ушел на репетицию... Что-нибудь с твоими ученицами?

Ну да: игровые съемки!

- У тебя в мыслях только это!

- Думаешь, не знаю о твоей N?

N это ты!

- Никуда из дому, слышишь? Придет Аран, пусть сидит дома и ждет моего возвращения. Будут спрашивать, отвечай, что... - А что ей ответить? - На задании!

- Боевом?

Сначала забрать у МУСТАФЫ их секретные (какие теперь тайны?) выкладки!

- Но объясни толком, что все это значит? Опять твои, - усмехнулась, пророчества? И привиделся многоголовый дракон?

- Это очень серьезно!

- Наконец-то перестанешь играть в свои игры!.. - Ее излюбленное: переизбыток страстей, особенно если молодые девицы, - путь к инфаркту.

Кто о чем!

- ... А вот и Аран. - Влетел, весь взмок. - Он вырывает у меня трубку.

И с ходу:

- Ты и твои божки!..

- Что случилось?

- Нас задержала толпа! В нашей, как ты говоришь, зоне!

- Кого вас?
- Мол, под ширмой билингов скрываются эрмы!
- Сказал бы, кто ты!
- Да, - бросил я им в лицо (это потом он распетушился!), - в моих жилах течет эрмская кровь!

- Эрмская?! Шутить с бандитами?!
- Не волнуйся, и про аранское свое происхождение им сказал!
- И что же?
- Такое им пропел, что все ахнули!
- Всех наповал?
- О Мустафа, о чем твоя печаль? С тем и отпустили!..
(Бежали!)

... Перед филармонией толпились люди, Мустафа объехал со стороны сада, но и там запрудили дорогу, а из чаши, распахнутой к морю, - какое тут море?! ах да, искусственное! вещала двуязычная митинговая смесь.

Полотнище меж двумя высокими домами, трещит под ветром плакат:
Арания для аранцев!

Будто не векторная зона на Горбатой площади, а регион, - это по инерции, хотя уже никакой Арании, как и Солнечных камней, впрочем, и Теплых холмов тоже, нет и в помине, - списывают друг у друга лозунги, зеркальное отражение:

Неаранцы вон из Арании!

Пробьешься к МУСТАФЕ, а как же! В дыму не разберешь - этот ли дом, где недавно был.

- Мне срочно! По внутреннему?!

Молчит!

Успели сменить номер?

- Не мешайте, гражданин! - Занятный посетитель, и эта путаница с именами: какой придуман, а какой - нет.

Огорошить, но чем? Самосожженье? Взрыв на Горбатой площади? Баррикады!

Разгул страстей! (?) Но кому здесь поклоняются, и кто нынче хозяин? Рысс?

Похищение сына! Но есть ли у Рысс'а сын? Может, дочь?

Умыкнуть (!) жену! Чью? Жуира!

- Что за дикованная фамилия?

- Вы что, новенький тут?

Терпеливо слушают, чем еще удивит. А он - пачками фамилии:

- Лебедь!

- Гусь!

- Ушкой!..

- Так вы материться!!

Отвлечь - покушение лично на... на триумвират! - и сыплет, как орехи из торбы, имена: МУСТАФА + Рыцарь + Сильвий!

- Чего вы, гражданин, - из-за перегородки, - раскричались? - А потом, прокрутив диск (?), к кому-то: - Комендатура?!

Выскочил, за ним - как из-под земли - двое.

Ускорил шаг, те - за ним.

Быстро за угол, где машина.

Отстали!.. А потом - мимо.

Померещилось? Нет, уходить нельзя - в бюро пропусков!.. Но прежде позвонить домой (через девятку?), - хорошо что не отключили!..

Наконец-то - голос Арана!

- Алло, алло!

- Городской отключен, - из окошка ему.

- Но я слышу!

- Без обратной связи.

- Мне тут...

- Морочили голову там, теперь пришли сюда?

Ах да, автоматика - трубы обзора!

- Я, собственно... - Нет, долго рассказывать, зря возвратился.

Развернулся... опять?! Нет, обознался: не из тех, которые преследовали, а тот, с которым когда-то парились!.. Странно, он сегодня уже вставал на его пути (когда ехал домой, потом - в филармонии):

- Мы, кажется, - бросил с ходу, - виделись. - Дверцу ему открыл: - Садитесь!..

- Может, по пути?

- Да! - рванул с места.

- Погони опасаетесь? Я видел, хе-хе, как за вами охотились.

- И вы?

- Что я?

- Тоже на охоту? - Тот пожал плечами. - Или считаете, что наши встречи - чистая случайность?

- Вот именно!

- Тем более что я собрался за город.

- Представьте, я тоже!

- Вот как! - удивился Мустафа. - Может, в один и тот же дом?

- Всекие случайности можно объяснить. Но чтобы дорога и дом совпали, да еще в лабиринте зон, вы, кстати, какую предпочитаете?

- Живу в нейтральной, работаю в аранской, едем мы, кажется, по эрмской.

- Нет, по эту сторону Вавилона уже азы: вытеснили на тот берег гюров, теперь обороняются, благо Вавилон нынче полноводный и его нелегко форсировать, мост-то взорван!

- Знаю. Я думал проскочить через зону чечев.

- ?! Смельчак!

- А что? Я вчера там проезжал.

- Но сегодня - уже бои! За господство на обоих берегах.

- Берег поделить не могут!

- Все берега, к вашему сведению, наши.

- Мы, кажется, были на ты, забыли?.. Ваши-то ваши, но сначала размежеваться, так?

- Нет, очиститься!

Старый их спор!

- Вы, - Мустафа ему, - очищаетесь от тех, кто с мутью, эрмы от аранцев, гюры от абов...

- Чечы, - продолжил Костя, - от росссов!..

- Короче, как в парной!

- Вы о чем?

- Мы, кстати, проехали только что дом=развалюху.

- Что за дом?

- Ну, баня.

- Не баня, а крематорий!.. Вам же направо!

- Почему? Ведь мост - слева!

- Взорван!

- Как? И здесь не проедем?
- Нет, я думал, вы знаете, и собирались выйти на Окружную.
- Там тоже не проедешь: зона окраинных россос.
- Да-с, зажали со всех сторон, одно спасенье - за город податься.
- Репортаж?
- Не понял.
- Давно не читал ваших маргиналий.
- Вы меня с кем-то путаете.
- Путаю? - закралось сомнение. - Разве вы не Костя?
- Сроду им не был!
- Мы же как-то парились с вами, забыли?
- Я? С вами?!
- Ну да. Дом-развалюха, он же - баня... Мы только что видели! Вы и тогда, глядя на дымок, пошутили: крематорий.
- Но это действительно крематорий!.. Парились в крематории! Брр-р!.. - Притворяется?
- Могу паспорт показать!
- А вы меня за кого приняли?
- Ни за кого!
- Но сели в мою машину!
- Вы меня, можно сказать, силой втащили.
- И что третья за день встреча?!
- Впервые вас вижу!..
- Остановился.
- Как же нам выехать?
- Вам к какому вокзалу?
- Северному.
- А мне - к Восточному. Но ни к вашему, ни к моему отсюда дороги нет. Надо выходить на Садовую, а там... - Ну да, пока ничейная зона.
- Похоже на бегство.
- Кому что.
- Вы о чем?
- Сидела птица на плетне... Сказка такая.
- Аа...а.
- Не волнуйтесь, я вполне нормальный.
- ... Мне здесь! Авось, сегодня встретимся еще.
- Чем черт не шутит?
- Мне, кстати, везет на шайтанов. - Блеск вдруг в его глазах, визитку Мустафе протянул
- пригодилась она при выезде за городскую черту, черта черту - черти, прочитываемые в разных смыслах, одним словом черт: сунул визитку самодеятельному таможеннику, расплодились контролеры, не ясно, от чьего имени действуют, и тот клюнул на защитный глянец, под коим - президент какой-то фирменной аббревиатуры.
- ... Холл и окошко на втором этаже, где недавно был с Никой, кажется, в прошлом веке, когда впечатлительность подвела Мустафу (неудобная поза!), зато ночью и на полу, куда сбросили матрац, творили чудо, Ника уже не могла, взмолилась, но не отпускала, и он доверился ее чувствам, а не словам, и был неутомим в неистовости.
- Ника! Увидел в окно террасы!.. И она его увидела, выскочила:
- Ой, как я рада!..
- Я видел тебя на большом экране... - Осекся.
- Что с тобой? Ты такой бледный!

- Потом.

- Сейчас! Я должна снять твою боль.

- Началось.

- Что?

- Ты шла озираясь и вышла из поля видимости.

- И ты примчался ко мне? За меня испугался? Мустафа... - прижалась к нему, и он, заслышав имя, вздрогнул, прозвучало как чужое, не его: да, это МУСТАФА!

- ... Затем появилась снова. И тебя, я это точно видел на экране! волокли за волосы!

- Ну да, - перебила: - Сериал как simulation. Я тебя не предупредила: нажимая Enter, ты ускорял процесс игры.

- Сам компьютер разыгрывает?!

- Программа в режиме гипотез. Компьютерные псевдонимы, в которых мы живем. И ты увидел, как меня казнят.

- Мог увидеть и собственные похороны?!

- Если задать программу.

- Ускорение реальности?

- Нет, пока игры.

- ... Ника! - нетерпеливый голос Вермы.

- Иду! - и к Мустафе: - Я должна помочь, у нас сегодня гости.

- С кем это ты там?

- Мустафа к нам приехал. - Потащила его в дом.

- Гости вот-вот явятся, а мы еще не готовы!.. - Упрек?

- Вы тут веселитесь, а там...

- Потому и веселимся, что свершилось!!

- Что?

- Стану я разглашать государственную тайну!

- Праздник - это тайна?!

- Для кого - тайна, для кого - нет.

Чей-то день рождения!

- И кто гости?

- Вдовы с молодыми мужьями.

- Из тех? Может, и они из будущего?

- Вот именно!

- Так сколько же им?

- Мужьям?

- Нет вдовам, хотя, - тут только сообразил, - какие они вдовы, если замужем?

- Ох, дотошен, спасу нет!

- Если им тогда, - размышляет вслух, - было восемнадцать, даже семнадцать, плюс почти шестьдесят, то... выходит далеко за семьдесят?!

- Я же сказала: с пластическими операциями! - и шепчет на ухо: - Шучу, не вдовы, а мои воспитательницы с усатыми мужьями! - и пальцем грозит, напоминая, как крутила их с Никой, и ноги их барахтались, да еще руку к столу припечатала: - Уж мои годы, надеюсь, считать не станешь!

Вот и гости - три женщины: первая крупная, как сама Верма, широкоскула и зубы с прорезьями, за нею худая и невысокая, и еще - самая, очевидно, старая, за толстыми стеклами очков сверкнули лучики.

- А где ваши мужья? - спросила Верма.

- Уж говори кавалеры! - Это та, которая шагнула в прихожую первая. Они у меня собрались, забыла? Стареешь, матушка!

Ну да: здесь - девишник, там - мальчишник, и женщины разом посмотрели на Мустафу, как на чудище какое:

- Ээ, да тут мужчина!..

- Никин гость.

Мустафе вдруг стало не по себе - как она пожирающе, ну да, все женщины тебя жаждут, даже старухи! на него глянула, лицо будто маска - гладкое, ни морщинки, а глаза живые - из узких щелей.

- Он со мной! - поспешила Ника.

- Не бойся, не тронем, нам свои во как надоели! Детка, - обратилась к Мустафе, - иди-ка сюда, помоги снять пальто.

Пока Мустафа вешал ее легкое пальтишко, третья переобулась, надев туфли на высоких каблуках:

- А мой ревнивый, - Нике, - если узнает, что с нами был мужчина, мне домой лучше не возвращаться.

- Как тебя зовут, детка?.. Пока вызубришь... Ты вот что, достань из моего кармана спички, - вытащила из сумки пачку папирос, - дай прикурить.

Скрюченные ее пальцы дрожали, всунула в рот папиросу, зажав густо накрашенными губами, закурила и тут же закашлялась, часто-часто задышала, а потом:

- Ты вот что, детка, слушайся старуху эН - здесь тоже N! - и никогда не ошибешься, а если что не так - кори судьбу... Проводи-ка меня к столу, взяла его под руку. - Поддай пепельницу... Не надо, здесь есть, - положила папиросу на край блюда, успев изжевать, виднелся малиновый след помады. Быстро гаснет, - достала новую папиросу. - Дай прикурить... И оставь спички здесь, вот сюда положи... Да, детка, тебе придется нас покинуть. Тебя проводят к нашим мужчинам.

- Я провожу! - сказала Ника.

- Нет, пусть сама хозяйка, заодно посмотрит, как развлекаются. А ты, к Нике, - так уж быть, тоже пойдешь, этой бабе, - ткнула папиросой в сторону скуластой, - своего мужика не доверяй, слопают. Так, мол, и так, скажешь им, вот вам от всех нас подарочек к празднику, жених с мудреным именем.

- А что за праздник все-таки? - не унимался Мустафа.

- Как, разве не знаете? - удивилась худая (и молодая). - Только и слышишь, как народ о нем толкует!

- Детка, узнаешь в свое время.

Кто-то ему (кто о чем!):

А новый файл открыть не желаете?!

9.

Заботлив или занудничает?

Он уже есть.

Разве?

Ну да: новые серии

файла serial.

Дом возник за поворотом - выделялся необычным цветом, растворяясь в скорых сумерках, цвет сумерек, какой он? - сирень, переходящая в голубое. Глухо залаяла собака. Мустафа вздрогнул.

- Бойтесь?

- Если честно, да. Еще в детстве... - Не дала ему договорить:

- Собака у нас ученая, степень имеет. - Шутит? И огромная черная собака не спеша приблизилась к хозяйке. - Титан, это наш гость, - сказала ему, показав на Мустафу. Титан, наострив уши, недоверчиво покосился на него, а потом лениво отвернулся. - Теперь не

тронет.

Ника пожалала ему локоть, и женщины удалились.

Стол, накрытый белой в сизых пятнах скатертью, местами вроде изжеванной, был пуст - отужинали, успев убрать посуду и освободив стол к чаепитию? или вот-вот приступят?.. А еще удивило, что в комнате всего лишь хозяин, где же остальные?

Хозяин (он ли?) похож на святого из какого-то заграничного фильма: белые-белые волосы густо облепили голову, и борода седая, лицо розовое, светящееся изнутри, благообразное, и голубые глаза цвета небесной сини бог (с маленькой буквы), и пред ним предстал весь погрязший в смертных грехах раб Божий Мустафа. Боги уже есть, вряд ли стоит умножать их ряды. Не боги, а божки! Мудрец - не мудрец, но в роли вершителя судеб - точно, и когда они вошли,

святой,

так уж быть, имя ему есть, учитывая благообразность, - сидел у пустого стола на табуретке, глядел перед собой на дверь, точно озабоченный или сожалея, что уж очень на скорую руку сотворен мир, и в поспешности этой причина несовершенства людей. А как гость появился у порога, махнул жене рукой, мол, ясно, что за подарочек.

Внимание Мустафы было поглощено здоровенным псом, который настороженно, нет, устрашающе, глядел на него.

Я его боюсь, и он улавливает волны моего страха, надо внушить ему, что мне не страшно.

- Валяй!

- Ты добрая хорошая собака...

- Так уж и сразу!

- Имя у тебя что надо, Титан-Титанище, почти гений!

- Брось! Лестью меня не купишь!

- А чем же?

- Не на такого нарвался, чтоб можно было внушить!

- Собака ты умная...

- А ты - дурак, стоишь как пугало огородное!

Мустафа поискал глазами стул, чтобы сесть, но тут из соседней двери, Вот-вот, подвигайся! вышли еще двое, и Мустафа, благо Титан лег у выхода, - Ладно, послушаю ваши речи! начал гадать, кто чей муж.

Относительно молодой, почти ровесник Мустафы, - без пиджака, в жилете, галстук в крупную горошину, и сразу бросалась в глаза его огромная лысая башка да бородака-треугольник с проседью, - очевидно, муж той, что худа и костлява;

у другого - все, как у седого, только черным цветом: густая курчавая шевелюра, вздыбленная и вразброс, борода жесткая, лохматая, нечесанная, мускулы (?) под мочками оттопыренных ушей и мощные выпуклости над бровями, излучающие какую-то энергию, - вот кто, а не башковитый, муж той, что в туфельках на высоких каблуках, - каждую ночь ее иссушает своей страстью, а башковитый... он, без сомнения, муж эН: о такой не скажешь, что старуха.

Все кого-то напоминали, или под кого-то играли: черный... как его? ну, чер-чер, с рогами-копытами который,

черт,

и если б кто вздумал рисовать - лучшая натура, чуть-чуть подкрутить еще макушки, вздыбленные клоки, и будут рога крученые, ну, а этот - с резкими движениями, туловище вправо-влево, живчик такой, и кожа на лысой башке то собирается в гармошку и оттого краснеет, а то разглаживается, приобретая червонный блеск - всеми чтимая (во времена оные)

башка.

- Может, - Мустафа им, - представимся друг другу?

- Не надо называть имен, - заметил башка, - это чрезвычайно обременительно. Да, да, - мол, не сердитесь, - наши имена нам во как надоели!.. Я, ты, он... какая прелесть! - вздохнул, и тут Мустафа заметил, что у башки глаза разные и смотрит как-то по-особенному: один цепляет всего тебя, другой - мимо. Определенно сглазит. И, потирая руки:

- Ну-с, - взгляд на святого, потом - черта, - пожалуй, начнем. - И снова на Мустафу: - Готовы?

- Всегда, - пошутил, - готов!

И башка, будто декламируя:

- Вот он, - и левая рука, как кинжал, выхваченный из ножен, острием направился на Мустафу, - податливый человеческий матерьялец, врученный нам. Полюбуйтесь на голубчика! Не о нем ли в такой торжественный день мы только что мечтали? А главное - почти юноша, поистине пригодный для лепки!

- Спасибо, - усмехнулся Мустафа. - Просто я неплохо сохранился, а если начнем уточнять, держу пари, окажусь вашим ровесником.

- А вот и выведем! Согласны? - спросил не у Мустафы, а у тех двоих. И время с пользой проведем, исторический, так сказать, эксперимент.

- Не довольно ль экспериментов, которые были?

- Были и будут!

- Вы что же, тройка? - вдруг с чего-то выпалил Мустафа. Башковитый опешил, а черт кулаком по столу:

- Молодец, что сообразил! - Находчивость Мустафы пришлась по душе и святому:

- А глину-то красную я успел обжечь, не зря, выходит, трудился!

- И вылепил по своему образу и подобию, похвально-похвально!

Это ж особый поселок, Ника предупреждала, так что на ловца и зверь бежит - для деловых его игр!

- Как там в песне поется, - это башка: - Узнать истину...

- Не истину узнать, - поправил его святой, - поэтичней: Осталось через пытку выйти к цели.

- Поэзия по твоей части, ты творец, а я политик.

- Вот и попробуем! - Это черт.

- Спеть?

- Черта с два!

- А в каком смысле?

- Не догадываешься! - сразу на ты. - Увы, - подлаживаясь под настроение черта, сказал Мустафа, - только времени в обрез.

- Разве мы куда-то спешим? - спросил черт у святого, а тот и не расслышал будто. Черт его побаивается, решил Мустафа:

- Не знаю, как вы, но спешу я! - Собака наострила уши, глухой рокот в горле, недовольна чем-то.

- Титан, ты невоспитан! - упрекнул пса черт, и Мустафе: - Это он сердится, что спешите нас покинуть.

- Тан - тан... - пропел башка, и бросил как бы невзначай, ни к кому не обращаясь: - Кто сюда попал - пропал.

- Ох, ох, - захохотал святой, отгоняя дремоту. - Ну и дела, кто мог знать?

- Вы прелесть! - воскликнул башка. - Даже не спросите, о чем толкуем, хотя могли бы догадаться, что выпало вам великое невезенье, особенно в свете того, что случилось.

- А что?

- Узнаешь, когда время подоспеет! - грубо отрезал черт.

- А сейчас нельзя?

- Придется, голубчик, повременить, ничего не поделаешь, терпение, друг, терпенье: жертва, то бишь вы, должна созреть.

- Но я, - возразил Мустафа, начиная испытывать неудобство, - не знаю за собой вины, чтобы быть жертвой!

- Все так говорят, а еще хуже - поначалу думают, что недоразумение.

- Переворошить душу и матрацы! - воскликнул черт.

- Ох, ох, копни любого!.. - вздохнул святой и сладко зевнул.

- Сам создал, сам и расхлебывай, - сказал ему башка. - Тот будто очнулся: - С тобой вдвоем и создали!

- Нет уж: я тут не при чем, ты да он - вы оба славно потрудились, а я на готовенькое пришел!

- И с дерзкой мыслью, - черт ему, - возомнив себя богом!

- Каюсь, и чертом тоже!

- Кому бог, а кому - черт!

Странная цепочка пререканий обрастала непонятными Мустафе упреками и, чтобы вернуть тройку к реальности, он напомнил о себе:

- Я, честно говоря, проголодался. Когда провожали, было сказано, что у вас мальчишник.

- И мы поужинаем?

- Извините, да.

- Как вам это нравится, а?! - Башка обвел всех пристальным взглядом. Ха-ха!

- Н-д-а-а, - святой издал какое-то мычание. - Человек проголодался и согрешил, ох, срам!..

- Ты б ему вместо желудка ума прибавил!

- Желудок - это твое изобретенье, я тут не при чем.

- Кажется, - спросил башка у черта, - арестантский паек у нас всегда найдется, не так ли? - Тот с завидной проворностью исчез в соседней комнате и вынес оттуда сухарь и алюминиевую кружку:

- Карцеровский паек.

- Уже присудили к карцеру? - Мустафа сохранял присутствие духа.

- Все же твердый сухарь, и не надо за корочку хлеба чесать пятку пахану! - Грозит? И протянул Мустафе кружку: - Бери! И сухарь тоже!

- Ешьте-ешьте, доставьте нам удовольствие, давно не слышал хруста разгрызаемого сухаря, эх, жизнь нелегала, тюрьмы, ссылки, - славное было время ... - замечтался башка, и снова - разные глаза.

Мустафа с чего-то решил, что в кружке водка: понюхал - не пахнет, глотнул - вода, холодная, будто из погреба, но вкусная.

Старики и этот, башковитый, его забавляли. Игра так игра, потом будет ужин, разгрыз сухарь, запил водой, ел не спеша, те молча наблюдали.

- Зубы ломаешь! - отшутился. Сухарь посередке оказался крепкий, как камень.

- На зависть, - сказал башка черту, - крепкие зубы!

- И такие попадались.

- Будем считать, что утолил голод. Что же дальше?

- Вот и расскажите нам, батенька!

- О чем?

- О ваших проступках!

- Проступках! - передразнил черт. - Интеллигентик заморский!

- Но-но!.. - огрызнулся башка.

- О преступлениях, которые совершил!

- ?? Не правда ли, - как можно вежливей, - еще час назад ни вы, ни я не ведали, что нам предстоит встреча. К тому же, со времен д-ра Нового пытки, как вы изволили выразиться, отменены! Но если уж кому рассказывать, то не мне - вам поделиться опытом, вспомнив о тех, у кого были крепкие зубы.

- Ну, а все же? - не унимался черт. - Пока я добр!

- Я весь перед вами, - шутить так шутить, - мне каяться не в чем.

- Тогда пеняй на себя. Придется, - вроде бы испрашивает разрешения у святого, - побудить к обнаружению истины.

- Извините, но нам, кажется, суждено проститься. Не будете ли так любезны... - что? выпроводить?!

Титан, будто по команде, наострил уши и занял активную (жизненную?) позицию.

- Бросьте! - вмешался башка. И к святому: - Не время ли показать гостю бар?

Мустафа вспомнил, как эН сказала: "Детка, попроси, чтобы в музей сводили". "Музей чертей?" - пошутил. "А ты смысленый!" - и закашлялась, папироса меж пальцев дрожала.

- За баром музей? - спросил Мустафа.

- Да, все удовольствия: и бар, и музей, и даже сауна... Вы, кажется, любите париться?

Ника! Она рассказала! Не хотелось спускаться - запрут и не выберешься. Святой, за ним Мустафа, далее те двое, а Титан остался наверху, сторожить.

Ступени круглые, отполированные, вроде шведской стенки, и какие-то внизу приспособления, свернутый канат. Сошли - и замерли на месте:

- Музейный экспонат! - возрадовался башка.

- Лестница? - Взгляд Мустафы упал на картину в простенькой раме, сбоку на стене, и в ней - такая же лестница: трое истязают одного, привязав руки на верхнюю ступеньку, а другим концом канат тянет ноги вниз, еще один крутит лебедку, вытягивая тело приговоренного (пытать и выпытать), распятие на лестнице.

- Не находите сходства? Жертва - копия вы!

- Хотите сказать, что и те трое палачей похожи на вашу тройку?

- А вот и попробуем! - усмехнулся башка.

- Я готов, - вызвался черт.

Вступили в холл - грандиозное подземное царство!..

На полу, вдоль стен - экспонаты, как наглядные пособия к его деловым играм. То черт поясняет, то разговорившийся святой, а между ними башка неподдельное любопытство: тиски для ног, пальцев руки, дыба вроде виселицы, а на перекладине - крюк, перекинут канат, поддевают жертву, чтоб повис.

- Мало что изменилось за тыщу лет, - вздохнул святой. - Сечение розгами, растяжение членов, поджаривание на горячих углях, или вешать вверх ногами, а под головой жечь костер. Прогресс минимальный: подъем со стряскою без огня или огонь со стряскою, и сверх того - висок горячим утюгом проутюжить.

- Не вижу, - Мустафа им: дескать, изучал в университете, - испанских железных башмаков с гвоздями.

- Как же, вот они, можете потрогать, - предложил святой. - А станок, в который заклепывалась голова, только у нас и сохранился.

Далее комнаты времен Rastrelli:

-... вот вам Младший, - объясняет святой, соскучившийся по изящному стилю, - с его выразительной трактовкой энергии масс, мощно выраженным портиком,

- Словно челюсть! - вставил черт,

-... колонной, увенчанной сильными раскреповками, и он предшествовал Старшему, у

которого началось с тихого и скромного бюстика, а завершилось всплесками, когда виднейшие пробовали силы воссоздать переливы колоссальности.

Залы с примитивными иглами: всадят - весь стресс улечивается, и пластиковые пули тут, и водометы (кому гейзеры, кому грязевые извержения), саперные лопатки, слезоточивый газ, - картинки генеральных репетиций, как обуздать.

Ну вот, наконец-то - одиночные камеры, где прелесть как испытываются чувства (а Мустафе кажется - сауна).

- Терпеливо перенес - значит, Всевышний помог, и тогда отпускали.

- Надеюсь, - это Мустафа, - если мне придется туго, поможете.

- Разве я Всевышний?

- Вылитый!

- Черт знает, что он говорит! - воскликнул башка.

- Черт и знает! - Это святой. И к Мустафе: - Виновному всевышний не помогал, и тот раскальвался.

- Вы о временах ZV? - Никто не среагировал.

- Я только не помню, в какой последовательности: муж ранее жены или жена ранее мужа? Кстати, как у вас с женой?

- А что?

- Не чувствуете вины?

- ?

- А Ника?

- Извините, это - нельзя сердиться! - мое личное дело.

- Это во времена ZV, так?.. с вашей легкой руки и пошло, всякие игры.

- Вы преувеличивается - Ника проболталась! - мои заслуги.

- Не о вас персонально речь: ваша Вышка и рассекретила тайны, утратив... - и к черту: -

А что утратив?

- Ясно что! Знаем мы о вихляниях твоего суперрукля, кружок у нас вел, хвастунишка-лгунишка! На грош амуниции, на рупь амбиции!

- Ныне покойного, - чтоб не очень хаяли.

- Я и забрал его за это в ад!

- Так кого же ранее вас, если придется?

Черт взглянул на часы: - Там уже началось.

В тот же миг - это случилось неожиданно, вскрикнуть не успел - Мустафа оказался (все еще представлялось, что за дверью - сауна) в коморке на одну лишь думу (душу?), и щелкнуло за дверью.

- Эй! Что за шутки?! Выпустите немедленно! - Голос в пустоту. Успокойся, сейчас откроют.

Все замкнуто. Дыши ровно. Без паники. Вот так: вдох - выдох, вдох выдох. Сохранить силы. Сразу вспотел. Воздуху! Это психоз. - Эй!.. - Не кричи. Всплывает из глубин паническое, сейчас задохнется: - Откройте! Нет, не стучать: ведь слышат! Оставят и уйдут? - Я задыхаюсь!..

Ни звука. Успокойся. Псевдонимы, в которых живем? Да, занимаюсь самовнушением. Надо беречь силы. Так глупо дал заманить! Ника спохватится! А вдруг и она с ними? Никого не предупредил! Хоть бы Нору!

- Есть кто? Глупые шутки! Откройте немедленно! Я ж могу умереть!..

ноги подкашиваются

сердце забило

держаться

вздыхнул глубоко

не дышится
воздуху!..
снова поэма-реквием?
беречь силы
вся спина мокрая
рубашка прилипла к плечам
вытереть лицо
пот стекает с волос
без паники!
слезы подступают.

Этого еще не хватало!.. - Считайте, что победили, выпустите меня, слыши те?! - Не выдержит. Не терять энергию! Слова не успокаивали.

слабость в теле
дрожь в коленях
сердце в глазах болит
почему не глаза?

- Да я вас!.. - Наконец-то! Голос оттуда:

- Ах, еще грозить! - Ждут, чтоб взмолился!

- Ответите за самоуправство! - Молчат. - Какого беса вы меня мучаете? Что я вам сделал?!

- Но я с вами, - это святой.

- За мою смерть ответите!! - сорвал голос. Сразу стало трудно дышать.

колени уперлись о стену

так и повис

жив ли?

задыхаюсь!

это хрип.

Потерял счет времени, он ли сказал задыхаюсь? горло будто распухло мешает дышать.

Уже не понимает, где он, впал в забытье.

... Дверь резко отворилась, и Мустафа вывалился, ноги еще там, лежит бездыханный, но чувствует, что жив, теребят, не открывать глаза, нет сил спорить, чего-то желать, оставьте в покое, кто же его втолкнул? Он шел за башкой!.. Непременно посмотрите музей, детка! Не встанет ни за что - уперся ногой о дверной косяк, чтоб не втащили обратно. Снова запрут - не выдержит. Бежать! Но Титан!..

Он им такое устроит! Он их раздавит, эту мразь!..

- Ээ...э! Да он хилый, а мы-то думали!.. - Сквозь пелену, не ясно, чей голос. - Можно осудить невинного, имеющего слабое сложение, - Мустафа с трудом постигал смысл слов, - а можно и оправдать беззаконного, на силу и крепость свои уповающего, так? А попал к нам - нет ни невинных, ни беззаконных. - О нем? - Ну-с, отдохнули и хватит.

- Да, - это святой, - из такой глины, даже если обожжена, не вылепишь колосса. - Мустафу усадили на стул (экспонат?). - Ну-с, продолжим диспут. Итак, вы утверждаете... А что он утверждает? - спросил у башки.

- Болтал о ZV! - ответил вместо святого черт.

- Ну да, академик!

Знают!

- О!.. С каким наслаждением мы будем играть в эти их... - и брань по адресу близнецов: Гласности + Контроля. И чуть ли не словами Мустафы: - Не брат и сестра, а муж и жена!

- Семья=то распалась!

- Не распалась! Помер мужик!

- Разве?

- Ну да, гласность овдовела и пошла, дабы чувственность утолить, по рукам! - Облик святого сразу стал земным. Что-то произошло, но что?

- Говорят, - заметил башка, - видели живого Контроля.

- Среди бомжей!..

- Что ж, триумвират, - заметил черт, - вынесет, конечно, вердикт, и каждому выпадет радость: кто получит пять - рад, что не десять, кто десять - что не двадцать пять, а этот - что избежал рсстрл'а. - Банально и старо! - Жаль, - вздохнул, - что возраст у нас уже не тот!

- Опыт! - успокоил башка.

- Подзабылось малость, - и на Мустафу святой смотрит, - иначе мы бы этого молодца в заповедные края, где карликовые березы и низкие кусты рябины. Потом под сопку. Ну как, хочется под сопку? Хилые нынче пошли, хотя, - святой размышлял в привычно-спокойном тоне, - чуть передержали в боксе, надо б по принципу маятника, чтоб привыкал и осваивал, и мы б ему новые испытания, поднимая шкалу. Дюжина разрядов - на первом споткнулись.

- Успеть бы хоть часть повернуть: иглы под ногти, поджаривание на костре, пивная бутылка - с пивом! - и чтоб сел на горлышко всем своим задом, по спине валиком с гвоздями, что еще?

- Да, пытки измельчали, - вздохнул святой, - прежде наказывали, испытывая: на схватку со львом, многоголовой гидрой, да чтоб похитил чудовище какое из подземного мира. Кары и моральные: в рабстве унижат, заставят носить женское платье... - Умолк, вспомнив про богатыря - без передыху двести девиц, покуда всех... а тут выпытывай всякие мелкие пакости.

- Отвлеклись, а время не ждет! - Это башка.

- Что еще? - устало изрек, отходя от видений с женщинами.

- Черт истосковался от безделья.

- Что намерены еще выудить?

- Сам и расскажет, в чем хотел чистосердечно покаяться: порочащие слухи, заговоры, диверсию и терро.

- Скучно, - зевнул святой, но зато Мустафа пришел в себя и втянулся в дискуссию:

- Времена эти, к счастью, прошли! Даже при Новом!

- Эх, доверчивость!

- Какие нынешние жертвы? Их нет!

- А завтра будут, - и стал разматывать клубок. - Вот тебе дразнящие маневры, кривая заказных убийств, - Мои разработки! - карусели, чтоб сесть в преззо, зональщики, что еще?

Пока черт говорил, святой вздремнул, башка разглядывал экпонаты:

- Коллега, - подключился он, - упомянул какую-то фамилию.

- Впервые слышите?

- Новый, Новый... - про себя черт, силясь вспомнить. - А это кто?

- Ну, бывший доктор который, философ.

- Ах Нооовый!.. Не у вас ли в Вышке родилось, кажется, суперрукль изрек: "Слаба ломовая лошадь!""? Этого твоего Нового, - и непонятные движения рукой, - уже тью-тью!

- Умер?

- Последние известия надо слушать! И всех других тоже!

- За такие слухи...

- Ох, притвора! Потому и сбежал, чтоб уцелеть!

- Объясните толком, что случилось?

- Ожил наш мертвец! Обрадовался!.. - вскричал башка.

- Какая к черту радость?!

- Черту и радость!

Вмиг вкатил он в зал, накинув на плечи белый халат, тележку с инструментами, как в хирургической.

- Может, пошутили и хватит?

- Только начинаем!.. Ну-с, - к Мустафе, - испытай сопротивляемость к болевым ощущениям, сегодня важно знать свой порог, не так ли?

- Триумвират, - заметил башка, - подобрался на славу, каждый с опытом, не мелюзга, или как там у вас? - Смотрит на Мустафу, зазывая на откровенность, а он - ни слова. - Мизер?

- И кто в Триумвирате? - оттянуть! И выпалил с ходу: - Мой тёзка МУСТАФА?

- А говорите, понятия не имеете, - укорил его святой.

- И вы не опасаетесь... - нет, грозить не следует.

- Интересы дела превыше земляческих!

- Еще Сильвий? - сказал невпопад.

- Ну, ему еще рано.

- Рыцарь Амброс?

- Гадаете или так?

То, что МУСТАФА - там, придало уверенность:

- Я требую, чтобы вы выпустили меня отсюда!

- К женщинам захотелось?

- Мне к Нике.

- Так уж быть, жальюсь, - сказал святой: - Двоих вычислили, предстоит назвать главного.

А вдруг угадает?

- Рысс!

- Шанс упустили!

- Воспрянул-таки кролик!.. Дай сюда руку! Живо!

- А вы... - не успел сказать, как с проворностью юнцов подтолкнули его к стулу, повернули какой-то рычаг, и механические лопасти обхватили его ноги и спину, и на руки надели что-то вроде наручников. Высвободить руки!..

- Что до Ники... - черт глянул на часы. - Там тоже, надеюсь, не сидят без дела.

- Можно послушать, - сказал святой. - Где наша аппаратура? Внеси-ка, черту, - пульт.

Башка оказался проворней и выскочил из зала.

- ... а заодно, - вдогонку святой, - свяжитесь, пусть обратную связь подключат!

И тут же в микрофоне раздался пронзительный крик: "Ааа...а!.."

Пытку записали! Или с какой передачи, чтобы пугать.

"Скажешь или опять отрицать будешь, сука?"

"Что вы от меня хотите?"

"Тебя посылали узнать, а не стать шлюхой!"

"Что узнать?"

"Ну?!"

"Я понятия не имею о его намерениях!"

О ком это?

- Узнаете голос? - Это святой.

- Нет.

- А вы прислушайтесь!

Не может быть!

"Сбежал, чтоб избежать кары? Спрятаться у нас?"

- Это шантаж! - возмутился.

- Поберегите голос. Обратной связи нет.

"Ах тебе чуткости!?"

"Не делайте этого! Я боюсь!.. Ой, больно! Больно же!!"

"Когда будешь делать аборт от своего ёбаря, еще больнее будет!"

"Ой, мамочка! Не хочу! Не буду!" - истерика.

"Какие мы недотроги!.. Убери руки, не прикрывай, хе-хе, свою жураву!.. Руки по швам, живо!"

"Постой, - голос Вермы! - Сознайся, легче будет".

"В чем?!" - крикнула.

"Детка, тебе же ясно сказали".

"Мать!.. Ха-ха!" - Выключили.

- Теперь мы. Ну-с, где наши пальчики? - Лопасты крепко обхватили, не пошевелиться. Расслабься, не пытайся разжать. Наручники с подвижными клешнями! Любое движение - и кольцо суживается, захватывая следующие зубцы. К горлу, как тошнота, стал подступать психоз.

- А что если, - черт задумчиво, - голову заклепать в станок, а? - И к Мустафе. - Редчайший экспонат, будет что вспомнить!

- Нет, - возразил святой. - Голова у этих очень уж мягкая, не успеешь заклепать - расплющится.

- У кого это у этих?! - переспросил башка. - Я не потерплю расизма!

- Смеее измываться! - приступ психоза. Рубашка мокрая насквозь. Расслабься, без паники! Нельзя вырываться, но хоть как-то расшевелить лопасти. Кольцо сузилось, и в бок вонзились какие-то шипы, напрягся противостоят, уперлись в ребра и, соскочив с них, вдавились в кожу, еще движение и - проткнут... - Мразь!.. - от боли впал в забытье. Но слышит!

- ... Сначала был кнут, толстая ременная полоса в палец толщиной. Связали назад руки и подняли вверх, потом ноги связали, пытатель (?) сел на ремень и стал вытягивать тело - руки вышли из суставов и выровнялись с головою, а другой бьет по спине кнутом. Тело надулось, лопалось, открывались раны, как от ножа. Не испустил не то что духа, но стона! Тогда ему связали руки и ноги, проделали сквозь них бревно и положили на горящие уголья. Молчал! Начали водить по избитому и обожженному телу раскаленным железом. Снова молчал, и тут уставшие пытатели дали ему роздых. А затем обрили макушку, и по капле - холодную воду, японская (или китайская?) пытка, и тут он вытерпел ее, не произнес ни одного слова. А этот?

- ... Потом положили его между двух досок, палач отрубил сначала правую руку по локоть, потом левую ногу по колено, ну и голову... Туловище рассекли на части и воткнули на колья, как и отрубленную голову, а внутренности бросили собакам на съедение.

Facsimile рукописи (где оно, это факсимиле? и - чьей?). Ах это о Стеньке!

- ... кажется, у них в Арании пещера есть, где он скрывался.

- Ладно... - черт нехотя высвободил Мустафу из объятий лопастей и, тут же схватив его руки, ловко вддел пальцы в тиски - резко пронзила острая боль.

- Ээ... да он как в парилке, мокрый весь!

- Небось, под себя? Фи! - сморщился башка. - А еще говорили, что кафцы народ выносливый.

- То северные кафцы, а эти, южные - на словах лишь! (Ведомо святому).

- Ну что? - Черт Мустафе. - Снова будешь отрицать?

- ?

- Ну?! - Трудно дышать, сердце учащенно билось, задыхается. - Губы побелели! - За башкой будто наблюдение за состоянием здоровья пациента. Еще пузырями кровавыми пойдет!

Святой тотчас взял со стола флакончик - к носу Мустафы: - Дышите!

Нашатырь!.. Содрали слой в носу, с резью очистилась глотка. Трудно держать голову, лечь и забыться, в глазах чернота, не видит!! Это перед шоком!.. Мортехозупр (?).

- Укол давай! - донеслось до сознания. Сдернули, разорвав рубашку с плеча, и - укол в руку. Тотчас жар в груди, полегчало, вдруг услышал

множество голосов, слились, перебивая друг друга, какой-то прилив сил, радужные краски перед глазами, легкость в теле необыкновенная.

Быть этого не может - над ним склонился...

- МУСТАФА! - вскричал.

10.

Ангельски светится голубое окно компьютера, и мигающий курсор впечатывает новый файл svoboda.

- Как узнали, что я здесь?! - Рядом с МУСТАФОЙ Рыцарь Амброс! - А то тут... - улыбнулся, - шутники чертовы! Ну да, - не уронить честь! - игрологу полезно через это пройти: теория - теорией, но и на практике испытать!.. И господин Рысс?! А говорили, - куда они подевались? - что возглавил другой?

Это потому, - обрадовался собственной прозорливости, - что я угадал, назвав Рысс'а!

- ... Не скрою, горд, что довелось с Вами в Вышке... - Бледности на челе, увы, прибавилось, и особая мужская пудра уже не помогает, интеллектуальная, говорили в Вышке, бледность. - Надеюсь, - спешит высказаться, опасаясь, что повторится прежнее, - что... Кстати, а где мои, как можно ласковей, чтоб не выдать озлобления, в котором легко прочесть страх, - пыталели? Эй, отзовитесь? Ох, поиздевались надо мной, снисходительно, - отменные знатоки своего дела!.. - И к МУСТАФЕ: - Надо спасать Нику! Истязать ее вздумали!

Что=то и Рыцарю Амбросу сказать!

- ... Спешил к вам предупредить, звоню - никто трубку не берет, Триумвират - это спасение!..

Ну да, что есть проще?

Силы приведены в готовность, каждому карабин, спрятанный в кармане (!) плаща, в штатском - и не отличить, извилистые линии, зримые и незримые, явки, за которыми особый глаз, и жур-журы пропоют разными голосами, запах дорогих сигарет, цепкий, как у вьюна (?), взгляд, и отточенные - в самое яблочко - вопросы с прелестными акцентами, - говорят плохо, но зато понимание по высшему классу, и успеть переварить: две лишь фразы, но схвачена суть, и ясно, чем пахнет, стоит или нет (с ударением на о), главное - рычаг: повернуть и выйти к пяти млрд'ам, но прежде - нацелиться на своих (было около трехсот, а ныне... - нет, на все времена те же триста млн'ов!).

Особые мелодии наиважнейшей вести, частые броски в эфир, чтоб настроиться:

Говорят и показывают!..

УСТАФА выпущен в эфир, уверенное лицо, ни тени сомнения (морщин тоже), властный взгляд:

По поручению, - верхние этажи, чины, титулы, - и лично господина... ждут лицо, а тут - Триумвират!.. обращаюсь к вам, дорогие мои... - кто? прежде было братья и сестры, а тут - как? евразийцы? зонцы? люди гор и долин? не придумал: именно МУСТАФА мог без бумаги, удерживая в памяти обилие информации, и Рыцарь Амброс тоже, одна с ним типология, но акцент!.. а МУСТАФА говорит - не отличишь от Рысс'а, потому выбор пал на него (с учетом зональной этнопестроты).

- ... Уже в течение года, - многозначительная пауза, чтобы подготовить к преемственной связи с тем, что было до - до - до: чрезвычайщики, коммисты... - и прямо в покои несклоняемого Самый: обезвредить, тем более что все взяты на учет, обычная компьютерная библиография, - нытики, маловеры, скептики, шифровальщики, болтуны-бездельники, вовсе распоясавшиеся, - и полстраны как не бывало!

Пригодились ультрауловители, шкатулка легкая, как пух ("Это, - шутил МУСТАФА, - как человеку каменного века транзисторный приемник предпоследней модели"), для выявления людского балласта, какие-то лирические у них названия Селена, Эмилия, Ханна.

Параметры выносливости, доля послушания, бескорыстия, критицизма и бунтарства, степень адаптации к условиям подземным, космическим и морским, еще деления на шкале, понятные жрецам.

Автоматчики с ультрауловителями, и одному вздумалось (тоже шутит) нацелиться на МУСТАФУ лучами власти, тут же на экране - поющий Нерон, следом - пирующий в окружении посаженных на кол государь Валахии Влад-Дьявол, а персидскому шаху Несреддину на двух золотых блюдах рабы несут сорок фунтов вражьих глаз, и неразлучные в блеске зеркал РЕЛТИГ и НИЛАТС, и ряд был выдан с датами рождения - без дат смерти (как вечно живые?).

- Мы, Триумvirат, - говорит народу МУСТАФА, - временные: уйдут, мол, уступив власть привычной триаде, настраивающей на покой,

раб(судьба)класс

кол(доля)крянство

труд(?)интельция

(наборщик за замену в труд'е звонкого д на глухое п погорит).

Да, осенние на границе с зимой пасмурные дни, и вся пресса, так совпало, говорила, дабы отвлечь, о капризах погоды с ее гипоксией, термическим дискомфортом, инверсией сезонного ритма и геомагнитными возмущениями, - выделить курсивом, будто намек или подтекст. Кстати, ультрауловителем был выявлен низкий ППД (потенциал полезного действия) аранцев и всех прочих кафцев (даже хвастливых эрмов!), а где шкала перспектива выживаемости, - цифра нуль.

Жаль!.. - сокрушались МУСТАФА и Рыцарь, - что с кафцами уйдут (если Селена-Эмилия-Ханна выдали правду), - и, перебивая друг друга, стали выкрикивать качества:

сердечность!

отзывчивость!

культ наслаждений!

поэтичность!

тамадизм!

рыцарство!

Это МУСТАФА, чтобы угодить, - и тут же вырвал из груди нечто розовое, трепещущее, теплое и бросил под ноги, стал топтать, пока не разодрал в клочья, и кот, невесть откуда появившийся на TV, прошмыгнув меж ног охраны, вмиг проглотил почерневшие окровавленные куски и тут же исчез, будто его и не было, но зато вся держава скандировала, как в популярной песне: Мус-та-фааа!

А Мустафа, услышав мелодию, будто очнулся и, не отдавая отчета своим действиям, но понимая, что это - гибель, неожиданно, как в юности, применил давнишний бойцовский прием 1: 0 выбросил вперед руку, и всей пятерней, силы откуда-то взялись - память мускулов! - схватился за подбородок МУСТАФЫ, резко потянул к себе, чтобы сорвать, да, да, никаких сомнений, - маску.

В руках - ком резины!

- Хвалю за сообразительность, браво!..

Перед ним - святой!

Сорвали с себя маски (как снимают противогаз) черт и башка.

Хохотали долго и всласть (у черта смех был сухой и злой), а башка, копируя ясно кого, смеялся так заразительно, что и Мустафа не выдержал: только что глаза выражали ужас, а уже хохочет с мучителями.

- Какой неподдельный пафос! - сказал башка, вытирая слезы.

- Да, владеет мудростью, - это святой.

- А замыслы? Замыслы-то прекрасны! - молвил черт, а башка, чтоб окончательное выговорилось им, произнес что-то о повелениях, которые отменны.

Мустафа тотчас ощутил бессилие в теле, грохнулся на сиденье, не соображая, что это - стул-экспонат, и они могут... пусть! исчезло ощущение боли.

Реагируя на шум, залаял Титан.

- Впусти его, - велел черту святой, и пес, спрыгнув вниз, - прямо к Мустафе.

Ну вот, новый мучитель!.. Но слабость пересилила страх, он даже не отшатнулся, лишь вздрогнул: будь что будет.

Титан разверз у самого носа Мустафы черную свою пасть, Это конец, я не выдержу! схватил, взяв в нее целиком, всю окровавленную кисть руки, и Мустафа напрягся в ожидании чего-то страшного: Сейчас прокусит! и вдруг стал заботливо лизать ладонь, тщательно обсасывая большой палец, лижет и лижет, Мустафа ощущает острые зубы и крепкую челюсть, но они бережно держат руку, и от прикосновения мягкого, теплого, липкого языка, обволакивающего раны, боль стихает, будто ее слизали.

Пес проделал то же с левой рукой и, словно почувствовав, что перестарался - хозяин разгневется! - подскочил к святому, лизнул руку черта, глянул, завиляв хвостом, на башку, а потом, мол, надоело дурачиться, сел в сторонке и наострил уши: что будет дальше?

Святой зевнул, прикрывая рукой рот:

- Охх... Да-с, поиграли и хватит. Надеюсь, гость не в обиде.

- Что с ним делать? - спросил черт, будто Мустафа вещь какая.

- Захочет - останется на мальчишник, нет - скатертью дорога.

Неужто кончилось?

- Может, - черт произнес по слогам нечто непонятное Мустафе, раньше времени радовался! - по-па-у-ччичить? А то я не вполне удовлетворен.

- Выдержит?

- Такую речь толкнул! Не мешало б наказать, спасибо нам потом скажет!

- Ну-с, пошли! - и все двинулись к лестнице, будто забыв про Мустафу, - собака первая, за нею святой.

- Как же я? - вырвалось у Мустафы невольно.

- За нами, друг, за нами! - позвал башка.

Та же скатерть, и кружка, из которой пил - как давно это было!.. Что-то торчит из кармана: ах да, маска МУСТАФЫ - сорвал и не помнит, когда сунул в карман.

- Ан-нет! - Черт увидал. - Наш экспонат уркали (обыграл урку)! За такое!.. ай-яй-яй!..

- У нас дубликат, пусть берет на память, - распорядился святой.

Черт отошел, но лишь с тем, чтобы... что он несет? Какую-то сетку, - и не успел Мустафа додумать, как черт проворно накинул ему на голову клубок капроновые! - нитей, сетка тотчас захватила его всего, запуталась в ногах, Мустафа, не удержавшись, упал на скользкий линолеум, забарахтался, пытаясь выпутаться, и только тут понял: попаучить! паучья сеть!.. 0 и он, как муха, попавшая в нее! Нет, не смеет - уйти в себя, не мельтешиться, не тратить силы - нить не рвется!

- Открой глаза! - скомандовал черт. - Ну?! Ищи концы и выпутывайся, я помогать не буду!

Мустафа лихорадочно перебирал нити. И по мере того, как искал выход, в нем вздымалась паника, никогда не найдет! Нити липли к пальцам, снова сразу вспотел, соль въелась в глаза.

- Ищи! - торопил черт.

- Не могу! - глотал слюну. Молить о пощаде! И тихо - к святому: Помогите мне... -

Просить нельзя, вспомнил.

- Такое легкое дело. Отчего вы такой неумелый?

Нет, не спешить: дышать-то ты можешь!

- Ищи, ищи, а не то я, - пригрозил, - так запутаю!

Есть критическая точка, и он должен ее пройти!.. Скрючился, будто кто-то тянет нить, собирая и путая концы. Закрыв глаза, ловит ртом воздух, не отдышится.

- ... Эй! - стал теревить его черт. - Мустафа не отзывался. - Умрет еще!

Впал в забытье - голос, даже визг (башки) как издалека:

- Я предупреждал!

Титан нагнулся над Мустафой, лизнул лицо. От запаха пса - у его носа! - Мустафу передернуло. То ли Титан нащупал спасительную нить, то ли черт потянул ее ловко, - Мустафа высунул голову из сети и, все еще не веря в свое избавление, не торопился из нее вылезти, не спеша встал... Вот она, сеть, - в его руках!

Спасибо, - Титану. - Я плохо о тебе думал.

Не напрашивайся на дружбу.

- Может, останетесь на мальчишник? Вы так рвались сюда.

Не говоря ни слова, Мустафа побрел к выходу, держась за стену, открыл дверь и вышел, забыв ее закрыть за собой, на террасу.

И только тут пес залаял, признав в нем чужого, который ходит по его владениям.

Прощай, Титан!

По ступенькам вниз (сырость обожгла горящую глотку), дотащиться б до ворот! Хотел прикрыть рукой рот, чтоб не дышать холодным воздухом, и острая боль пронзила локоть, Мустафа аж вскрикнул, и тут снова - на сей раз грозно - раздался за спиной лай.

Из-за туч появилась луна, и при ее свете различил в конце улицы какую-то фигуру: Ника?.. Вышла следом: он - из музея (?), она - из дома напротив. Молча смотрят друг на друга, не понимая, что с ними: неузнаваема, ничего из прежнего - трещинка у рта, придававшая затаенную робость, раскололась и не склеить.

- Мустафа, что они с тобой сделали?

Нет сил говорить.

Устало побрели в сторону, кажется, станции, может, к лесу? Идти, так легче, - забыл о машине, смутно помнил, как сегодня Однем, нет, это было вчера, открыл ворота и въехал на площадку перед домом.

Пойдут и остановятся, вглядываясь на узкую дорогу, которая тянулась меж двух рядов высоких сосен, и просвет неба суживался вдали.

Ника что-то шептала, отвлечется и снова шепчет - что-то про маму: Нет, нет!..

Предрассветные сумерки? Становится светлее. Земля под ногами твердая, побаливают руки и тяжесть в теле, видят небо, оно розовеет, кажется, запели птицы... нет, какие птицы? давно улетели... И о машине вспомнил - но вернуться назад?!

Еще чуть-чуть побыть одним в тиши, идти, выдыхая из себя отраву, и гарь в горле. А он и не знал, какая у него душа (и что она есть), неспособная устоять. Смутно лишь виделась его атака - как бросился на них, сообразив про маски.

Что-то случилось, и тишина, как уже не раз было в последнее время, обманчива. Надо вернуться.

- Ты подожди здесь! - Ника не слышит будто. - Я сейчас за машиной, мы поедем.

- Не оставляй меня одну, я боюсь.

В тех домах, казалось, не было жизни: темные окна, за которыми ничего не видно. Лязгнули ворота, когда их распахнул. Нет страха, лишь стремление бежать. Они нас видят! Выскочат, схватят их, обессиленных, втащат обратно... Машина, к счастью, быстро завелась, и они выехали на дорогу.

Возвращалась уверенность.

Что ж, и это он испытал, ему - наука (?).

Ника ни жива-ни мертва, руки мелко-мелко дрожат. Коснулся их ладонью. Ледяные пальцы. Но дрожь прошла. И даже улыбнулась ему (кривая трещинка у рта).

Включил радио, может, какая музыка? Молчание. А потом какие-то, через интервал, позывные. Так и ехали, думая, что вот-вот пробьется хоть какой голос под тревожные звуки. Мустафу сковало оцепененье: ни выключить, ни искать другую волну.

Маму вспомнил. Нет, раньше, когда сетку на него накинули (еще раньше когда в одиночной камере заперли, и он невзначай вскрикнул: Мама!). Так и не навестит ее могилу. Сколько раз уже было: хочет поехать, но не удается. Лишь на миг укор - и тут же забывает.

Однажды (это было давно) позвонили, что не указал, где похоронены родители:

"Адрес кладбища вам? Ряд? Место?"

С ГРОБ'ом никто не смел так говорить - зарубили поездку, пришив к досье бумажку, что невоздержан, дерзок, груб - к иной, служебной, характеристике: Дисциплинирован, чуток, отзывчив, скромн в быту, хороший семьянин... Что еще, вспомнить, - как можно забыть: Неуклонно повышает свой идейно-теоретический уровень.

Придет на кладбище - не найдет могилу матери: разрослось оно, и не отыщешь, если давно не посещал.

- Ты не спеши, в город нас все равно так рано не впустят.

- Почему?

- Комендантский час.

- Уже?

- Что же будет?

- Игра.

- Деловая?

- Как бы не так!

Играя, будут допрашивать.

Под лопаткой остро кольнуло и отпустило. Боль прошла через плечо, оно заныло: укол! И пальцы одеревенели. Пошевелил ими, потом заметил вмятины от тисков. Титан!.. - улыбнулся.

- Чему ты улыбаешься? - спросила.

Играя, зачитывать приговор.

Впрочем, играя, вершили и при ZV, - искусный поккерист Пиккуль, в чью камеру несли бутерброды, к которым привык, семгу и брауншвейгскую, приходили с колодой карт, вдруг трезвел: "Ох, братцы, далеко зашла наша игра! Как бы вам не лишиться классного партнера!"

И зная по опыту прошлых игрищ, что за чем последует и дабы не повторяться, плодя архивы, которые негде хранить, ибо выгоднее сдавать помещение в аренду за валюту, а из нее - зарплата архивным клеркам, хранящим нечто, уже сегодня воздадут должное жертве, если уцелела, или ее потомству раз в год паюсная в баночке икра (и маца!).

Играя...

нет, тут автоматика, никакого дикого рстрл'а: затылок осужденного, заслоня незримый луч, открывает дорогу разрывной пуле.

И без ожиданий будущего, которого нет, и оно лишь моделируется в очередной деловой игре, развернутой ко всем зонам, где за каждым поворотом, а их видимо-невидимо на этой горбато-низинно-ямской территории, вбиты надолбы, а кое-где и минные поля, но нашлись говоруны-мечтатели, для которых, было б желание! интересно не то, что уже было или есть, а что будет, если даже и не случится вовсе.

При этом скупая прозрачность схемы обретает витиеватость и велеречивость, тем более, что засорены директориями, legissi'ями, файлами, ferrа'ми диски и, прежде всего,

портон не в меру компанейского, энерго пьющего, до поры до времени терпеливо сносящего всякого рода клавиатурные манипуляции... - тут бы и собрать вместе разрозненные осколки ком + пью + тер'а, чтобы было ясно, что речь о живом и не до конца познанном существе.

И оно может, освобождаясь от стрессов, выстреливать нечто непредсказуемое, сбрасывая излишки информации, как романтический конь надоевшего седока, или прозаический осел поклажу.

Путаница вышла с финишем, вкралось созвучие с фениксом и сфинксом, и потому тугим на ухо, которым сподручней и по нраву больше говорить, нежели кому бы то ни было внимать, услышалось привычное final, а на самом деле fatum. Как же иначе: чем больше гласности - тем больше слухов и разночтений.

Но прежде - о забытых, хотя, может, и не очень существенных деталях прошлой ночи. Пытатели разрешили Мустафе уйти, но не успел дотронуться до двери на крыльце, как черт его окликнул:

- А маска?

Что за маска? Ведь как будто договорились.

- Маска МУСТАФЫ!

Мустафа швырнул ее, разжав кулак, и она, сморщенная, упала к ногам черта, и решительно спустился с крыльца, пожалев в следующий миг, что расстался с вещественным для Триумвирата доказательством.

Ника - некоторые уточнения: когда сидела в машине, решила, что это конец их отношениям, тем более что Мустафа произнес:

- Оно и к лучшему...

И, уйдя в себя, стала продумывать прощальные - на сей раз и в самом деле - строки своей записки, которую, как вернуться, непременно оставит Мустафе:

Простимся...

Почти два месяца мысленно отрывалась от тебя, приучала себя к мысли, - уловила, что дважды мысль, - о потере. Я чувствовала, что слышу твою музыку, как хороший музыкант партитуру. И наш последний разговор на нюансах (какой?.. - задумается Мустафа, читая ее послание, но так и не вспомнит).

О камине: запомнилось Мустафе, когда вошел к святому, пылающее полено, и оно, как только глянул, вдруг рассыпалось красными углями.

Ну и о том, что минувшей ночью Мустафе явственно привиделась смерть, она просунула свой череп в одиночную его камеру.

Заодно очиститься от штампов, которые нет-нет, а просачиваются в текст, особенно про 1 Онеугомонного башку, чьи выбросы руки вперед, а туловища вправо и влево, вряд ли кого поразят, ибо на свете не осталось уже ни одного простачка, который бы верил в его, башки, гений - нечего с ним было связываться: уж лучше кое-какие подробности о черте, кому жена наставляет рога, хотя и это - из банальностей.

Может, пора открыто высказать Нике неудовольствие, имея в виду ее тамошнюю (в детском саду) болтливость и чтоб как можно мягче - не обидеть:

- Увы, ты оказалась под действием астральных сил, вызывающих приступы окроветенности... Ну да ладно, теперь не важно. Впрочем...

- Оно к лучшему. - Ника застыла в ожидании удара, а Мустафа, оказывается, о другом:

- Рысс меня отлично знает, к тому же он теперь в одной упряжке с МУСТАФОЙ и Рыцарем. Мы сразу к ним поедем!

Ника не поняла:

- Они-то при чем?

- Как при чем?! Триумвират!

- Это тебе Разыграев сказал?

- Какой еще Разыграев?
- Хозяин дачи, на бога который похож.
- Святой? Ай да Разыграев! - понравилась фамилия. - Мы теперь с такое разыграем!
- Я слышала, как тебя Разыграев допрашивал. По невежеству он спутал triumph с triumphat'ом! Новый теперь!

- Как?! - и радость, и растерян. В бане его не защитил и даже какой-то, кажется, анекдот о нем рассказал! - Ведь он, говорили, - вспыхнуло давнее, - не потянет! Но чего ты снова повторяешь?

- Не бойся, не выдам, - уловила! - К тому же раньше времени радуешься, и переживаешь тоже зря: Новый да не тот Новый!

- Не доктор?!

- Новый Новый.

- И концы с концами!

- Ты о чем?

Молчит.

По принципу кольцевидного обрамления, которому следует Всевышний. Нечто замкнутое.

- Да, это надолго.

А там, как в притче, - Мустафа любил забавлять ею аудиторию: про чудака, который вздумал, живя за счет казны, осла грамоте научить, иначе - казнь. Но пока суть да дело - или осел сдохнет, или шах, как сказано у поэта, уважать себя заставит, или новоявленного пророка-авантюриста черед придет.

- Я сосчитала: после нулевого цикла он - тринадцатый.

- Кто? Шах? Пророк? Или осел?

- Ты шутишь, - поняла, - а Новый уже и тронную речь произнес, назвав, кстати, всех твоих рыцарей преступными авторитетами!

Лучше сразу, перестроившись против часовой стрелки, нежели дробясь стать маленькими кружочками на карте, чтобы потом начать снова - и никаких зон! - собирать земли по крупичкам, вершок за вершком.

А в остальном - как здесь.

И долгожитель Аран, единственный, кто остался из аранцев, на старости лет вздумал по старинному самоучителю освоить родные языки, каковыми считает аранский и эрмский, чтоб примирить их, но забыл, что ученье в старости черчение на песку (а в молодости - резьба на камне), поговорка была в записной книжке деда, на обложке - конь, подсказавший в незапамятные времена название рок-группы... да - Мустанги! И прослезился, сдали глазные мышцы:

О, Мустафа!..

- Лишь бы не заклинило компьютер!

- Подключиться к центральному? Узнать, что замышляется?

- Просмотреть в... как ты сказала? Да, симулейшн.

- Но множество если.

- ?

- Если режим гипотез задан изначально и оптимизирован!

- А еще?

Молчит.

Оставит Нику, заглянув к Норе, в отцовском доме, таиться уже незачем, пусть без него манипулирует.

- ... Если еще действует линия. И если, - добавила, - ослаблена защита от - по слогам - не-санк-ци-о-ни-ро-ванного доступа!

Оставит ему прощальную записку. Я вдруг поняла: кончится деловая игра - кончатся наши отношения. И фраза, естественная в письме (непрерывно снять вычурность!): Незачем городить огород. А в конце найдет просвет узкую на бумажке полосочку, чтобы мелкими буквами вписать: Будь храним!

- ... Нет, одной у тебя я не останусь!

Что ж, поедут вместе.

И не успел Мустафа войти домой, как Нора с ходу:

- Тут такое творится, и вдруг заявляется, кто бы ты подумал?!

- Гунн?

- Жди!.. Он еле ноги унес, я умоляла забрать Арана - ни в какую, ветром бугая, как пушинку, сдуло!.. Сестра моя к нам явилась!

Опять начинается?!

- Как сестра?

- Не знаешь, что у меня есть сестра, вождь гномов нашего дома?

- ??

- Нет-нет, не филантроп - просто оказывает иногда мелкие услуги.

- Но она...

- Радуйся, что похороны - неправда. Чудо, что осталась жить, когда нас изгнали, холод не погубил, хотя атрофия и прочее, а все дело в моей активности и ее пассивности в маминой утробе... Она ведь старшая, не знал? На двадцать минут!.. А старшие называются паразитами.

Бред какой-то! Надо остановить!

- Экстрасенс? Это были ее шутки, каприз.

- Я живу в постоянном страхе!

- Но страх твой - мнимый. Он исчезнет, когда окончательно меня похоронишь: ты могла быть мной.

- ... Она единственный верный человек, спасти нас пришла! И я отдала ей Арана!

Зловещий намек?

- Как это понимать, отдала, - проглотил слово: мертвой?

- Она неприметное существо, и никто ее не тронет.

- Но рядом - Аран!

- Ты хочешь, - перебила его, - чтобы он заживо сгорел в адском пламени, что вокруг бушует?

- И куда она его увезла?

- Тайна!

- От меня, отца?

- Вспомнил, что отец!.. Не волнуйся, там у нее ему, как в раю, будет. А ты беги в свое подполье!

- Со мной и пойдешь!

- С тобой спастись? Разве на тебя можно положиться? Да ты... - и первое пришедшее на ум, - гвоздь в стенку вбить как следует не можешь: или искривишь, или так ударишь по руке, что неделю охать будешь!

Не связываться!

- В мое подполье!

- По туннелю? - съехидничала. - И на Горбатую площадь?.. Всех нас твое подполье не вместит.

- Кого всех?

- Твой гарем! Спешу без меня.

- Опять твои глупости?!

- Я лучше в свое подполье, где мои гномы, - и каким-то ключом его, глаза странно блеснули, дразнит.

Мустафа решительно направился к выходу. Позвонить в скорую!

- Стой, я не все сказала!

- Что еще?!

- За тобой уже приходили.

- Кто?

- Вылепить тебя хотят из красной глины.

- Святой? - невольно вырвалось. И тот толковал о глине!

- Ну да, ты уже давно к святым себя причислил, надеешься на, - и какое-то мудреное Posthumi, то бишь посмертные публикации. Тоже мне колосс! Не надейся: лишь бюст, а потом обжечь в печи... Стой, не все сказала!.. Ты не соглашайся, пусть изваяют во весь рост, - Мустафа уже на лестничной площадке, и вдогонку, - в бронзе!.. - услышалось динозавр. Запереть ее, оставив ключ снаружи!.. Выскочил и тут же из автомата (без жетона!) набрал ноль-три:

- Скорая?.. - и так далее. И что он оставил им снаружи ключ в двери. А ему там - покрутите, мол, у виска (?), делать им нечего, когда столько вокруг раненых, - успевай подбирать!..

- Вам еще повезло, что сразу дозвонились!

Что за ключ, которым дразнила?

(Нора, увидев Мустафу в окне с Никой, поспешила к телефону и язычком ключа простучала номер: У тебя - свой гарем, женский, у меня свой).

А пока... не успели включиться с Никой - Знала! - в Центральный компьютер, телефон еще задействовала и через сеть передала какую-то цифровую информацию, Мустафа при этом, дескать, он тоже знает, спросил:

- Хакер?

Ника удивленно кивнула, и компьютер стал выдавать на экран какие-то цифры, нечетный ряд, с помощью которых Ника пыталась войти в преисподнюю, семижды седьмин, а потом пошло такое!..

Medium, Medium, Medium,

что-то про часы (символ времени?), которые остановились на Биг-Бене, еще башни и дважды - на Горбатой, и картинка, перекочевавшая из windows'a: кто-то невидимый ссаживает Бременских музыкантов друг с друга - сначала петуха, и он тут же прокричал позывные TV, ну и далее остальных, и осел, освобожденный от тяжелой ноши, встряхнулся, тут же пропев... Турецкий марш (Моя мелодия!)

И какие-то, как уже случалось прежде, столбиком фигурные слова

Кровосмесительная любовь,

Танцую, упал мертвым,

Выкрикнул No! No! No!

сон, сон, сон, сон,

и еще, а потом предупреждает:

Быть во сне президентом - к несчастью!

И на всю строку крутится-перекручивается лента Мёбиуса:

М следит за N, N следит за M...

Мустафа и Ника глянули друг на друга: не о них ли?

Рясу надел (кто?), а погоны снять не успел (иожет, вычислил кого Personal Computer?).

- Разрыв, чтоб никто не проник! - проговорила, и тут же, будто подслушали, пошли вперебивку обрывки словосочетаний, и по отдельным стилистическим инверсию, вроде - этнорефлексия, под эгидой метатеоретического целеполагания, выступает, словно мираж,

рациоантиподом, перехитрив ситуацию, минимизировать... Мустафа понял: его секретные (??) разработки! оставил у МУСТАФЫ!..

И неясный знак, вроде скрещенной буквы.

Фразы вдруг стали рассыпаться на слова, слова дробиться на буквы, смесь шрифтов - кириллицы, арабской, латиницы, еще какие-то тюркские, из них образовался холм, а из этой груды родились новые слова, складываясь во фразы, чтобы снова рассыпаться на мониторе, обретающем порой вид ночного звездного неба, - уйдя в космическое пространство и блуждая в нем, как осколки разлетевшейся на куски ракеты.

На экране задвигались живые точки, будто существа какие, пошел за ними следом мягкими, извините, лапками.

- Вирус! - вскричала.

Буквы, услышав Нику, тотчас составили слово virus, и компьютер, проголодавшись по топливу и дабы зарядиться энергией килобайтов, ибо запутался и иссяк, стал пожирать буквы, слова, которые они складывали, соединясь затем во фразы, абзацы и файлы, они были вкусны, как малокалорийный запретный плод, если точнее - только что выловленная в питающих Вавилон быстрых горных речушках и тут же изжаренная форель.

Не наевшись (разве форелью насытишься?), стал, будто дракон тринадцатиглавый (всегда нечетное, чтобы в момент равновесья неизменно перевесить в драконью пользу!), съесть самого себя: ест и ест, начиная с хвоста, - аж до заглавной пасти, прежде проглотив всю дюжину глав, а потом, как-то по-особенному вывернувшись, и прожорливую тринадцатую, - всего себя без остатка.

И напоминая, что программа, которую так неуклюже составил господин ЗИГНИЧ, - не выдумка компьютера, а самая что ни на есть реальность, примятая трава, на которой дракон только что окуражился, да змиев дух, стелющийся, пока не выдуло его ветром, над зеленой лужайкой.

Лишь две удаляющиеся фигуры, которые, миновав поле, вышли за черту города: высокий, будто великан, юноша в сопровождении какого-то маленького человечка - то ли карлик, то ли ребенок.

Впрочем, кто кого оберегал, издали разобрать было трудно.

Файлы романа "ДИРЕКТОРИИ IGRA"

1_MOTIV

2_NIKA

3_NORA

4_MIZER

5_HAMAM

6_VIZIT

7_DIABOL

8_BABILON

9_SERIAL

10_SVOBODA

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)